

Диана Гамильтон

Самозванка

От автора

Всю свою жизнь я прожила с мечтой об Испании — ее романтике, огне и страсти. И когда мне было предложено написать роман, действие которого происходило бы именно там, я отправилась в свою первую поездку на юг Испании со смешанными чувствами: не обманет ли она моих ожиданий? Но она превзошла их!

От прекрасной Андалузии — виноградников, апельсиновых рощ, старинной архитектуры с сильным мавританским влиянием — просто захватывало дух. И еще я никогда не забуду дружелюбия ее жителей.

Диана Гамильтон

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он был, пожалуй, высоковат для испанца, да и глаза у него были серые. Их теплый дымчатый цвет подчеркивали ресницы, такие же густые и черные, как и волосы. Но эта теплота и мягкость совсем не сочеталась с резкими чертами лица, тяжелыми прямыми бровями, не улыбочивым, хотя и чувственным, ртом.

Кэти знала о его существовании, но никогда его не видела. Стоило пальцам коснуться визитной карточки, которую он вручил, как ее охватила паника.

Хавьер Кампусано.

Ей захотелось захлопнуть дверь перед этим красивым не улыбочивым мужчиной и убедить саму себя, что все происходящее просто дурной сон. Даже кошмар. Она вздрогнула, и эта инстинктивная дрожь была вызвана скорее присутствием испанца, чем сквозняком с мрачной и промозглой лестницы — такой же, как и в большинстве домов северной части Лондона.

Позади нее в крохотной гостиной послышался голос Джонни: что-то среднее между писком и визгом, в котором отчетливо слышалось нетерпение. Значит, пора кормить ребенка. Кэти заметила, как в глазах у испанца мелькнула нежность, сразу изменив его недружелюбный и неприступный облик. Но она невольно выпрямилась, загораживая вход. Хотя и придется вытерпеть эти несколько неприятных минут, скоро все будет кончено и этот ужасный эпизод навсегда останется в прошлом, успокоила она себя.

— Сеньорита Соме? — повторил испанец. В его интригующе приятном голосе с легким акцентом тоже слышалось нетерпение, потому что вот-вот должен был раздаться рев голодного ребенка. — Вы позволите?

Сильная смуглая рука сделала сдержанный, но решительный жест в направлении квартиры, и Кэти, откинув с лица испачканными в краске пальцами золотистые волосы, опустила глаза, смирившись с неизбежным.

— Да, конечно, заходите, сеньор Кампусано. Он не задержится здесь надолго, подумала она. Скажет только, что его знатное семейство никоим образом не поддастся шантажу — эмоциональному или какому угодно другому. Я, как и положено материт одиночке, проглочу все это, а потом укажу ему на дверь.

Она ожидала, что этот облаченный в черное пальто богач из Хереса, глава одной из наиболее известных в Испании винодельческих фирм, проявит открытое неудовольствие при виде ее убогой квартиры, загроможденной детскими вещами и принадлежностями для живописи. Ведь все ее героические усилия по замене обоев и мягкой мебели не могли скрыть того, что квартира у нее теперь совсем маленькая и далеко не в самом престижном районе города.

Но взгляд Кампусано был устремлен только на ребенка и был таким пристальным, что Кэти опять непроизвольно вздрогнула. К своим пяти месяцам Джонни стал настоящим крепышом, причем с вполне сложившимся характером. За свою короткую жизнь он видел не так уж много людей, а посторонние вообще никогда не появлялись в его крохотном мирке, поэтому, увидев вошедшего, он перестал раскачивать манеж, стоявший посреди дешевого и не слишком яркого ковра, растопырив пальчики, вцепился в подвешенную перед ним погремушку из разноцветных шариков и уставился на высокого смуглого незнакомца темно-серыми серьезными глазами. И если Хавьер Кампусано не заметит явного фамильного сходства в слегка оливковом цвете его кожи, в огромных серых глазах и шелковистых черных волосах, значит, он абсолютно слеп.

Но я вовсе не хочу, чтобы он заметил это сходство! — спохватилась Кэти. Пусть скажет, что собирался, и уходит. И никогда больше не появляется.

И вдруг, продемонстрировав два недавно появившихся передних зуба, Джонни улыбнулся, точно солнышко в дождливый день. К вящему ее удивлению, Кампусано улыбнулся тоже, и улыбка его оказалась такой искренней, что у Кэти перехватило дыхание. Защитный инстинкт заставил ее выхватить малыша из манежа и прижать к себе. Когда она вызывающе посмотрела на дядю своего ребенка, в ее фиалковых глазах засверкали молнии, а нежные губы плотно сжались.

— Я так понимаю, что вы явились сюда от имени вашего братца, — констатировала она. И сразу же улыбка сошла с его лица, оно точно окаменело. Но лучше поскорее покончить со всем этим, подумала Кэти, чувствуя, как нервно забилась жилка на шее. — Я... мы... — поправила она себя, — не собираемся предъявлять к вашей семье никаких претензий. Ни сейчас, ни в будущем. — Уже не в первый раз она страшно жалела, что ее сестра послала в Испанию второе письмо. Абсолютное молчание, ставшее ответом на первое, было и без того достаточно красноречиво.

Франсиско Кампусано, избалованный младший отпрыск этой известной семьи, имевший мало общего с виноградниками, винными погребами и поставками вина, явно проигнорировал тот факт, что стал отцом. Полное молчание в ответ на первое письмо Корди, где она уведомила его о своей беременности, яснее ясного продемонстрировало, что он предпочитает забыть о бурной ночи, проведенной с этой сексапильной блондинкой-манекенщицей, приехавшей в Севилью с показом коллекции модной одежды.

Так что появление главы семейства Кампусано сейчас, на этой несколько запоздалой стадии, могло означать только одно: он решил предотвратить любые попытки матери ребенка посягнуть на богатство и положение своей семьи. Ну что же, это меня вполне устраивает, подумала Кэти и улыбнулась малышу, который тут же занялся изучением ее рта, проводя крохотными пальчиками по ее ровным белым зубам.

— Мам-мам-мам...

Улыбка Кэти стала еще шире, и на какое-то мгновение она напрочь забыла о присутствии спесивого испанца, ведь первые членораздельные звуки, которые произнес мальчуган всего день или два назад, явно означали, что он считает ее своей матерью. А я и вправду его мать,

подумалось ей. Пусть не в физиологическом смысле, но зато в любом другом, который стоит принимать во внимание. Если усыновление пройдет гладко, скоро он станет моим сыном и по закону. Проживи я тысячу жизней, все равно никогда не поняла бы, как это Корди могла так бессердечно отказаться от малыша!..

Но тут стгутившаяся в комнате тишина заставила ее беспокойно поднять глаза и встретиться с уверенными серыми глазами Хавьера Кампусано. Нежная улыбка мгновенно сошла с ее лица — она заметила, каким оценивающим взглядом он окинул ее от макушки до ног в старых и удобных парусиновых туфлях. Этот оценивающий взгляд неожиданно и необъяснимо заставил ее почувствовать свое собственное тело, причем так, как она никогда раньше не чувствовала его. Вся кожа тут же покрылась мурашками.

— Да, я узнаю вас, — заявил Кампусано с холодной решительностью. Он сделал шаг или два назад, чтобы с нужного расстояния рассмотреть стоящее на мольберте полотно, и легкое сомнение проскользнуло в его дымчатых глазах. Однако оно тут же исчезло, и он продолжил: — На той вечеринке в Севилье вы выглядели лучше всех. Я пробыл там всего несколько минут, но заметил вас среди тех, кто снимался для рекламных буклетов моих отелей. Я сразу понял, что вы идеально подходите моему брату. — На какое-то мгновение его голос сел, но потом опять обрел былую силу. — А теперь, когда я увидел ребенка — вы не скажете мне его имя? — могу согласиться с любыми вашими претензиями.

Так, значит, он решил, что я — это Корди! — подумала Кэти. Сестренка придет в ярость, если когда-нибудь узнает, что кто-то мог спутать нас. Но осторожность заставила ее не торопиться с отрицанием, и она только холодно сказала:

— Его зовут Джон.

Жизнь научила ее осторожности, когда, после смерти матери, она оказалась старшей в семье. Еще подростком Корди была сущим Божьим наказанием: упрямая, тщеславная, беспринципная. И вот печальный итог — отказалась от собственного ребенка...

— Значит, Хуан.

Сеньор Кампусано тут же переделал имя Джонни на испанский лад, но Кэти воздержалась от возражений, посчитав их несущественными, и вместо этого намеренно резко произнесла:

— Извините, мы вас оставим. — Она посадила ребенка повыше, прижавшись щекой к его мягкой и нежной щечке. Губы у Джонни уже начали округляться — в любой момент он мог возмутиться задержкой кормления и задать такого ревака, от которого стены заходят ходуном. — Пора готовить ему еду. — И сделала еще один, как она надеялась, заключительный выпад: — Мне показалось, что я объяснила все достаточно ясно: мы не имеем к вам никаких претензий.

— Мы? — Черные полосы прямых бровей сошлись вместе, а взгляд метнулся на ее палец, где не было обручального кольца. — Кто такие ?мы??

— Джонни и я, конечно, — ответила Кэти с показной веселостью. Отчасти это была обыкновенная бравада, отчасти — попытка скрыть собственную роль. Но Корди бросила своего ребенка, ей не нужна подобная обуза. Значит, сестра автоматически отказалась и от предъявления каких бы то ни было претензий, рассудила Кэти.

— Ага. — На выразительном лице сеньора Кампусано мелькнуло нечто похожее на облегчение. — Однако Хуан недостаточно взрослый, чтобы принимать подобные решения, —

сухо добавил испанец. Надменность, с которой он держался, вызвала у Кэти непреодолимое желание залепить ему пощечину. — Да и вы... — Он пожал широкими плечами, обтянутыми дорогим кашемировым пиджаком, и лишь учтивый тон немного смягчил последовавшее оскорбление: — Неужели вы попытаетесь уверить меня, что внезапно почувствовали себя вполне зрелой и ответственной особой?

подавив первое желание заявить, что он ошибается, она вовсе не та легкомысленная особа, которая легла в постель с малознакомым мужчиной, да еще и поленилась оградить себя от нежелательной беременности, Кэти вдруг с ужасом почувствовала, что ее лицо заливают краской. А сеньор Кампусано принял ее смущение за признание вины. Ну конечно же, принял — одна его черная бровь приподнялась вверх, и он с подчеркнутой медлительностью ответил сам себе: — Думаю, и пытаться не стоит. Он улыбнулся, но изгиб его красивых чувственных губ лишь подчеркнул издевку. Наверняка он понимал, что его присутствие лишает ее дара речи, заставляет задыхаться и краснеть. Он был так силен, спокоен и уверен в себе, что даже воздух в комнате, казалось, наэлектризовался.

Я была права, когда решила быть с ним поосторожнее, подумала Кэти, крепче прижимая к себе извивающегося всем телом ребенка. И тут же получила еще одно подтверждение своей правоты. Вежливо и с неумолимой жесткостью испанец заявил:

— Претензии — обоюдоострый меч, сеньорита. Вы можете отказаться от своих, это ваше полное право. Но я не имею ни малейшего желания отказываться от моих. Это мое право. И мой долг.

Кэти отчетливо услышала в его словах угрозу, которая болью отдалась во всем теле. От страха у нее даже онемел кончик языка. Как она могла увидеть в его глазах какое-то чувство? Они были холодными, как смертоносный толедский клинок!

Но тепло извивающегося в ее руках малыша придало ей храбрости. Она гордо вздернула подбородок и бросила в лицо Хавьеру:

— Уж не хотите ли вы сказать, что отец Джонни решил предъявить какие-то права на своего сына?

Щеки ее запылали еще жарче, голос сорвался на визг, но ее это мало волновало. Ей надо было раз и навсегда дать ясно понять, что никакие претензии этого отца удовлетворены не будут. И тем более не сейчас, на самой щекотливой стадии процедуры усыновления. Но в этом она, конечно, признаться не могла и поэтому продолжила атаку:

— Пять месяцев он игнорировал существование Джонни, не говоря уже о периоде вынашивания, и поэтому его запоздалое внимание никого не интересует. А кстати, почему он не приехал сам? — Глаза Кэти метали молнии. — Побоялся, что ли? И послал вас выполнять за него грязную работу?

Какой-то бесконечно долгий момент казалось, что его тело, его лицо вырублены из куска льда. Потом он сказал, едва шевеля губами:

— Francisco esta muerto.

Перевод был не нужен. Она побледнела, слово ?мерть? глухим звоном отдалось в голове. Груз печали заставил испанца невольно перейти на родной язык, и Кэти стало стыдно за свою бестактность. Лишь через минуту, когда ей удалось наконец справиться с собой, она тихо сказала:

— Мне очень жаль. Я не знала.

— Откуда вам было знать?

На секунду фиалковые глаза встретились с дымчато-серыми в мгновенной симпатии и понимании, и Кэти почувствовала, что она связана с ним чем-то гораздо более сильным, нежели простое сострадание... Насколько она заблуждалась, воображая что-либо подобное, стало ясно, когда он с равнодушной учтивостью, которая так легко ему давалась, сказал:

— У вас, как у матери Хуана, несомненно, есть свои претензии. Но это ни в коей мере не умаляет моих. Так как Франсиско не может законным образом признать своего сына, эту обязанность от имени семьи Кампусано возьму на себя я. Хуан нашего рода, нашей крови. И кроме того... — его глаза сузились, в них мелькнула усмешка, — он мой наследник. А теперь... я вижу, он начинает сердиться. — Тон испанца смягчился, и он протянул сильные смуглые руки. — Готовьте еду, а я подержу его. И не волнуйтесь... — Хавьер с непроницаемым видом встретил ее тревожный взгляд. — Я его не украду. Оставьте дверь открытой, чтобы я все время был в поле вашего зрения, если не доверяете.

Это был вызов, на который она не знала, как реагировать. Но разве можно доверять ему, если не известно, чего он хочет? Чтобы Джонни стал членом семьи Кампусано. Хавьер дал это понять достаточно ясно. А что это конкретно означает?

Пока она грела воду и готовила молочную смесь, у нее тряслись руки, а губы были плотно сжаты. Кэти благодарила свою инстинктивную осторожность, удержавшую ее от того, чтобы сказать всю правду.

Если он узнает, что родная мать бросила его наследника... Кэти скрипнула зубами, трудно было даже думать об этом.

?Забирай его, если так уж о нем печешься. Усынови или что-нибудь в этом роде с моего полного благословения?, — заявила Корди, как только стало ясно, что Франсиско Кампусано не имеет ни малейшего желания признавать своего сына. Корди рассматривала малыша как некоего рода залог, как ключ, который откроет ей дверь к престижному замужеству, но когда поняла, что ничего этого не будет, то больше знать не желала о сыне.

А семья Кампусано считает меня матерью этого ребенка. Значит, надо сделать так, чтобы они продолжали верить в это до тех пор, пока не закончится процедура усыновления...

Когда она появилась в гостиной с бутылочкой в руках, ее глаза недоверчиво расширились: Хавьер Кампусано бросил свой дорогой, прекрасно сшитый пиджак на спинку кресла, а сам качал на обтянутом безупречными брюками колене весело гукающего ребенка, и его тонкое выразительное лицо озарялось улыбкой, от которой сердце Кэти забило сильнее.

Теперь, когда он расслабился, он выглядит неотразимо привлекательным, взволнованно призналась она себе. Такого она не испытывала уже многие годы, со времен Дональда...

Но тут испанец, почувствовав ее присутствие, поднялся на ноги, осторожно прижимая малыша к плечу, и улыбка сошла с его лица, как будто ее там и не было.

— Предварительные разговоры закончены, сеньорита. Теперь я намерен выложить все карты на стол.

Да неужели? Кэти с трудом удержалась, чтобы не выгнать его вон, и без лишних разговоров

забрала у него ребенка. Устроившись в кресле, где обычно кормила Джонни, она велела себе выслушать все, что он собирается сказать. Пока он пребывает в уверенности, что она и есть мать ребенка, не было необходимости соглашаться на какие либо условия.

Надев пиджак и усевшись в кресло напротив газового камина, Хавьер Кампусано начал весьма официальным тоном:

— Увидев вас и Хуана, я не могу ставить под сомнение вопрос о том, что он сын Франсиско. Когда-нибудь я покажу вам фотографии моего брата, где он снят приблизительно в том же возрасте. Совершенно одно лицо, точно они близнецы...

Испанец замолчал, и Кэти подумала раздраженно: он что, ждет от меня каких-нибудь комментариев на эту тему? Ей не хотелось даже смотреть в его сторону, и она предпочла любоваться сосущим бутылочку ребенком. А Кампусано ровным голосом продолжил:

— Я намереваюсь сделать все, чтобы сын Франсиско вырос настоящим испанцем. В один прекрасный день он унаследует все наше состояние, станет главой семьи и главой фирмы. Вы представляете, что это значит?

В его голосе послышались стальные нотки, и Кэти поняла, что больше не удастся прятаться за маской равнодушия. Она неохотно подняла глаза и, встретив холодный, напряженный взгляд, постаралась придать своему голосу побольше недоверия:

— А у вас что же, нет собственных сыновей, которые могли бы вам наследовать? — Увидев, как его губы на несколько мгновений сложились в горькую складку, она почувствовала, как ни странно, удовлетворение: каким-то образом удалось выбить его из колеи. С первой же секунды, как он появился, она была напугана, раздражена и очень-очень уязвима, так что отплатить ему той же монетой было весьма приятно!

Но радость ее длилась недолго, ибо, как только она отняла бутылочку с соской ото рта ребенка и прижала его обмякшее тельце к своему плечу, она заметила, что глаза Кампусано неотрывно следят за каждым ее движением.

— Моя жена умерла, — сказал он. — Детей у нас не было. Находить ей замену у меня нет ни малейшего желания. Должен добавить — к большому неудовольствию моей матушки. Я надеялся... — он развел руками. — что Франсиско женится и обеспечит нас наследниками. Но он тоже умер.

Хотя успел оставить наследника, добавила про себя Кэти. Пытаясь скрыть волнение, она поднялась и осторожно уложила ребенка в колыбель, плотно подоткнула под него одеяло и в награду получила слабую полусонную улыбку и легкое движение густых черных ресниц.

Ее любящее сердце забилося в тревоге. Хавьер Кампусано отберет у меня сына, едва только появится такая возможность! Это намерение и откровенные угрозы чувствуются во всем, что он говорит.

Кэти резко обернулась. Как она и ожидала, Хавьер стоял у нее за спиной, задумчиво глядя на малыша. Ей хотелось закричать, хотелось, чтобы он ушел и никогда больше не появлялся. Чтобы скрыть эту свою реакцию и ослабить висевшее в воздухе напряжение, она быстро сказала:

— Мне было искренне жаль услышать о смерти Франсиско, но он проявлял не очень-то много интереса к существованию своего сына, в противном случае он наверняка связался бы с моей...

— она вовремя спохватилась и поправилась, — ответил бы на одно из моих писем.

Ее лицо пылало. Она не привыкла лгать. Характер у нее был прямой и открытый, но сейчас она боролась за Джонни, за право отдать ему всю ту любовь, которую настоящая мать не испытывала к нему. И совсем некстати была та невольная симпатия, которую вызвали в ней обезоруживающе простые слова Хавьера:

— Примерно через неделю после вашего... приключения — назовем его так — Франсиско попал в автомобильную катастрофу. Он был в коме несколько месяцев, а когда пришел в сознание, оказалось, что он парализован. Скорая смерть стала для него некоей формой освобождения. Когда пришли ваши письма, домоправительница положила их вместе с другой корреспонденцией на имя брата, и только пару дней назад я случайно наткнулся на них, когда начал приводить в порядок его вещи. Что толку винить Марию? Она, как и все мы, была не в себе от случившегося... Франсиско не мог вскрыть, собственную почту, не говоря уже о том, чтобы прочитать ее. Но я, однако, уверен, что он не задумываясь признал бы собственного сына. — Хавьер выпрямился во весь свой немалый рост, фамильная гордость придавала его чертам значительность и суровость.

У Кэти перехватило горло. Сама того не желая, она вынуждена была признать, что от его смуглого лица исходит необыкновенно притягательная сила. Но она подавила в себе это ненужное восхищение, когда он едко добавил:

— Если бы вы узнали его получше, вы бы тоже в этом не сомневались. Трудно сказать, как далеко зашла эмоциональная сторона ваших кратких отношений, но по вашей реакции на известие о его смерти могу судить, что она была прискорбно поверхностной. С вашей, во всяком случае, стороны.

— О... я... — Кэти путалась в словах. Ее загнали в угол, и теперь она напрягала память, пытаясь вспомнить, что рассказывала ей Корди. ?У нас было два восхитительных дня и две ночи. Мы занимались любовью и очень мало спали. Из того, что он сам рассказал, и того, что мне удалось из него выудить, я узнала, что он происходит из сказочно богатой семьи. Есть еще старший брат, директор всего фамильного шоу. Это личность довольно загадочная, насколько я поняла, но, думаю, мы сможем вывести его из игры. Ты же знаешь, как у испанцев со всеми этими делами вроде гордости и чести. Так что я на коне! Он очень расстроился, когда я уезжала из Севильи, и я пообещала пригласить его в Лондон, чтобы вместе поразвлечься здесь. Но ты помнишь, как я была занята все это время! Ну да ладно, я уверена, что он будет в восторге, когда узнает эту новость...?

Понимая, что Хавьер ждет ответа, Кэти отчаянно пыталась выудить что-нибудь путное из того, что знала о приключении своей сестры, и наконец нерешительно пробормотала:

— Мы были знакомы всего пару дней. Обстоятельства вынуждали ее идти против своих правил — лгать направо и налево. Но другого выхода она не видела.

— Однако этого оказалось достаточно, чтобы успеть зачать ребенка, — заметил Хавьер таким тоном, что она вся сжалась. Не спуская с нее глаз, он медленным движением достал два листка бумаги и развернул перед ее глазами. — Как следует из этих писем, еще пять месяцев назад вы очень хотели, чтобы Франсиско узнал о существовании ребенка. Вы написали их добровольно, без принуждения?

Что она могла ответить? Если отрицать, это вызовет новые вопросы. Она молча кивнула, сама ненавидя ту паутину лжи, в которой с каждой секундой запутывалась все сильнее. Следующее

замечание смутило ее еще больше:

— Ваше имя написано слишком уж неразборчиво. Вы мать моего племянника, согласитесь, что я вправе знать, как вас зовут. Но, сколько ни пытался, я не смог расшифровать эту подпись.

Действительно, оба письма были написаны в присущем Корди показном, пышном стиле и с избытком завитушек. А подпись являла собой венец художественности: огромное ?К? соединялось с ?и? набором абсолютно нечитаемых букв. Кэти откашлялась и стоически солгала:

— Кэти. Уменьшительное от Кэтрин.

— Итак, Кэти... — Голос Хавьера стал резче, и сердце ее забило неровно. Он подошел к ней почти вплотную, подавляя излучаемой им энергией. — ...почему вы вдруг отказались от всех своих былых претензий?

— Потому что я поняла, что мы с Джонни прекрасно можем прожить сами. Нам не нужна ничья помощь, мы не выдвигаем никаких претензий, абсолютно никаких. — Теперь она говорила твердо, просто потому, что стояла на твердой почве. Она говорила правду и испытывала от этого облегчение.

— Понимаю. — Хавьер медленными шагами обошел маленькую комнату, как хищный зверь, который, забавляясь, тянет время, прежде чем броситься на свою жертву.

Кэти упрямо вскинула голову. Я не позволю ему запугать меня! До тех пор, пока он уверен, что я и есть мать Джонни, он мало что может сделать.

— А кто заботится о ребенке, пока вы позируете перед камерой? — спросил он внезапно. — Какая-нибудь неграмотная дурочка, которую заботит не его благополучие, здоровье и умственное развитие, а только плата, получаемая в конце дня? И есть ли где-нибудь поблизости сад, где он сможет играть, когда подрастет? Я что-то не заметил ничего подобного. — Хавьер взял со стола письма Корди, тщательно сложил их и опять засунул в карман. И все это — не сводя с Кэти испытующего взгляда.

— Вокруг полно парков, мы можем пойти в любой из них, — бойко ответила Кэти и мысленно продолжила: это правда! Конечно, все они начинаются не прямо у порога, но, в конце концов, существует такая вещь, как автобусы, даже в этой части Лондона. — Пока что я справляюсь с Джонни. Своими рисунками я зарабатываю вполне достаточно, нам хватает на жизнь.

А вот это было не совсем правдой. С тех пор как она ушла из агентства, ей удавалось время от времени получать заказы на иллюстрирование книг, да еще она продала несколько своих старых работ маслом через художественную галерею, расположенную где-то в Кенсингтоне. С деньгами частенько было трудно, однако она надеялась, что когда-нибудь ее имя станет известным и на ее работы появится спрос.

— Вот как? — Испанец приподнял одну бровь, обернувшись к мольберту.

Кэти всегда работала в малых формах, что соответствовало сдержанной элегантности ее манеры письма. На этой картине был изображен уголок старого Лондона — это первая ее работа на заказ. Но каковы бы ни были впечатления сеньора Кампусано, он держал их при себе и, когда повернулся к ней, его лицо ничего не выражало. Однако в словах прозвучал легкий оттенок сарказма:

— Всесторонне одаренная женщина. Однако вам наверняка потребуются долгие годы, чтобы стать признанной художницей. А как вы будете жить все это время? Будете голодать или вернетесь к предыдущей, более доходной профессии? Тогда вам придется оставить Хуана. Где?

Он просто невыносим! Как он осмеливается даже предполагать, что я брошу ребенка? Фиалковые глаза сузились, превратившись в две фиолетовые щелочки.

— С меня достаточно этой инквизиции! Я прекрасно могу сама...

— *Silencio!* — Вспышка испанского огня мелькнула в его глазах, и он засунул руки в карманы своих прекрасно сшитых брюк, словно с трудом удержавшись от того, чтобы схватить ее за горло.

Его поза была пугающей уже сама по себе, но его жесткие слова были просто ужасны:

— Нравится вам это или нет, но я намерен иметь право голоса во всем, что касается воспитания моего племянника. Я хочу, чтобы он жил в Испании. Я хочу, чтобы он жил в моем доме в Хересе, где ему будет предоставлено все необходимое, где он получит надлежащую заботу, где он научится нести груз ответственности, когда унаследует все наше состояние. И не думайте, что я пришел безоружным, сеньорита. Я не настолько глуп.

Его губы медленно растянулись в такой зловещей улыбке, от которой кровь застыла у нее в жилах. Кэти знала, что он отвечает за каждое свое слово.

— Если вы не согласны, я потребую через суд разрешения на общение с мальчиком. И получу его, можете не сомневаться. Это даст мне право регулярно забирать его в Испанию и вырастить таким, каким его хотел бы видеть отец. Но я могу пойти и гораздо дальше, — заявил Кампусано с ледяным спокойствием. — С помощью лучших адвокатов я могу доказать, что вы не соответствуете роли матери. — Искра в его глазах подавила чуть не вырвавшийся у нее вскрик негодования. — Второразрядная манекенщица, которая напивается на вечеринках и ложится в постель с любым приглянувшимся ей мужчиной. Не забывайте, я видел вас с Франсиско: вы откровенно висли на нем. Любой, у кого есть глаза, мог видеть это. Я найду достаточное количество свидетелей. К тому же я совершенно уверен, что, стоит мне покопаться в вашей предыдущей карьере, я с легкостью отыщу еще больше примеров вашей неразборчивости в связях. Если к этому добавить вашу неожиданную и весьма туманную идею обеспечивать себя и сына продажей картин, то это пахнет нестабильностью. Вы согласны? А кто может предсказать, когда вам надоест разыгрывать роль матери-одиночки? Сколько времени пройдет, прежде чем вам станет скучно без романтического ореола звезды подиума, без мужского внимания, вечеринок? Думаю, что не много. Однако, — Хавьер поднялся, едва взглянув на бледное, искаженное мукой лицо Кэти, — я могу и не забираться так далеко. Если вы согласитесь вместе с Хуаном поехать в Испанию — к сожалению, его нежный возраст требует вашего присутствия, — чтобы нанести длительный визит его бабушке, тогда я не стану давать делу дальнейший ход. Но предупреждаю: если вы откажетесь, у меня на руках очень быстро окажется множество козырей.

Он чуть улыбнулся, и улыбка его не сулила ничего хорошего.

— *Adios*, сеньорита. Я загляну завтра в это же время, чтобы узнать, что вы решили. И тогда можно будет приступить непосредственно к подготовке. Того или иного варианта. Но учтите: если вы захотите пойти против меня, то потеряете сына. Это я вам обещаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Надеюсь, тепло андалузского солнца разморозит ваши голосовые связки, — заявил Кампусано, насмешливо прищурился дымчато-серые глаза.

Выходя из здания маленького аэропорта, Кэти подумала, что это его замечание вполне справедливо. Во время полета она была в таком напряжении, что могла позволить себе лишь односложные ответы на все его попытки завязать разговор. В конце концов, он сдался и, откинувшись на спинку кресла, тут же заснул.

Она завидовала этой его способности полностью отключаться в любых условиях. Сама же она провела два с половиной часа полета в крайнем волнении, мучимая дурными предчувствиями. Слава Богу, хоть ребенок спокойно спал у нее на руках все это время. Однако после приземления Джонни начал беспокойно шевелиться. Она нежно прижала его к плечу, а Кампусано тут же предложил:

— Давайте я возьму его. Он такой тяжелый.

— Нет!

Кэти теснее прижала к груди маленькое тельце, каждая клеточка ее существа настроилась на оборону, а Кампусано мягко, словно про себя, сказал:

— Как вам будет угодно. Но бьюсь об заклад, скоро вы с радостью переложите заботы о нем на чужие плечи.

Такое мнение я заслужила, подтвердив его своей ложью, с болью в душе подумала Кэти. Хотя это вряд ли может оправдать отсутствие у него элементарной вежливости.

Кэти зажмурилась: яркое полуденное солнце сияло с высокого и неправдоподобно голубого неба. Весна в Англии в этом году была необычно холодной и сырой, и потому испанская жара в начале мая обескуражила ее. Кэти непроизвольно вздрогнула, и Кампусано тут же отреагировал:

— Вы утомились. Сейчас подъедет Томас с машиной.

Словно услышав его приказ, через секунду перед ними остановился большой черный ?Мерседес?, а следом появился служащий аэропорта с багажом. Он толкал тележку с суетливостью, говорившей об особом почтении к сеньору Кампусано.

Как же он самонадеян! — устало подумала Кэти. Одного движения его пальцев достаточно, чтобы все бросились исполнять его приказания. Он привык получать все, что хочет и когда хочет, а если вдруг возникнет такая ситуация, что его желание не будет исполнено мгновенно, первой его реакцией будет крайнее изумление. Вслед за чем последует ужасный гнев.

Ну что же, придется огорчить его. Он хочет получить Джонни, или Хуана, как он зовет его. Он хочет получить полный контроль над всем, что касается его племянника. Но ничего этого он никогда не получит! — твердо решила она.

С того самого момента, как Корди ясно дала понять, что у нее нет времени на ребенка, Кэти принимала судьбу этого оставшегося без матери комочка жизни слишком близко к сердцу. Она делала для него все возможное, и делала с радостью, даже бросила рекламное агентство, где работала со времени окончания колледжа, чтобы быть рядом с ребенком днем и ночью.

Над тем, что испанец не оставил ей другого выбора, кроме как выполнять его приказания, и

над тем, что она вынуждена везти ребенка в Херес, Кэти старалась особо не задумываться. Она предпочла считать те несколько недель, которые проведет здесь, прекрасной возможностью продемонстрировать, какая она заботливая и ответственная мать. Хавьер Кампусано из-за упрямства наверняка закроет на это глаза, но возможно, удастся найти союзника в лице бабушки ребенка. В конце концов, она сама мать и должна будет понять, что место Джонни в Англии и что преданная материнская любовь значит гораздо больше, чем все материальные блага, которыми его может обеспечить династия Кампусано...

Служащий аэропорта и облаченный в униформу шофер уже загрузили вещи в багажник автомобиля, и теперь шофер открыл заднюю дверцу для пассажиров. Кэти неохотно сделала шаг вперед. С тех пор как этот испанец появился на ее пороге, с каждым днем ее позиции все больше и больше разрушались, неумолимо и безжалостно. И ей казалось, что, если она сядет сейчас в эту машину, захлопнется еще одна дверь ко всем ее прежним надеждам и помыслам.

Кэти с трудом взяла себя в руки и скользнула в кондиционированную прохладу салона. Поудобнее устраивая ребенка на коленях, она подумала: нет безвыходных ситуаций, как-нибудь и я найду способ выбраться из этого переплета. И тут она непроизвольно напряглась — рядом с ней уселся Кампусано. Он был слишком близко, подавляюще близко. Кэти перехватила его полупрезрительный — полунасмешливый взгляд и поняла, что он заметил ее реакцию. Она тут же постаралась уверить себя, что замирает каждый раз, когда он оказывается рядом, только из-за его угрозы отнять Джонни и это не имеет ничего общего с мужским обаянием и даже магнетизмом.

Остро ощущая, как близко от нее крепкое бедро Хавьера Кампусано, и понимая, что он, вне всякого сомнения, сочтет ее дальнейшее молчание показной чопорностью, она спросила неестественным тоном:

— Как далеко мы от Хереза?

Скоро уже время кормить Джонни, к тому же его пора переодеть в сухое... Однако Кампусано, заметив озабоченную складочку, пролегшую меж ее бровей, не понял причины ее беспокойства и сухо ответил:

— Порядка семи километров. Произносится — ?Херес?. Но сегодня вам не удастся насладиться роскошью моего городского дома. Первые несколько дней мы проведем в finca — поместье.

— А как это далеко, что бы такое оно ни было? — спросила Кэти чуть-чуть резче, чем следовало бы. Она рассердилась, что Хавьер принял ее желание побыстрее приехать на место за жажду вкусить прелестей богатой жизни. Значит, вот как он расценил мою полную капитуляцию всего через сутки после предъявления ультиматума? — тревожно думала Кэти.

— ?Оно? — это поля, пастбища, виноградники и дом. Там мы остановимся на ближайшее время. — Судя по высокомерному выражению его лица, он даже и не собирался скрывать, что будет относиться к ней не как к гостье, а как к пленнице. — И это всего в девяти километрах от аэропорта, но в противоположную от Хереса сторону. — Хавьер понизил голос и с издевательской вкрадчивостью продолжил: — Но коли уж вы заверили меня, что больше не жаждете светской жизни, полагаю, временная изоляция не должна вас особо тревожить.

Будь она той, кем назвалась, — Корделией Соме, манекенщицей и сибариткой, проводящей жизнь в погоне за удовольствиями, — тогда изоляция ?тревожила? бы ее чуть не до визга. Но она была всего лишь Кэти — на два года старше сестры и на целую вечность моложе по части любовного опыта. Светская жизнь ничуть ее не интересовала, и все, чего она хотела, — это

убедить Его Высочество Хавьера в том, что Корди полностью переменялась.

Джонни становился все беспокойнее, колотил ручками и ножками по воздуху, и Кэти самым своим приятным тоном сказала:

— Вот теперь можете подержать его. — И передала ребенка Хавьеру, заслужив полный признательности и удивления взгляд, а сама отвернулась к окну, пряча плутовскую улыбку, ибо сеньору Кампусано сейчас предстояло узнать на собственном опыте, как трудно справиться с крепким, весящим восемнадцать фунтов ребенком, который крутится и извивается всем телом, не говоря уже о мокрых ползунках, елозящих по обтянутым дорогими брюками коленям. — Я с нетерпением жду встречи с вашей матерью, — произнесла Кэти с искренностью, порожденной надеждой, а потом, щедро добавив в голос меду, спросила: — Она так же хорошо говорит по-английски, как и вы? — Кэти не отрываясь смотрела на залитые солнцем покатые холмы, на широко раскинувшуюся прибрежную равнину. Но поскольку Хавьер молчал, ей пришлось обернуться, и она оторопела, увидев в его глазах нескрываемую радость.

— Почти так же хорошо. Но это удовольствие придется отложить на некоторое время. Она редко наезжает в фінса, предпочитая жить в Хересе. Улыбка сошла с лица Кэти. Ведь она рассчитывала, что чем быстрее познакомится с бабушкой Джонни, тем быстрее найдет себе союзника в борьбе против этого человека, который пока что с каждой минутой набирает все больше очков. Почти так же сильно ее расстроило то, что он явно получал удовольствие, держа на руках веселого, жизнерадостного малыша, и вовсе не досадовал на то, что крохотные пальчики испортили его прическу, а на обтянутых безупречными брюками коленях появились мокрые пятна.

Черт бы его побрал! — мысленно выругалась Кэти. Ну почему он не оставил нас в покое? Мы с Джонни прекрасно жили вдвоем, пока он не сунул свой надменный нос в наши дела. Процедура усыновления в конце концов завершилась бы благополучно, я просто не сомневаюсь в этом, несмотря на все опасения Молли...

Молли Армстронг была назначена опекуницей Джонни — слишком солидный титул для такой маленькой и пухленькой женщины. Кэти часто приходила к ней, чтобы собрать все бумаги для суда, которому предстояло вынести решение о возможности усыновления. Между ними установились самые теплые и дружеские отношения. И именно Молли она позвонила в панике после того, как Кампусано ушел. Молли, дай Бог ей здоровья, бросила все дела и появилась у нее на пороге в девять вечера, едва Кэти закончила купать ребенка.

— Что случилось? — спросила Молли, усаживая крепкого, закутанного в мохнатую простыню малыша на колени и давая возможность Кэти приготовить кофе. — Давай, расскажи. Только не тараторь, как по телефону.

Кэти рассказала ей все, опустив лишь тот факт, что Хавьер Кампусано пребывает в уверенности, будто она и есть родная мать Джонни. Конечно, она поступила нехорошо, но ей надо было, во что бы то ни стало усилить свои позиции. Ведь, если бы он узнал, что родная мать бросила Джонни, он не упустил бы ни малейшего шанса, чтобы навсегда забрать племянника к себе.

— Ты и сеньор Кампусано находитесь с Джонни в абсолютно одинаковых родственных отношениях, — сказала Молли, склонив аккуратную причесанную голову к плечу. — Естественно, он может обратиться за разрешением, дающим ему право регулярно видеться с ребенком, а также осуществлять контроль за его воспитанием и обеспечением.

Именно так выразился и Кампусано, однако Кэти знала, что ему этого мало, что ему нужен полный и абсолютный контроль над ребенком. И у нее не было ни малейшего сомнения: если вдруг выяснится, что родная мать Джонни предпочла карьеру фотомодели тяжелой работе по воспитанию сына, сеньор Кампусано перевернет и землю, и небо, но своего добьется.

— А если бы ребенок по-прежнему был со своей родной матерью? — спросила Кэти, пытаясь скрыть овладевшие ею страх и возбуждение. — Имела бы семья отца на него права?

— Ну, я же тебя предупреждала, — ответила Молли, и в улыбке ее было сочувствие, — что решение об усыновлении могут и не принять, если родная мать ясно не заявит, что она больше не желает иметь ничего общего с ребенком. Суд может счесть, что в результате родов она страдает гормональным расстройством и со временем изменит свое решение. А тебя назначат опекуном с правом родительской ответственности.

Молли приняла вопрос за чистую монету, и Кэти почувствовала себя еще более нечестной. Наклонив голову так, чтобы длинные волосы скрыли ее лицо, она одевала ребенка. А Молли тем временем продолжала:

— Семья отца тоже будет иметь на Джонни права, потому что ребенок нуждается в заботе и любви всех своих родных...

Кэти совсем не это хотелось бы услышать, но таково было мнение официального лица, и ей пришлось сдаться, согласиться на поездку в Испанию. Все, что ей теперь осталось, — это попытаться убедить своего противника в том, что она ответственная, любящая мать.

Она погрузилась в свои мысли и ничего не видела вокруг. Внезапно заметив, что Хавьер что-то говорит, Кэти без особого энтузиазма взглянула на него.

— Простите?

— Мы почти приехали. Отсюда уже виден дом. — Подчеркнутое спокойствие говорило о том, что Хавьер Кампусано повторяет свои слова уже во второй раз. И тут же со сталью в голосе он добавил: — Думаю, вам должно быть интересно взглянуть на место, где вашему сыну предстоит провести большую часть своего детства.

Это омерзительно! Он пытается убедить меня, что будущее Джонни уже решено.

Кэти отказалась удостоить его выпад каким-либо ответом. Бросив равнодушный взгляд на низкое белое строение, увенчанное округлым холмом, на покрытые молодой листвой ровные ряды виноградников, спускавшиеся в долину, Кэти небрежно вздернула одно плечо. Она абсолютно не собиралась чем бы то ни было восхищаться.

Джонни не нужны никакие виноградники, и вообще ничего из того, что могут ему дать богатые родственники. Ему нужна материнская любовь и нежность, а этого у меня самой в избытке, думала она. К сожалению, испанец, похоже, собирался предложить то же самое: суровость и высокомерие сменились на его лице откровенной нежностью. Ему явно доставляло удовольствие качать радостно гукающего ребенка на своем колене.

Кэти инстинктивно потянулась за Джонни. От ревности, острой, черной, смешанной со злостью, глаза ее потемнели, а голос стал тонким и резким.

— Неужели вы хотите, чтобы ему было плохо? — спросила она, и тут же, непонятно почему, ей стало стыдно за себя.

?Мерседес? въехал в широкую арку и остановился на блистающем чистотой внутреннем дворе, заставленном алыми геранями в огромных терракотовых вазонах.

Однако, несмотря на все свое смущение, Кэти отказалась отдать ребенка Кампусано, когда тот открыл ей дверцу. Изловчившись, она вылезла из машины и с трудом, но все-таки устояла на ногах, чувствуя, как раскаленные солнцем камни жгут ее ноги через тонкие подошвы туфель на низких каблуках.

Вблизи дом производил совсем другое впечатление: приземистый и широко раскинувшийся, с толстыми, выкрашенными в белый цвет стенами и крепкой двухэтажной квадратной башней, возвышавшейся с одной его стороны. Тень под аркадами, окружавшими здание, сулила прохладу, резко контрастируя с белыми стенами, яркой синевой неба, трепещущими плетями пурпурных бугенвиллей и пряно пахнущими алыми геранями.

Кэти закрыла глаза, почувствовав острый приступ тоски по дому. Ее подавляла яркая личность, гибкая сила и не поддающаяся приручению тигриная фация этого испанца. Ему помогала бьющая через край жизненная сила его родной Андалузии.

Перенесенная из мягких зеленых, серых и голубых оттенков неспешной английской весны в это буйство красок, она вдруг почувствовала, что борьба с Хавьером Кампусано, тем более на его территории, свыше ее сил.

Но, несмотря на уравновешенный характер, Кэти решила не сдаваться без боя. Распрямив поникшие было плечи, она сказала самым уверенным тоном, на какой только была способна:

— Покажите, где можно накормить и переодеть ребенка. Ему вредно долго оставаться на солнце. — Можно было уже не сдерживаться, ведь она исходила из интересов ребенка, и потому она произнесла это так, словно вибрирующий от жары воздух Андалузии был ядовит для Джонни. В ее глазах мелькали фиолетовые искорки гнева.

— Конечно. — Ее поведение явно не произвело на Хавьера ни малейшего впечатления: он ответил спокойно и учтиво. И хотя его рука, взявшая ее за локоть, чтобы провести по мощенному булыжником двору, была совсем не ласковой, от прикосновения крепких длинных пальцев ее словно током ударило, и она дернулась в сторону.

— Ах! El nino!

Из тени аркад чуть не бегом, протягивая на ходу смуглые руки, появилась низенькая полная женщина. Ее морщинистое лицо сияло улыбкой, а все ее внимание было целиком сосредоточено на Джонни, смотревшем на нее во все глаза. Кэти она едва удостоила легким кивком.

Удивительно: когда говорят с младенцами, это какой-то универсальный язык, одинаково понятный во всем мире, подумала Кэти, когда полнощекое, важное личико Джонни вдруг расплылось в ослепительной, берущей за сердце улыбке, а его маленькие ручки потянулись навстречу новому члену его фан-клуба. И прежде чем Кэти успела охнуть, заливающегося предательски веселым смехом ребенка умело выхватили из ее рук и унесли прочь, в прохладную тень дома.

— С ним все будет в порядке, — сказал Хавьер Кампусано с насмешливой улыбкой, заставившей ее скрипнуть зубами. — Прошу прощения за то, что Пакита сразу убежала и я не успел вас познакомить, но вы должны простить ей недостаток хороших манер — любовь испанок к детям вошла в пословицы.

— И это сразу все извиняет, не так ли? — огрызнулась Кэти. Ну как пробиться к его душе, как заставить его понять, что ему не удастся подчинить меня своей воле и — что еще более важно — я не позволю сделать то же самое с ребенком?

Он придвинулся чуть ближе, и резкий свет солнца высветил шероховатую загорелую кожу на его лице, чуть более темную на подбородке, золотистые кончики густых черных ресниц, которые он опустил в безуспешной попытке скрыть блеск удовольствия, мелькнувший в дымчатой глубине его серых глаз.

У Кэти перехватило дух, и подступившее к горлу рыдание, вызванное то ли отчаянием, то ли вообще непонятно чем, едва не задушило ее. Она быстро отвела взгляд и сжала губы.

— Его пора кормить и переодевать, — резко повторила она. — Это вам не игрушка!

— Я прекрасно знаю, кто он такой. — В голосе Хавьера был вызов. — Он мой племянник. А Пакита прекрасно знает, что делает. Она и Томас, помимо того что ухаживают за домом, вырастили девять собственных детей.

— Остается только поплодировать им! — перебила его Кэти, яростно округлив глаза. Она понимала, чего он добивается: низвести ее до роли пятого колеса в телеге, да еще и сломанного. Постепенное отлучение от ребенка уже началось, и Кампусано осталось теперь только ждать, когда она настолько устанет от борьбы, что все бросит и вернется к блистательной карьере манекенщицы.

Эти предположения, мелькнувшие в ее возбужденном мозгу, получили полное подтверждение, когда он с легкой улыбкой, не затронувшей красивых глаз, предложил:

— Я провожу вас в вашу комнату. Мы ужинаем в девять. Не сомневаюсь, что вы найдете чем заняться до этого времени.

Он двинулся по направлению к дому, и его невероятная мужская привлекательность, изящество легкой, упругой походки вызвали в ней ненависть. Кэти душил гнев, глаза пылали. Она догнала его и потребовала:

— Покажите мне, куда эта... эта женщина унесла моего ребенка. Ухаживать за ним и стало бы моим занятием. — Я не позволю отодвинуть себя на задворки, мысленно добавила она. Я совсем не для этого согласилась поехать в Испанию!

Но Хавьер так взглянул на нее, что у нее свело судорогой горло.

— Будьте поосторожнее, сеньорита. Выбранная вами поза нравится мне ничуть не больше, чем ваши моральные качества. Положение, которое занимает в моем доме Пакита, требует уважения к ней. Прошу вас следить за своими манерами. Пойдемте.

Кипя от негодования, Кэти на негнущихся ногах последовала за ним. Дом оказался большим, просторным и полным воздуха, стены в нем были белые, а выложенные плиткой полы дышали прохладой. Все остальное проскакивало мимо сознания Кэти, пока Хавьер не остановился у простой двери из темного кедра. Слегка склонив свою породистую голову, он сказал ровным голосом:

— Вот ваша комната. Роза, младшая дочь Па-киты, зайдет за вами в девять, чтобы проводить в столовую. Я бы советовал вам за это время расслабиться и умерить свой пыл.

Он повернулся на каблуках и ушел, оставив после себя только воспоминание о какой-то странной, роковой улыбке и ощущение подавленности. Толкнув дверь, Кэти заглянула в уютную комнату, отметив, что все ее чемоданы, привезенные из Англии, сложены возле украшенной искусной резьбой постели, и тут же закрыла дверь опять, прислонилась к ней спиной и поглядела в оба конца коридора.

Все до единой вещи, необходимые ребенку, заперты в этих чемоданах. А это означает, что Пакита никак не сможет удовлетворить его теперь уже более чем насущных нужд, а просто таскает его, как какой-нибудь футбольный мячик, по всем своим многочисленным отпрыскам, демонстрируя нового члена благородного семейства Кампусано восхищенной аудитории. Но восхищение не может насытить или заменить мокрые пеленки!

Твердо вознамерившись найти Джонни, даже если это будет последним поступком в ее жизни, Кэти пошла по коридору, решительно вздернув подбородок и открывая все двери подряд. Этот самодовольный испанец должен уяснить себе, что ему не удастся делать все только так, как он хочет, словно это ниспосланное ему свыше право.

Три следующие спальни, в которые она заглянула, были так же красивы и так же пусты, как ее собственная, а за поворотом коридора она нашла гостиную, столовую, комнаты отдыха. И еще кабинет, набитый современной техникой и системами связи.

Потом шла кухня, которая, видимо, располагалась на первом этаже запомнившейся ей двухэтажной башни, если судить по тому, что наверх вела деревянная винтовая лестница, казавшаяся не совсем уместной среди тихо гудевшего электронного кухонного оборудования, поблескивавшего вдоль белых каменных стен. Ей показалось довольно симпатичным и даже сказочным смешение самого современного и старины: огромного каменного камина, выложенных терракотовой плиткой полов и кухонных шкафов, украшенных искусной резьбой. В тот же миг глаза ее сузились — она услышала звук, который ни с чем нельзя было спутать: где-то наверху женский голос агукал с младенцем.

Я все-таки нашла Джонни, в чем никогда и не сомневалась! Вот теперь-то я непременно скажу Паките, чтобы она не смела так просто выхватывать у меня ребенка и куда-то утаскивать, чтобы поразвлекаться с ним. Даже не спросила ради вежливости: ?Вы позволите?? А этот Кампусано стоял рядом и злорадствовал! На его высокомерной физиономии было написано удовольствие.

Мощный материнский инстинкт неожиданно проявился у Кэти еще тогда, когда выяснилось, что Корди считает своего новорожденного ребенка не больше чем пешкой в игре. А теперь этот инстинкт, усиленный гневом, заставил ее ураганом взлететь вверх по ступеням. Но едва она добралась до верхней комнаты, ноги у нее подкосились. Это была явно детская, оснащенная всем необходимым для ребенка, а рядом с просторной удобной детской кроваткой стояла скромная постель для няни. Да и Джонни вовсе не передавали из рук в руки, как какой-нибудь футбольный мяч в человеческом облике. Совсем наоборот — удобно устроившись на коленях у необычайно красивой девушки лет восемнадцати, он с выражением блаженства на лице сосал бутылочку.

Его уже переодели, и теперь на нем был голубой хлопчатобумажный комбинезончик, который гораздо больше подходил к местному климату, чем любая из тех вещей, что она привезла. С болью в душе Кэти отметила, что крохотные пальчики его пухлой ручонки играют мягкими черными кудрями девушки, качающей его на коленях. А раньше Джонни всегда мечтательно играл ее длинными белокурыми волосами, когда она кормила его, и это уже давно стало неотъемлемой частью связывающих их уз взаимной любви.

— Мама пришла! — Толстуха Пакита тоже оказалась здесь, все ее лицо лучилось улыбкой, а глубокий голос стал мягче, когда она заметила боль и смущение в глазах Кэти. — *Mi hija — Rosa. Мой дочка Роза. Мой дочка — ingles хороший. Muy bueno! Все дети educado!*

— Мама гордится тем, что я хорошо говорю по-английски, как и все ее дети. — Голос у Розы был нежным, с приятным акцентом, а улыбка, с которой она повернулась к Кэти, просто ослепительной. — Малыш Хуан сейчас поел овсянки. Правильно, да? Когда дон Хавьер звонил, чтобы отдать распоряжения о том, что понадобится малышу, он назвал и тот тип молочной смеси, которым вы обычно пользуетесь. — Вынув соску из маленького ротика, Роза умело подняла засыпающего ребенка к своему плечу.

— Позвольте мне, — выступила вперед Кэти и, взяв у нее мальчика, нежно прижала к себе. Теперь у нее не было ни малейшего сомнения, что Хавьер Кампусано тщательно спланировал все, вплоть до мельчайших деталей. Эти холодные глаза не упустили ничего во время визитов в ее лондонскую квартиру, и он уже твердо решил, что опека над племянником теперь у него в кармане, какими бы ни были средства достижения этого — честными или не очень.

Глубокий инстинктивный страх наполнил холодом душу, и Кэти пробрала дрожь. Роза тем временем поднялась со стула, собрала пустую посуду и спросила:

— Вам понравилась наша детская? Я буду спать здесь, рядом с малышом. И обещаю хорошо ухаживать за ним.

Кэти понимала, что во всем этом нет ни малейшей вины Розы, и потому проглотила уже готовое было вырваться ?Черта с два!?, занявшись укладыванием Джонни в его кроватку.

Ее первым желанием было потребовать, чтобы все из этой детской было перенесено в ее спальню. И немедленно! Но эта комната просто идеально подходила для малыша: высокие окна в толстых каменных стенах наполняли ее солнцем и свежим воздухом, а жалюзи можно было закрывать во время дневной жары. Отсюда к тому же рукой подать до кухни, где можно готовить молочные смеси и держать в холодильнике их дневной запас, варить овсянку и делать овощное пюре. Было бы абсолютно бессмысленно и непрактично настаивать на таком переезде. Так что, выпрямившись и бросив на ребенка долгий любящий взгляд, она повернулась к Розе.

— Ухаживать за Джонни я буду сама. Днем он может спать здесь, но на ночь я буду забирать его к себе. Кроватку можно будет перекатить в мою комнату после вечернего купания и кормления. — Заметив полный отчаянья, затравленный взгляд черных испанских глаз, Кэти пошла на единственный компромисс, который она могла себе позволить: — Если мне придется отсутствовать по каким-нибудь делам, я буду рада предоставить его вашим заботам. — Это, однако, не намного смягчило выражение обиженного разочарования на лице Розы, и потому Кэти добавила: — Теперь он проспит по меньшей мере пару часов, и я была бы вам признательна, если б вы смогли приглядывать за ним, пока я буду у себя. Мне надо разобраться чемоданы.

Нет никакого сомнения в том, что мне частенько придется оставлять ребенка в явно умелых руках Розы, говорила себе Кэти, раскладывая и развешивая свои вещи по вместительным комодам и шкафам. Если бабушка Джонни не появится здесь еще несколько дней, придется самой ехать в Херес и искать ее. А дон Хавьер должен будет смириться с тем, что я не намерена жить здесь в полной изоляции, на положении пленницы, да к тому же отлученной от своего ребенка. Процесс перекачивания кроватки Джонни в ее комнату еще больше укрепил уверенность Кэти в том, что она вполне может противостоять всеподавляющему напору этого

испанца. Кэти несла ребенка, а Роза катила кроватку. Поставив ее рядом с огромной резной кроватью, девушка сказала:

— Дон Хавьер попросил меня проводить вас в столовую... — она бросила взгляд на свои часики, — через пятьдесят минут. Пока вы будете ужинать, я буду приглядывать за малышом.

— Я уже видела столовую, когда искала детскую, — улыбнулась в ответ Кэти, укладывая спящего мальчугана в кроватку и укрывая его мягким шерстяным одеялом. — И мне будет спокойнее, если вы останетесь здесь.

С первого взгляда девушка понравилась Кэти, да и Джонни тоже хорошо реагировал на нее. Они провели втроем полтора счастливых часа, наслаждаясь купанием, кормлением и всевозможными играми, и даже Пакиита присоединилась к ним, с пыхтением поднявшись из кухни. Так что, если теперь Джонни проснется, пока я буду в столовой ужинать с Кампусано, решила Кэти, он не испугается, увидев знакомое лицо.

Конечно же, я вовсе не рвусь отужинать с этим спесивым испанцем наедине, старалась уверить себя Кэти, выходя из-под душа в прохладной, выложенной зеленым мрамором ванной комнате. Какой-то странный трепет охватывал ее всякий раз, когда она думала о Хавьере, но она объясняла это волнением: как он воспримет те правила игры, которые я собираюсь изложить ему? Да, с ним нелегко будет справиться. В его гордый андалузский характер явно вплетена крепкая нить безжалостности, теперь я это знаю точно. Не так-то просто пойти наперекор ему.

Стараясь подавить в себе все возрастающее чувство тревоги, Кэти быстро надела простое, без рукавов черное креповое платье и завязала лентой свои длинные белокурые волосы. Минимум косметики — и она была готова, на десять минут раньше срока. Это уж совсем ни к чему, упрекнула она себя. Если считать секунды, оставшиеся до предстоящей стычки, тогда и без того издерганные нервы точно меня подведут!

Поймав в зеркале взгляд своих больших фиалковых глаз, она постаралась убрать морщинку, пролегшую меж изогнутых бровей, и в который уже раз задалась вопросом, как это Хавьер Кампусано умудрился принять ее за Корди.

При одинаковом росте и не совсем одинаковом весе обе они могли похвастаться нежной белой кожей и белокурыми волосами, спускавшимися ниже плеч. Но на этом сходство заканчивалось. У Кэти глаза были темно-синие, а у Корди — голубые, скулы чуть-чуть повыше, нос немного длиннее и с легкой горбинкой. Все это, вместе взятое, придавало чертам Корди гораздо больше утонченности, а ее фигурка точно соответствовала представлениям большинства людей о том, какой стройной и элегантной должна быть настоящая фотомодель.

Формы Кэти были гораздо щедрее. Но Хавьер, без сомнения, отнес это на счет недавних родов, да к тому же и сам признавался, что пробыл на той вечеринке очень недолго. И она не стала его разубеждать.

Ей совсем не легко давался обман: стоило только начать думать об этом, как подступала дурнота. Но выбора не было, ей предстояло играть взятую на себя роль до самого конца, каким бы горьким он ни был. Едва дон Хавьер узнает, что она приходится Джонни всего-навсего тетей, а настоящая мать, попросту говоря, сбежала, он тотчас заберет ребенка в свою семью и сделает все, чтобы это нельзя было опротестовать.

Ну уж нет! Я буду врать до посинения, коли на то пошло.

С этим твердым — пусть даже и достойным осуждения — намерением Кэти выпрямилась и,

бросив в зеркало воинственный взгляд, отправилась на бой с человеком, которого считала своим заклятым врагом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Хотите аперитив, Кэти? Она нерешительно застыла в широком дверном проеме и увидела, как он откладывает в сторону кипу газет, которые просматривал до ее прихода, как его губы изображают вежливую улыбку, как он встает и идет навстречу ей.

— Благодарю вас.

Голос не слушался ее. Сердце гулко ухало в груди. Он назвал ее уменьшительным именем вместо обычного «сеньорита», а послышавшийся ей легкий сарказм привел ее в настоящий ужас. Теперь его слегка прикрытые веками глаза провели ленивый, но весьма тщательный осмотр ее затянутого в черный креп тела, и она заметила, как он едва заметно пожал широкими плечами под прекрасным белым пиджаком.

Кэти повернулась на непослушных каблуках и, изо всех сил стараясь не споткнуться, направилась к одному из обитых мягкой кожей кресел, поставленных полукругом перед огромным, до самого потолка, камином. Медленное скольжение равнодушных глаз по ее телу было неприкрыто сексуальным, и, внутренне содрогнувшись, она почувствовала, что такое испанский темперамент, скрытый под лакированным слоем учтивости и хороших манер.

Она с осторожностью наблюдала, как Хавьер наполняет бокалы отсвечивающей тусклым золотом жидкостью. На бутылке была наклеена ясно различимая этикетка с именем Кампусано, и голос его звучал как мурлыканье, пока он ставил на низенький столик с серебряной чашей, полной аппетитных оливок, тонкий хрустальный бокал.

— Попробуйте «Fino», а если оно покажется вам суховатым, мы заменим его на «Oroloso». Когда-то Британия была нашим крупнейшим рынком сбыта сладких, крепких сортов хереса. У нас считается, что это напитки для почтенных дам, но теперь их вкусы явно изменились...

— Не вижу ничего смешного! — холодно парировала Кэти. — Может быть, все эти почтенные дамы приобрели более утонченный вкус. Или перешли на джин.

Неужели у него потребность все время демонстрировать свое превосходство? Или он просто не умеет по-другому, это стало частью его натуры? Скорее второе, решила Кэти и тут же была выбита из состояния равновесия — он улыбнулся, на этот раз по-настоящему, и заверил ее:

— Я ни над чем не смеюсь, что вы! Когда ваш Дрейк подрезал бороду нашему королю, он заодно увез домой около трех тысяч бочек хереса, тем самым положив начало нашей весьма прибыльной торговле с Англией. А я никогда в жизни не стану смеяться над одним из наших лучших рынков сбыта!

Он уселся напротив нее с присущей ему ленивой грацией, которая лишней раз напомнила об исходящей от него всепокоряющей мужской силе, и в глазах его стояла какая-то соблазнительная дремота.

— Как это вино, на ваш вкус?

Пытаясь оторваться от гипнотизирующего взгляда полуприкрытых серых глаз, Кэти сделала быстрый глоток, потом еще один. Это казавшееся бледным вино на самом деле было крепким и приятным, с необычным ароматом. Охлажденный напиток легко проскользнул в горло, оставив

ощущение солнечного дня с легким морозцем.

— Да, пожалуй, ничего. — Она улыбнулась, глядя ему в глаза, и сердце ее смягчилось, потому что им было так хорошо и приятно вместе... — Боюсь, что могу и привыкнуть к нему, как какой-нибудь пьяница. — Неспешно ведя пальцем по тонким граням хрусталя, Кэти вдруг услышала свой голос, с неподдельным интересом спрашивающий: — Но если рынок сладкого хереса пошел на убыль, почему же вы не производите больше сухого?

— Это не так-то просто. Все зависит от того, как развивается флор. Ну... — Видя непонимание в ее глазах, он развел своими сильными, прекрасно вылепленными руками и встал, чтобы вновь наполнить ее бокал. — Когда мы приедем в Херес, я специально свожу вас в bodega — винодельню и попытаюсь объяснить все там. Если вам это правда интересно.

Да, ей это было интересно, несмотря на чувство взаимного недоверия, разделявшее их, ложь с ее стороны и диктаторское высокомерие — с его. Кроме того, у нее появлялась возможность выйти из создавшегося положения, и отбросить ее она просто не имела права. И потому, подкрепившись еще одним глотком вина, Кэти постаралась расслабиться, откинулась в кресле, положила ногу на ногу и спросила:

— А когда я смогу посетить Херес и вашу матушку?

— К чему такая спешка? — В его холодных серых глазах появилось презрение. Кэти вздрогнула еще и оттого, что его взгляд намеренно долго задержался на ее длинных, выставленных на обозрение точеных ножках. — Что, finca — слишком тихое, слишком скучное место, по вашим понятиям? Мне очень жаль, что вы так быстро устали от нее.

Ужасный, ну просто ужасный человек! Лицо Кэти пошло красными пятнами, и она поторопилась опустить ногу и расправить юбку. Он смотрел на ее ноги так, будто это какой-то товар, выставленный на продажу. Причем товар уцененный, бывший в употреблении. Хорошую же службу сослужила мне Корди, или, вернее, ее репутация!

— Главной причиной, заставившей меня согласиться на поездку в Испанию, было дать возможность вашей матери посмотреть на внука, — сказала она с холодным достоинством, которым очень гордилась. — Если у вас нет желания отвезти нас, я могу доехать и сама. Томас...

— Моя мать примет вас, когда будет в состоянии сделать это, — вежливо прервал ее Хавьер. — Прошло не так много времени со дня смерти Франсиско, и она должна еще привыкнуть к мысли, что он оставил после себя ребенка. А Томас вас никуда не повезет. Я запретил ему.

Запретил? Да, он предусмотрел и это. Здесь его слово — закон, и Томас, да и другие обитатели его маленького королевства беспрекословно подчиняются приказам своего повелителя. Горло ей обожгло что-то острое и горячее, и голос стал хриплым от гнева:

— Тогда какого черта я здесь делаю? Вы что, не могли подождать, пока она будет готова? К чему попусту тратить мое время?

Кэти вскочила с кресла, чувствуя, что готова убить этого спесивца. Но гнев ее оказался совершенно бесполезным, натолкнувшись на непробиваемую стену его совершенно очевидного равнодушия. На смуглом, с резкими чертами лице не отразилось никаких эмоций. Это была выработанная годами привычка мужчины, слишком хорошо воспитанного, чтобы реагировать на неприличное поведение какой-то базарной торговки. И Кэти не осталось ничего другого, как вновь усесться в кресло. Она была словно выжатый лимон. А дону Хавьеру хоть бы что: он

поднялся с врожденной грацией и нажал кнопку рядом с широкой кедровой дверью.

— Пойдемте, пора ужинать.

Вот так-то вот! Как будто я никаких вопросов и не задавала! Кэти вся кипела от злости. Она резко поднялась и пошла за ним следом, желая только одного — поскорее покончить с едой и уйти к себе. Остаться вместе со спящим ребенком и обдумать, что же делать дальше.

Сев напротив хозяина за овальным столом, Кэти резким движением расстелила на коленях салфетку. В этот момент вошла Пакита и подала на стол то, что она гордо назвала *?sopa de maris-cos al vino de Jerez?* и что Хавьер перевел куда более прозаически: суп из моллюсков в хересе.

Блюдо оказалось очень вкусным, Кэти ела быстро и с аппетитом, хотя и твердила про себя, что никогда не села бы с ним за один стол, если бы не была голодна как волк.

Еще теплый, с аппетитной корочкой хлеб, поданный к остро пахнущему морем супу, был восхитителен. И тут Кэти вдруг увидела, как изящная смуглая рука поставила на скатерть бокал, и уже не могла больше отвести глаз от мягкого шелка волос между безупречно белым манжетом и кожаным ремешком плоских часов. Горло ей сжало спазмой, и она замерла с полным ртом, не в силах проглотить.

— К супу из моллюсков прекрасно подходит *?Manzanilla?*. Это вино придает еде особый аромат, — тихо, но с прохладцей сказал Хавьер.

Она опустила ложку в тарелку, стараясь побыстрее проглотить все, что у нее было во рту. Он дает мне понять, что я веду себя за столом точно невоспитанный ребенок! Он никогда не упускает возможности хоть как-нибудь унижить меня! — оскорбилась Кэти, и аппетит у нее моментально пропал.

— Мы получаем это вино с виноградников в Санлукар-де-Баррамеда. Считается, что ветры с Атлантики придают ему неповторимый, слегка солоноватый привкус. — Хавьер с задумчивым видом отхлебнул из своего бокала, не отводя слегка прикрытых веками глаз от ее сверкающего фиолетового взгляда. Скорее машинально, чем осознанно, Кэти тоже сделала небольшой глоток. Соленый херес?

Но он оказался бодрящим, холодным и с необычным, интригующим вкусом, немного светлее по цвету, чем *?Fino?*, которое она пила в качестве аперитива. Однако если Хавьер и заметил ее удивление, сменившееся удовольствием, то никак не прореагировал на это.

— Доешьте суп. Пакита очень расстроится, если вы не вычистите тарелку до дна.

— Я не ребенок, — чопорно ответила Кэти. Его глаза тут же скользнули по крутым изгибам ее груди, и он согласился:

— Да, вы правы.

Кэти решила не реагировать и хранить гордое молчание. Так она и делала, пока ела салат, потом цыпленка с чесночной подливой и запивала легким риохским вином.

— Положить вам сладкого пирога? — спросил Хавьер, беря серебряную лопаточку для торта длинными, тонкими пальцами.

Кэти помотала головой. Она не могла съесть больше ни крошки, а рюхское, наложившись на все продегустированные ею хересы, ударило в голову. Она не привыкла к алкоголю в таких количествах.

Серебряная лопаточка аккуратно легла на скатерть, а сам хозяин откинулся в кресле, и его голос с приятным акцентом был слишком уж ровным и спокойным:

— Я слышал, вы пытались отказаться от услуг Розы. — Улыбка приподняла уголок его рта, но глаза оставались холодными. — Если это было сделано в попытке доказать мне, какая вы чудесная мать, то выстрел не достиг цели.

Кэти поспешила проглотить едкий ответ: она не могла позволить себе говорить, пока язык не начнет опять слушаться ее. Она уже проклинала себя за то, что соглашалась попробовать все эти хересы, не говоря уже о вине. Надеясь, что он примет ее молчание просто за нежелание удостоить его ответом, она встала со своего места и с ужасом почувствовала, что ее пошатывает, а голова кружится. Она поспешила сесть назад и немедленно услышала сдержанно саркастическое замечание:

— Бедняжка Хуан! Будем надеяться, что сегодня ночью ему не понадобятся ваши заботы. Если же вы придерживаетесь другой точки зрения, я позволю себе предложить, чтобы вы все-таки вызвали Розу из ее вынужденной отставки.

Ребенок на попечении пьяницы! — в ужасе думала Кэти, голова у нее шла кругом. Этот негодяй, по-видимому, нарочно подсовывал мне одну безобидную рюмку вина за другой и спрашивал мое мнение таким учтивым, вкрадчивым голосом. А сам хотел только одного — лишний раз доказать, что я не гожусь в матери даже дождевому червю, не говоря уж о его племяннике!

Кэти не помнила, как ей удалось подняться на ноги и добраться до двери. Она даже смогла выдавить из себя неуверенное ?Спокойной ночи?, и тут он вдруг повернулся в кресле и, подняв в усмешке одну бровь, спросил:

— Скажите-ка мне: если ваше имя Кэти, тогда почему же коллеги и друзья знают вас как Корди, или Корделия? Не сомневаюсь, что этому есть какое-то объяснение, но я терпеть не могу загадок. Так что сделайте одолжение, объясните.

Кэти молча смотрела на него, и глаза ее так расширились, что даже заболели. Он что-то заподозрил! И специально ждал, пока мои затуманенные алкоголем мозги окажутся не в состоянии придумать какую-нибудь правдоподобную ложь. Может, он для этого меня и напоил?

Язык у нее прилип к гортани, бешено скачущее сердце мешало обрести ясность мышления. Хавьер улыбнулся — и точно ужалил ее, а от следующей вежливой тирады Кэти покрылась мурашками с головы до пят.

— Возможно, ваша память нуждается в небольшой помощи. — Белые зубы сверкнули меж раздвинувшихся чувственных губ. — Когда я прочитал ваши письма, особенно второе, сообщавшее о появлении на свет ребенка якобы от моего брата, я предпринял некоторые предварительные расследования. Если вы помните, подписи на письмах были абсолютно нечитаемы, но результаты этих расследований и мои воспоминания о вечеринке по окончании гастролей, на которой вы тоже присутствовали, — все давало одно и то же имя: Корделия Соме. А для друзей — Корди. Для друзей, которых, как я заметил, у вас бесчисленное множество, в основном мужского пола и, скажем так, интимного плана.

Если что-то и могло ее протрезвить, то это презрительные интонации, с которыми были произнесены последние слова. Да как он смеет делать из моей сестры какую-то шлюху, готовую завалиться в постель с кем попало? Корди просто любит волшебный мир шоу-бизнеса, веселые вечеринки, общение с людьми. А флирт всегда был для нее забавной игрой, еще лет с пятнадцати. Она никогда не была неразборчива в связях. Конечно, тот факт, что она забеременела, вроде бы доказывает обратное. Но если бы она спала с кем попало, она уж постаралась бы предохраняться... Чувствуя, что голова у нее абсолютно ясная, Кэти бросила на Хавьера уничтожающий взгляд и голосом, полным яда, ответила:

— Ни в коем случае не могу допустить, чтобы вы потеряли сон из-за такого пустяка, сеньор. Корделия — это мое сценическое имя. Мне казалось, что обычное, старое ?Кэти? выглядит как-то слишком уж просто. Вы удовлетворены?

Ему не остается ничего иного, подумала она, выскальзывая за дверь. Придется придумать какие-нибудь более хитрые вопросы, чем этот, если он хочет поймать меня на лжи — подвыпившую или абсолютно трезвую. Быстро же я становлюсь специалистом по вранью...

Кэти закрыла глаза, стараясь спрятаться от вибрирующего белого сухого жара, и пониже опустила на лицо широкие поля соломенной шляпы, которую одолжила ей Роза.

Она приехала сюда, к самому дальнему краю виноградников, на тракторе с Рафаэлем, старшим сыном Пациты и Томаса, и уже через минуту стала искать хоть клочок тени.

Позади нее трактор с ревом исчез из виду, оставив в неподвижном воздухе облако белесой пыли. Здешняя земля треугольником раскинулась между Кадисским заливом и городами Херес, Пуэрто-де-Санта-Мария и Санлукар-де-Баррамедра и омывается реками Гвадалквивир и Гуадалете.

Больше нигде в мире не производится таких уникальных вин. Все это она узнала от Розы, которая твердо решила просветить ее.

В последние дни Кэти успокоилась и расслабилась. Она объясняла это проявлением дружеских чувств со стороны Розы и отсутствием Кампусано.

Не то чтобы он уехал из поместья, нет. Но ужинал каждый вечер где-то вне дома. Со своей матерью, объяснила Роза. Но с цинизмом, появившимся в ней неизвестно откуда, Кэти мысленно возразила: та дама, с которой он регулярно ужинает, должна быть намного моложе донны Луисы и отношения между ними, уж конечно, никак не походят на отношения матери и сына! И злость, которую она испытывала всякий раз, когда слышала, как он возвращается под утро, возникала, конечно же, только из-за того, что он силком увез ее из Англии, а сам напрочь забыл не только о ее существовании, но и о цели ее визита — представить ребенка бабушке.

О существовании самого Джонни он, конечно же, прекрасно помнил. Каждый вечер он выбирал время, обычно перед тем, как уехать на ужин или уединиться у себя в кабинете, чтобы поиграть с малышом. И его улыбка, его смех, светившаяся в глазах любовь были самыми неподдельными. Столь же искренними были равнодушие и неприязнь, когда он смотрел на Кэти. И что-то еще, как будто он искал ответа на вопрос, который начинал раздражать его.

Кэти постаралась отогнать от себя воспоминания об этом загадочном вопросе, который она с удивлением встретила в его спокойных серых глазах не далее как сегодня утром, и осторожно перешагнула через ограду загона. Весенние цветы, красочными пятнами разбросанные в невысокой еще изумрудной траве, радовали ее глаз художника, алая экстравагантность маков

и золото раkitника согревали сердце. Было просто невозможно оставаться раздраженной и мрачной в этом чудесном, щедром уголке Андалузии. Она уже почти полюбила этот край и чувствовала себя здесь как дома. Каждый день, пока ребенок спал, она просила Розу присмотреть за ним и отправлялась на поиски пейзажей, которые потом, когда они с Джонни вернутся домой, можно будет перенести на холст или картон.

Она не могла позволить себе остаться совсем без работы и целиком заняться воспитанием ребенка, поскольку накоплений у нее не было. И потому с ранней весны, положив Джонни в коляску, отправлялась на поиски малоизвестных уголков Лондона, делая быстрые наброски, снимая несколько кадров на фотопленку и подробно описывая цветовую гамму.

Работать по такой методе оказалось совсем не так трудно, как представлялось сначала, и то, что делала в Лондоне, она прекрасно могла делать и здесь. Ей это было просто необходимо, ведь чек за картину, на которую она наносила последние мазки, когда в ее жизнь, точно бомба, ворвался Хавьер Кампусано, дал ей возможность заплатить за два месяца вперед за квартиру и положить в банк небольшую сумму для оплаты просроченных счетов, кои при возвращении наверняка будут поджидать ее. Оставшиеся деньги она взяла с собой на случай непредвиденных обстоятельств. Больше у нее ничего не было.

Перевесив повыше на плече лямку мольберта, Кэти быстро зашагала к видневшимся неподалеку соснам. Легкий ветерок прижимал к телу тонкую ткань ее платья. У Корди отвалилась бы челюсть от удивления, если б она сейчас меня увидела! — подумала Кэти.

Пару лет назад, перед этой злополучной поездкой в Севилью, Корди нанесла ей один из своих редких визитов. Кэти тогда снимала маленькую, но очень удобную квартирку неподалеку от агентства.

— На-ка вот, можешь оставить это себе, — проговорила Корди, вытаскивая из чемодана легчайший сверток. — Хотя не думаю, что ты когда-нибудь будешь его носить, ты слишком уж чопорная и правильная, и вообще настоящий синий чулок. Так что, если оно будет уж слишком тебя раздражать, снеси его в комиссионку.

— Премного благодарна, — сухо ответила Кэти, держа платье на вытянутых руках.

Мягкая, кремового цвета ткань была почти прозрачной, само платье оказалось свободного покроя, развевающееся, без рукавов, с крохотными пуговичками из жемчуга, шедшими от обманчиво скромного выреза до низу. Было оно очень красивым и наверняка весьма дорогим.

— Для меня оно слишком дамистое, — объяснила Корди. — Не знаю даже, что на меня нашло, зачем я его купила.

Кэти тоже не носила это платье, но и не торопилась избавиться от него. Она всегда предпочитала спокойные, умеренные, строгие наряды, подходящие к ее стилю жизни и ее пониманию себя как бледной тени своей очаровательной сестры. Однако продолжала хранить его, потому что оно было красивым и несколько фривольным, а когда Кампусано велел ей взять с собой в поездку самую легкую одежду, она сразу подумала об этом платье, потому что единственными легкими вещами в ее гардеробе были хлопчатобумажные брюки и несколько таких же блузок.

И теперь ее саму удивляло, что от скольжения мягкой, тонкой материи по коже она чувствовала себя такой женственной, как будто ее тело тает, становясь единым целым с легким душистым ветерком, со жгучей лаской андалузского солнца. Она, конечно же, не считала себя ни слишком чопорной, ни слишком правильной, и уж ни в коем случае — не

синим чулком. Но если быть честной, у Корди были основания так говорить.

В свое оправдание Кэти могла только возразить, что стала излишне осторожной потому, что на ее плечи очень рано лег груз ответственности. Десять лет назад она была самой обыкновенной пятнадцатилетней девчонкой, разве что немного более прилежной, чем ее подруги, ведь она уже тогда решила получить профессию, которая позволила бы сделать карьеру в рекламном бизнесе. А затем налетел шторм, изменивший жизнь всей семьи. Ее отец, никогда не отличавшийся общительностью, неожиданно объявил им, что уезжает в Южную Америку. С другой женщиной.

Мать пережила такое глубокое потрясение, что до конца своих дней так и не смогла от него оправиться. Как раньше она во всех делах опиралась на мужа, так теперь оперлась на Кэти, ища у старшей дочери и моральной, и практической поддержки. Когда Корди начала совсем отбиваться от рук, именно Кэти пришлось устанавливать правила поведения и следить за тем, чтобы они соблюдались...

Опустившись на сухую землю под тенью раскидистых сосен, Кэти прогнала воспоминания в самые отдаленные уголки памяти и принялась наблюдать за миниатюрной ящерицей с похожими на драгоценные камни глазками; вот она быстро пробежала по грубой коре дерева и неожиданно исчезла, махнув на прощанье хвостом.

Отдохнув, Кэти поднялась и вышла на опушку рощицы. Перед ней миля за милей расстилались бесконечные поля. Земля в этой части поместья Кампусано не годилась для виноградарства и была отдана под поля пшеницы и оливковые рощи, здесь занимались скотоводством и разводили лошадей.

Если подняться по пологому склону на вершину ближайшего холма, то, по всей видимости, откроется великолепная панорама: темные вечнозеленые сосны, свежая зелень виноградников и далеко-далеко, на вершине соседнего холма, очертания белоснежного дома. Мог бы получиться чудесный пейзаж.

На полпути ноги сами остановились. Кэти задыхалась от жары, голова гудела, и она уже ругала себя за то, что не догадалась захватить с собой воды, ведь если не повстречается Рафаэль или кто-нибудь другой из рабочих с машиной, то назад по такой жаре не дойдешь. Как же быть?

И тут случилось чудо. Кэти, никогда не верившая в чудеса, была поражена: точно услышав ее жалобы, у подножия холма показался всадник. Скорее всего, он объезжал пастбища, проверяя загоны для скота, или что-нибудь в этом роде, и уж наверняка в такую жару у него была с собой вода.

К чему столько эмоций? Тебе вовсе не грозит смерть от жажды, сказала она себе. Но в пересохшем горле скребло, и всего нескольких глотков воды ей хватило бы, чтобы вновь появились силы.

Она перебрала в уме десяток испанских слов, которым научилась у Пакиты и Томаса. Agua! Да, это самое главное, что нужно сказать: вода. Одинокий, покрытый пылью всадник был уже близко, совсем близко, слышен был даже скрип седла. Кэти подняла руку и крикнула:

— Hola!

Всадник ничего не ответил, но с такой легкостью мгновенно повернул лошадь, как будто она была продолжением его тела, и красивое белоснежное животное поскакало вверх по склону холма. На голове у всадника была черная шляпа с прямыми полями, слегка сдвинутая на лоб,

чтобы защитить глаза от солнца, грубая черная хлопчатобумажная ткань обтягивала его широкую грудь, а длинные ноги были скрыты защитными кожаными накладками.

В этом испанце столько мужественности, с удивлением подумала Кэти, столько притягательной силы! Вот уж не думала, что кто-то еще может быть таким же... И вдруг все ее тело запылало — она узнала эти точно вырезанные из камня черты, этот чувственный рот...

— Hola! — откликнулся он на ее приветствие, натягивая поводья, и остановил своего крупного жеребца совсем рядом с ней. Его рот исказила усмешка, оттого что Кэти поспешно отступила назад.

А она неожиданно осознала, что, сама того не желая, признала Кампусано самым сексуальным мужчиной на свете. Но Кэти храбро вскинула голову, чтобы глубоко в тени, отбрасываемой прямыми полями его шляпы, разглядеть блеск серых глаз. И страсть, какой она не испытывала никогда в жизни, пронзила ее, как нож, лишив способности мыслить, не говоря уже о даре речи.

— Что, Кэти, заблудились? — на этот раз мягко спросил Хавьер. И когда она покачала головой, добавил: — А может быть, вы искали меня?

— Конечно же, нет! С какой стати? — Она уже взяла себя в руки, хоть и с трудом. Он, может быть, самый привлекательный мужчина из всех, кого я встречала, но и самый опасный, сказала себе она. Если только сможет, он тут же отберет у меня Джонни, не считаясь с моими чувствами.

— Почему? конечно?? — В его голосе послышалась ирония, но Кэти уже привыкла к этому. А что было написано на его лице, разглядеть не удалось, потому что, слезая с лошади, он отвернулся. Если он думает, что я так вот вырядилась, отправляясь искать его... Кэти прикусила губу, жалея, что вообще взяла с собой это злосчастное платье.

Оказавшись на земле, Хавьер забросил поводья на луку высокого седла и, повернувшись, открыто улыбнулся Кэти.

— Чего же вы хотите? Чтобы я отвез вас домой?

— Нет. — Кэти глубоко вздохнула. Когда он стоял рядом, то подавлял ее своей жизненной силой, аромат его тела смешивался с запахами кожи, горячей белой земли и солнца.

Взволнованная, она теребила лямку мольберта, все время поправляя ее на плече. У нее было полно проблем с усыновлением Джонни и претензиями семьи Кампусано, к ним прибавились укоры совести, восставшей против той лжи, к которой ее вынуждали, так что нервы и без того были на пределе. Не хватало еще влюбиться в собственного врага!

Она просто не могла себе позволить, чтобы главная и очень серьезная задача ее плана по законному усыновлению ребенка отодвинулась в сторону из-за этих вдруг возникших расслабляющих эмоций.

Спокойно! — велела она себе. Если тебе удастся бороться с его желанием отобрать ребенка, то со своими гормонами уж как-нибудь справишься. Ну конечно же, справишься. И она сама была приятно удивлена, услышав свой холодный ответ:

— Я сначала не узнала вас. И вообще, я вполне могу добраться до дома сама. Но мне хочется пить. У вас есть вода?

— Разумеется. — Его рука легко взяла ее под локоть, и ее словно током ударило. Ничего не значащий, формальный жест опять вывел ее из равновесия. Она с трудом передвигала ватные ноги, пока он вел ее вниз, к уже знакомой сосновой роще.

Крупный белый жеребец следовал за ними, как овечка. Ему совсем не нужны поводья, если этот человек просто рядом, подумала Кэти с внезапной вспышкой раздражения, вернувшей ее на грешную землю. Стоит хозяину поднять бровь, все начинают радостно прыгать вокруг него. Все, включая даже лошадь!

Во второй раз прохладный аромат сосен принял ее в свои объятия, а ноги утонули в теплом сухом песке. Но на этот раз Кэти не смогла расслабиться, ибо теперь знала: причина неловкости, которую она всегда испытывала в его обществе, гораздо серьезнее, чем она думала, и не имеет отношения к Джонни.

— Разделите со мной импровизированный обед, — пригласил ее Хавьер, снимая с лошади седельную сумку. — Садитесь, устраивайтесь поудобнее.

Кэти упрямо осталась стоять. Пусть знает, что есть еще люди, которые не собираются немедленно и автоматически выполнять все его требования. Но он не обратил на это никакого внимания. Достал из сумки сверток и протянул ей фляжку, проговорив безразличным голосом:

— Возьмите. Вы выбрали далеко не самое лучшее время для прогулок по холмам. Надеюсь, вы хоть старались держаться в тени.

— Естественно. Я же не дурочка. — Кэти открыла фляжку. — У меня нет ни малейшего желания покрыться пузырями и вынудить вас лечить меня, тратить драгоценное время. — Долго бывшая в употреблении фляга уже давно лишилась своего пластмассового колпачка, и Кэти недовольно повела плечами, прижимая ее к губам и делая долгий глоток. Но фляжка оказалась термосом, а вода — восхитительно холодной и свежей, и Кэти неохотно оторвалась от нее, кончиком языка облизнула губы.

Кэти заметила, что он с улыбкой наблюдает за ней, и насторожилась, не понимая, что он нашел в ней смешного. Увидев ее реакцию, он сказал:

— Ну что вы, я совсем не это имел в виду. Неужели у вас сложилось такое впечатление? — Он медленно сдвинул шляпу на затылок, открыв для нее всю теплоту своих пленительных серых глаз. — Вы считаете, что я уделяю вам мало внимания и заботы?

— Не надо рассматривать каждое мое слово в микроскоп. — Разозлившись на себя за то, что покраснела, Кэти села на траву, выбрав место как можно дальше от него, и в то же время так, чтобы это не выглядело демонстративно.

Она вовсе не нуждалась в его повышенном внимании. Однако почему-то ей не хотелось обсуждать эту тему, и она быстро сменила ее:

— Хоть и жарко, но я стараюсь использовать дневные часы для знакомства с окрестностями. В это время Джонни спит час или полтора, а Роза всегда рядом с ним. Обычно я возвращаюсь задолго до того, как он проснется. Так что... — Кэти оперлась на землю, собираясь встать на ноги, — мне пора идти.

— Оставайтесь.

Это был приказ, не подлежащий обсуждению, подкрепленный легким нажатием на ее плечо.

Но от этого самого обычного прикосновения по ее обнаженной коже пробежала дрожь. Кэти вся сжалась, подавив желание сбросить его руку, вскочить и убежать. Она была не настолько глупа, чтобы показывать ему, как он ее возбуждает.

— Зачем вы так настойчиво пытаетесь убедить меня в вашей материнской преданности? — Он присел на корточки рядом с ней и, убрав руку с ее плеча, дал ей возможность прийти в себя. — А вот мне совсем не нужно убеждать ни других, ни себя в моей преданности Джонни. — Это было сильно сказано. Он испытующе посмотрел на Кэти, и взгляд его стал напряженным, губы сжались. — Как я понимаю, вы боретесь с желанием вернуться к своей карьере?

Кэти чуть не рассмеялась ему в лицо. Он сделал ставку на мою предполагаемую тягу к ярким огням рампы и всеобщему поклонению, поняла она. И считает, что именно это заставит меня отдать Джонни. Конечно, его надежды лишены всяческих оснований, а насколько лишены, он никогда не узнает, если я буду придерживаться выбранной линии поведения.

Кэти не переставала изумляться, как этот человек, наверняка имея богатый опыт общения с противоположным полом, мог хотя бы на минуту предположить, что она фотомодель. Когда она нанесла ответный удар, в ее глазах плясали чертики.

— Мне жаль разочаровывать вас, Хавьер. Но теперь все мои помыслы отданы двум новым карьерам: материнству и живописи.

Для вас же лучше будет, если вы поверите в это, добавила она про себя, но тут вдруг увидела какое-то странное выражение в его глазах и услышала, как он сказал:

— Мы делаем успехи. В первый раз за все время вы назвали меня по имени.

Неужели? Да, пожалуй, он прав. Кэти быстро отвела глаза, пытаясь подобрать ответ, который убедил бы его в том, что она вовсе не пытается сблизиться с ним. Лучше всего поскорее уйти, решила она.

— Мне правда пора возвращаться. Джонни скоро уже проснется. Спасибо за воду.

— Вы доберетесь гораздо быстрее, если поедете со мной верхом. Пронзительный взгляд темных глаз призывал ее согласиться с тем, что он прав. А если она откажется наотрез, то это будет означать, что она по-прежнему считает его своим врагом... Кэти неопределенно пожала плечами и взяла большой кусок холодного омлета, который он протянул ей на кончике охотничьего ножа.

Пышная tortilla была необыкновенно вкусна, и Кэти сразу наелась, однако не смогла устоять и против ломтика ветчины, который Хавьер предложил ей. Сначала она попыталась было отказать, но он произнес торжественно:

— Лучшая испанская ветчина производится в Андалузии. Я просто настаиваю, чтобы вы попробовали ее.

— Чудесно. — Облизнув пальцы, Кэти почувствовала, насколько ее разморило. Едва удерживая готовые закрыться веки, она смотрела, как сильные, умелые пальцы Хавьера спрятали устрашающее лезвие в ножны, потом он откинулся назад и вытянулся на земле рядом с ней, подложив руки под голову.

Кэти сидела, обхватив руками колени, и незаметно поглядывала на своего спутника. Раньше ей казалось, что ему лет тридцать семь — тридцать восемь, но сейчас, когда он вот так лежал,

растянувшись на теплой земле, в пропыленной рабочей одежде, он выглядел лет на пять моложе. И, как всегда, великолепно. Черная шляпа закрывала его лицо, а равномерно вздымавшаяся и опадавшая грудь говорила о том, что он задремал. Да и мне тоже вовсе не надо торопиться с возвращением, лениво думала Кэти. Если малыш проснется, возле него будет Роза, не говоря уже о Паките. А у него щедрое сердце — он уже любит их обеих...

В сосновой рощице было так тихо, так спокойно, слышался лишь стрекот кузнечиков в траве и легчайший шепот ветерка, играющего с пурпурными маками. Она не чувствовала своего тела, как будто все в ней расплавилось и стало густым текучим медом.

Неподвижный воздух был горячим и тяжелым. Ее пальцы медленно, с неосознанной томностью легли на пуговицы глубокого круглого выреза тонкого, как паутинка, платья, расстегнули сначала две, потом три... Она медленно обмахивалась полупрозрачной тканью, пытаясь навеять на себя прохладу. И тут Хавьер сонно пробормотал:

— Позвольте, я помогу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Голос Хавьера казался стружкой дыма, легко курящегося в душистом, теплом воздухе, нежно ласкающем ее тело и заставляющем терять связь с реальностью. Никогда в жизни она не чувствовала такой приятной, расслабляющей дремы.

Крупное, сухощавое тело Хавьера как бы нехотя перевалилось на бок, он подставил под голову одну руку и каким-то невероятно медленным движением приподнял другую, опустив свои теплые пальцы на тонкую ткань ее платья, потом освободил из ненадежного убежища одну пуговичку, другую...

Кэти была как под гипнозом и думала точно о ком-то другом: что же такое случилось со всеми моими моральными принципами, над которыми так смеялась Корди? Неужели они испарились под жарким испанским солнцем и я стала совсем другой женщиной, способной на такую откровенную чувственность — не стесняясь, принимаю ласки мужчины, гладящего мою грудь?

Но ведь далеко не всякого мужчины, возразила она себе в замешательстве. Только этого мужчины, единственного...

Он придвинулся ближе, кожаные брюки с легким скрипом коснулись ее обнаженного тела, и она закрыла глаза, впитывая в себя запахи хорошо выделанной кожи, сухой земли, жары и... мужчины. Она только диву давалась, почему никогда раньше не чувствовала ничего подобного: все ее тело как бы плавилось и жаждало удовлетворения...

Едва слышный предостерегающий голосок еще что-то нашептывал, но она не двигалась. И вот с пуговицами было наконец покончено, и Хавьер распахнул ее платье настежь. Только тут стыд все-таки победил — она почувствовала, как у нее перехватило дыхание, и постаралась открыть глаза. Но тут же пожалела об этом, увидев, каким ленивым, оценивающим взглядом он окидывает ее тело.

Ни один мужчина не видел ее до сих пор в подобном виде. Во время двух незабываемых встреч с Дональдом все происходило быстро и в полной темноте.

Все тело у нее покрылось мурашками, предвещая росший в ней отчаянный протест. Но вместе с этим возникло и чувство потери, огромного сожаления, потому что сдерживаемые чувства помимо ее воли наполняли ее восхитительной, бездумной, прелестной чувственностью. И тут

каким-то неуловимым, легким движением он расстегнул застежку ее кружевного бюстгалтера, и полные, щедрые груди оказались в его руках. В этот миг тонкий предостерегающий голосок утонул в грохоте ее сердца, в мощном толчке крови, воспламенившем ее всю, с головы до ног.

— Bella... Bella...

Она, казалось, могла утонуть в теплой нежности его голоса — и на самом деле почти лишилась чувств, когда он склонился над ней и удовлетворенно провел языком по гордо вставшему, напрягшемуся соску, а потом по другому, и так раз за разом, пока она не подумала, что сейчас умрет от этой нежной пытки.

Она обхватила руками его голову, погрузив сведенные от напряжения пальцы в мягкий шелк его черных волос и понимая, что проваливается в какую-то пропасть, забвение без мыслей и чувств, все ближе и ближе подходя к постижению старой как мир, но всегда волнующей тайны. А он поднял голову над ее наполненной страстью грудью и медленно, ах, как медленно, кончиком грешного, опытного пальца повел вниз, к нежному изгибу ее живота, и остановился, чуть-чуть не дойдя до края кружевных трусиков.

Его имя криком застыло на ее губах, она подалась навстречу ему, выгнув спину дугой, и вдруг сквозь бьющийся в ушах стук собственного сердца услышала мягкий голос: — Такое множество талантов... Сразу поняв, что он имеет в виду, Кэти вся покрылась испариной от стыда, потом ее бросило в дрожь. Как только я могла позволить ему пользоваться мной?! Подонок! О Господи, какой подонок!

Он явно намекал на присущую ей удаль в постели. А разве она могла возразить, что с ней такого не происходило никогда в жизни? Она не имела права сказать правду, но даже если бы и сказала, он не поверил бы. Его заигрывания были всего лишь намазанной медом приманкой, еще одним средством доказать, что она не годится на роль матери.

Подобрав под себя ноги, она откатилась в сторону, нащупывая ускользавшую из-под пальцев застежку бюстгалтера. Лицо ее пылало.

— Por Dios! — Резкий выдох разорвал плотную, теплую тишину, и Кэти проглотила крик, готовый вырваться из ее груди. Неужели он пытается доказать, что испытывает такие же чувства, как и она, что он забыл обо всем в эти мгновения взаимной близости?

Нет, это просто еще одна дьявольская ловушка, с целью доказать, что я обыкновенная шлюха. Ах ты, крысолов несчастный!

— Не прикасайтесь ко мне! Никогда! — хрипло выкрикнула она и шмыгнула носом от подкативших слез, потому что все эти крошечные пуговички — все восемь миллионов — отказывались подчиняться и попадать в петли. А он уже был на ногах, и, встретившись яростным взглядом с мрачной непреклонностью его серых глаз, она поспешила отвернуться, ибо прекрасно понимала, что стоит ей перестать злиться — она тут же умрет от стыда.

Застегнув наконец платье и от всей души надеясь, что сделала это правильно, она попыталась разглядеть смявшуюся воздушную ткань, нашла Розину шляпу, резко нахлобучила ее на голову и двинулась прочь, держа спину очень прямо, а он подошел к своему коню.

Как я могла позволить себе такое? Ладно, пока что не буду думать об этом, иначе разревусь. Она чувствовала, что слезы унижения и стыда подступают к глазам и вот-вот хлынут потоком. А гордость не позволит ей прийти в усадьбу с заплаканным лицом. И тут она вздрогнула, чуть

не упав в обморок от ледяного голоса:

— Ven aqui! Ты поедешь со мной, верхом на лошади.

Да я скорее умру! — подумала Кэти.

Но стук копыт ясно сказал ей, что у нее нет выбора, а сильные руки, подхватившие ее и усадившие в седло, исключили возможность освободиться. Цветистое испанское ругательство, которое он пробормотал ей в ухо, только подкрепило ее уверенность в той опасности, которую она навлекает на себя и Джонни своим сопротивлением.

Хавьер послал белого жеребца галопом по заросшему маками полю, а потом одним движением сильных бедер направил его в ворота загона.

Напряжение немного спало, когда грациозные, игривые прыжки сменились мерным цокотом копыт по сухой белой земле, а все перипетии их недавней борьбы унесло встречным ветерком. Она покорно принимала жар его тела, к которому прижималась спиной, да изредка — толчки его крепких бедер, когда он направлял лошадь.

Кэти стиснула зубы, чтобы не реагировать на все эти ощущения. Жаль, что человек, которого я должна держать на холодно-вежливой дистанции, оказался единственным, кто сумел пробудить во мне такие сильные чувства. Теперь мне как-то придется жить со всем этим, жить рядом с ним по меньшей мере еще несколько недель. Что у меня получится, не представляю...

А как он будет злорадствовать, поставив еще одно черное пятно на моей репутации!

Но ничего похожего на злорадство не было в жестком выражении его лица, когда он остановил лошадь у дальнего въезда в усадьбу, спрыгнул с седла и помог ей спуститься на землю. А я ведь, пожалуй, должна быть признательна ему, подумала Кэти ошеломленно, когда ее ноги коснулись земли и он убрал руки с ее талии, что он не заехал напрямиком во двор, выставив меня на обозрение слугам и работникам.

Теперь ей надо было побыстрее убраться отсюда, но она не могла этого сделать, зажатая между его телом и крупом лошади. А он явно намеревался как-то еще унижить ее, в этом не было никаких сомнений.

Пытаясь быть храброй и лицом к лицу встретить все, что бы он ни уготовил ей, Кэти вздернула подбородок и вгляделась в каменные черты его лица. Глаза Хавьера поблескивали из-под полей черной шляпы, и Кэти невольно съежилась, изо всех сил убеждая себя, что залепит ему пощечину, если он скажет не так хоть одно слово. Всего лишь одно слово...

Но, несмотря на всю решимость сразить его своим взглядом, она вдруг почувствовала, как из глаз выкатились непрошенные слезы и, повергая ее в смятение, покатались по щекам. Она быстро опустила голову, понимая, что это проявление слабости еще больше унижает ее. И тут услышала, как он быстро и резко втянул в себя воздух, как будто ее слезы поразили его. Потом сделал шаг в сторону, опять вскочил в седло, приложил руку к полям своей шляпы и, когда жеребец танцующей поступью двинулся прочь, голосом, скрипучим, как наждак, проговорил:

— Нам надо серьезно поговорить. А пока что adios. Прощайте.

— Дон Хавьер вернулся, — прошептала Роза, едва шевеля губами и на цыпочках подходя к Кэти, стоявшей у кровати спящего ребенка. — Он попросил меня передать вам, что хотел бы

поужинать сегодня с вами. В девять часов.

О Господи! Кэти быстро отвернулась, делая вид, что хочет прикрыть деревянные ставни на окнах, а на самом деле — чтобы скрыть прилившую к лицу краску. Хавьер был в отъезде целых три дня. Она не видела его с тех пор, как они расстались у ограды, и с удовольствием не видела бы всю оставшуюся жизнь. Она просто не представляла, как ей удастся вынести новую встречу. Три прошедших дня не смягчили ее стыда. Что он думает обо мне? Нет, гораздо важнее, что я сама думаю о своем поведении!

— Esta bien? — тревожно спросила Роза, и Кэти обернулась к ней, заставив себя улыбнуться.

— Да, все в порядке. А вы приглядите за Джонни?

Этого можно было и не спрашивать. Роза обожала малыша. Она улыбнулась и шепотом подтвердила:

— Конечно. В любое время, вы же знаете. — Ее глаза засияли, когда она заглянула в кроватку. — Я не такая современная, как мои сестры. Одна изучает право, другая работает переводчицей в Брюсселе. А я мечтаю только об одном: выйти замуж и завести дюжину детей! А вы? — Не дождавшись ответа, Роза продолжила, и ее большие карие глаза стали печальными: — В один прекрасный день вы тоже выйдете замуж. И у вас будут еще дети. — Пальцы Розы осторожно пробежали по мягкому одеяльцу, которым она укрыла Джонни. — Наверное, вам было очень грустно, когда умер дон Франсиско. Но когда-нибудь другой человек займет его место в вашем сердце.

Для Кэти было невыносимо лгать и притворяться, особенно стыдно было обманывать Розу и принимать это незаслуженное сочувствие. Она едва не поддалась порыву рассказать всю правду. Если бы дело не касалось Джонни, она так бы и поступила. Но она не имела права рисковать и потому ответила внезапно охрипшим голосом:

— Может быть. А теперь, пожалуй, мне пора одеваться.

Дело не в том, что мне нужен целый час, чтобы подготовиться к ужину с Хавьером, подумала она раздраженно, когда Роза тихонечко вышла из комнаты, просто мне вообще не хочется с ним общаться.

Она не знала, как вынесет весь этот ужин, который, если судить по первому разу, растянется как минимум на пару часов. Но у нее не оставалось иного выбора, как подчиниться королевскому приказу. Если отказаться, он наверняка заподозрит, что память обо всем, что произошло в сосновой роще, преследовала ее все эти дни, лишила покоя и сна.

Оставалось только делать вид, что ничего особенного не произошло. Пусть он сочтет, что такого рода приключения бывают у нее чуть ли не каждый день и не занимают практически никакого места в ее памяти, потому что их слишком много.

Кэти быстро приняла душ, надела простую голубую хлопчатобумажную юбку и более темную блузку без рукавов, а волосы заплела в косу, уложив ее вокруг головы наподобие короны. Теперь он не сможет пожаловаться на то, что ее вид нарушает стиль его дома, и, что гораздо важнее, не сможет обвинить ее в том, что она вырядилась ради него.

Когда она вошла в столовую, у нее невыносимым узлом стянуло живот, нервы были на пределе. Но часом позже, когда они уже пили кофе во внутреннем дворике — patio, — это ощущение полностью исчезло.

В самом начале ужина Хавьер предложил ей бокал ?Fino?, от которого она решительно отказалась. Он занимал все ее мысли, и она не знала, как справиться со своими чувствами, с желанием, которое моментально и со страшной силой затопило все ее существо. Желанием почувствовать его губы, его руки на своем теле еще и еще раз, вновь вернуть те восхитительные ощущения, которые он подарил ей в мягкой тени сосен.

Ее лицо, все ее тело заливало краской, и ей пришлось изо всех сил стиснуть руки, так что побелели костяшки пальцев под уже слегка загоревшей кожей, чтобы унять дрожь. Но даже если он что-то и заметил, то никак не отреагировал и вел себя так, будто между ними ничего не произошло: рассказывал о том, что провел три дня в Севилье по делам, описывал город, его музеи, роскошные магазины и все, чем обычно интересуются приезжие.

Он был вежлив и безразличен, а его непринужденность позволила ей расслабиться, забыть о том, что стояло между ними.

— Если вы приедете в Севилью — очень советую, ведь это совсем рядом, — вам надо сесть за столик с бокалом вина в каком-нибудь кафе на Пласа-дель-Триунфо и не отрываясь смотреть на Гиральду — самый красивый в мире минарет, — говорил он ей, провожая в patio. — Лучше всего вечером, как это делают жители Севильи. Они прогуливаются по улицам и разглядывают прохожих.

— Звучит заманчиво. — Теперь Кэти уже настолько пришла в себя, что могла отпускать какие-то реплики. Ей не хотелось напоминать ему, что такое путешествие маловероятно с младенцем на руках и очень скромным количеством денег в кошельке. В голову ей закралось подозрение, что, возможно, он пытается избавиться от нее из каких-то хитроумных соображений, но она тут же отмела его и уселась за стол возле стены, увитой пурпурной бугенвиллеей. Надо выпить всего лишь чашечку кофе, а потом, уже не рискуя показаться невежливой, я смогу удалиться, думала она. Причем ничего неприятного или двусмысленного сегодня сказано не было.

Она потянулась за кофейником, но Хавьер тут же доказал ей, что она заблуждается, ошеломив ее словами:

— Я хотел бы официально усыновить Хуана и вырастить его здесь как коренного андалузца... Нет уж, выслушайте меня до конца, — приказал он с полной достоинства вежливостью, едва Кэти открыла рот, чтобы решительно отвергнуть даже самую возможность подобного. — Ему надо привыкнуть к своему наследству, жить и расти вместе с ним, уметь управлять им с ответственностью за всю деловую империю, которая в один прекрасный день станет его собственной. И это не только виноградники и винодельни, но и участие семьи Кампусано в производстве пшеницы, оливок, молочных продуктов, в конных заводах, отелях и иностранных инвестициях. Как я уже говорил вам, сын Франсиско — мой наследник. И он вряд ли будет благодарен вам, если по прошествии лет, когда он должен будет заменить меня, выяснится, что он понятия не имеет, как со всем этим управляться. — Серые глаза Хавьера под нахмуренными бровями были темными и мрачными, как будто он был твердо намерен навязать ей свою волю.

Кэти сидела не шевелясь. Ее до костей пробирала дрожь, несмотря на теплый вечерний воздух. Голос Хавьера был темен и страшен, в нем отчетливо слышалась угроза, а неоспоримость и важность доводов просто подавляла.

— У меня прекрасный штат управляющих, они руководят каждодневной работой наших разнообразных предприятий. Но в конечном итоге все нити сходятся к главе семьи. Основные решения принимать ему, и только ему, причем решения эти зачастую очень непростые,

жизненно важные. И чтобы принимать их с полной ответственностью, глава семьи в любое время должен прекрасно представлять, что он делает. Вы понимаете меня?

Кэти изо всех сил старалась не понимать и потому быстро и, пожалуй, чересчур резко сказала:

— У Джонни есть и английские корни. Или вы предпочитаете забыть о них? — Говоря это, она прекрасно знала, что именно это он и предпочитает. Андалузская гордость заставляла его напрочь забыть об англичанке, которая хоть и дала жизнь его племяннику, но больше ничего собой не представляла. Карьера второстепенной модели — позади, и весьма смутная надежда на карьеру живописца — впереди. Зачем вообще принимать ее в расчет?

— Конечно же, нет, — возразил он, но каким-то слишком спокойным голосом. — Хуан получит образование в Англии, как когда-то его получили там и Франсиско, и я. Если пожелаете, вы тоже можете остаться здесь, тогда вы будете уверены, что он получит всю ту заботу и ласку, которой заслуживает. Смею вас уверить, всего этого у него будет в избытке. Наверное, не стоит даже и говорить о том, что финансовых средств у нас для этого достаточно. — Хавьер откинулся на спинку кресла, приглушенные отблески света упали ему на лицо. — Что вы на это скажете?

— Нет.

Видеть любимое дитя под полной властью этого... этого жестокосердого деспота и его матери, которая так и не удосужилась взглянуть на собственного внука? Никогда! Да еще и мне придется торчать здесь бледной тенью, лишь издали беспомощно наблюдая за Джонни, за тем, как он живет расписанной по минутам жизнью. Ни за что!

— Сеньор, — выдавила она из себя, с трудом соблюдая спокойствие. — Если я и не в состоянии дать Джонни все те финансовые преимущества, которые можете дать ему вы, то я могу дать ему все остальное, включая и будущую карьеру по его собственному выбору. Я его... его мать. — Язык виновато споткнулся на этой откровенной лжи. — И я не отдам его вам. Но, — быстро добавила она, понимая, что иначе он немедленно отправится в суд, — я разрешаю вам видеться с ним каждый раз, когда вы бываете в Лондоне, и привозить его сюда на праздники, когда он подрастет и будет осознавать, что наполовину испанец.

Хавьер ничего не ответил. Долгое молчание стало невыносимым. Причем говорило оно гораздо больше, чем любые слова. Это полностью выбивало ее из колеи, и, когда стало уже невмоготу, Кэти рывком поднялась на ноги. Хавьер встал тоже, его дыхание коснулось ее щеки.

— Тогда я женюсь на вас, — спокойно сказал он. — Пожалуйста, сядьте.

Кэти села. Ничего другого не оставалось, ибо ноги отказывались держать ее. Выйти за него замуж?

Усевшись тоже, на этот раз напротив нее, спиной к свету, видимо, чтобы она не смогла видеть выражение его лица, Хавьер признался:

— Когда я впервые пришел к вам в Лондоне, я был уверен, что вы предпочтете свободу и финансовую независимость всем сложностям, всем проблемам и жертвам, связанным с воспитанием ребенка без отца. Но оказалось, что я не прав. — Удивление, послышавшееся в его голосе, в другое время, может, и позабавило бы ее, но только не в этот раз. Сейчас же ее была отчаянная дрожь. А он продолжал — с мягкой, но твердой решимостью: — Для блага Хуана я готов жениться на вас и официально усыновить его как собственного сына. По понятной вам причине я не хотел доводить дело до этого, однако... — Хавьер легко пожал

широкими плечами, но благодаря безупречному покрою его костюма этого нельзя было не заметить. — Наш брак станет идеальным выходом из создавшегося положения. И конечно же... — он встал во весь рост, — этот брак будет чисто формальным. Пойдемте. — Он протянул руку. — Я провожу вас в вашу комнату. Вы замерзли.

Кэти ничуть не замерзла. Она дрожала от внутреннего напряжения. Но тем не менее встала и, игнорируя его руку, пошла следом за ним через двор, тщательно выдерживая дистанцию. Как о чем-то само собой разумеющемся, он заявил:

— Выйдя за меня замуж, вы будете под защитой моего имени, а Хуан станет законнорожденным. Но вам надо очень тщательно все взвесить, прежде чем дать окончательный ответ. У моей жены репутация должна быть вне всяческих подозрений. Сможете ли вы соответствовать этому целомудренному будущему?

Кэти чуть не задохнулась, подавив готовый было вырваться крик, и ничего не ответила. Они дошли до двери ее комнаты в полном молчании, и она так и ушла бы, если бы он не заступил ей путь.

— Завтра мы едем в Херес, чтобы моя матушка могла познакомиться со своим внуком. Ваш ответ нужен мне утром. Если вы согласитесь, мы сразу сможем объявить ей об этом. Она очень консервативна в своих взглядах, и ей будет приятнее, если я усыновлю Хуана как собственного сына. Должен предупредить вас: если ответ будет отрицательным, я пройду через все возможные и невозможные суды, чтобы обрести законную опеку над сыном моего брата.

В первый раз с тех пор, как он сделал ей это оскорбительное предложение о замужестве, Кэти увидела его лицо. Выражение было серьезным, пожалуй, даже высокомерным. Но в глазах стоял лед.

Никогда в жизни Кэти не чувствовала себя такой одинокой и запуганной.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Сколько времени вам нужно? — тихо спросил он, учитывая, что сзади сидели Роза и Джонни, однако в голосе слышалась нотка нетерпения. И это сразу же вернуло Кэти к действительности.

Как бы защищаясь от всего происходящего с ней, она сконцентрировала внимание на старых кварталах Хереса и старалась, чтобы Хавьер не попадал в поле ее зрения. Лишь иногда она мысленно восхищалась тем, как он управляет большим автомобилем: с легкостью, которой можно только позавидовать, вписывается в тесный лабиринт старинных улочек.

Как ни странно, она хорошо спала прошлой ночью, отогнав от себя все мысли о предложении Хавьера, потому что думать тут было не о чем.

Даже если бы она была родной матерью Джонни, она никогда не связала бы себя с человеком, которому брак нужен только для того, чтобы все выглядело пристойно. Она никогда добровольно не приговорила бы себя к той безрадостной жизни, которую он ей обещал, — жизни, лишенной любви, взаимоуважения и дружеских отношений.

А так как она была не матерью Джонни, а всего лишь теткой, предложение Хавьера было вдвойне неприемлемо, хоть он и не знал об этом. Если б она согласилась на замужество, конечно, только ради благополучия ребенка, тогда вся ее ложь сразу выплыла бы наружу и Хавьер Кампусано просто уничтожил бы ее.

И потому ей оставалось только тянуть время. Когда этим утром Хавьер спросил, какое решение она приняла, Кэти состроила благочестивую мину и ответила, что не может так быстро принять столь важное решение. На самом-то деле ей нужно было решить, каким образом вернуться вместе с Джонни в Англию. Даже денег на билет ей не хватило бы, не говоря уже о том, что не так-то просто умыкнуть голосистого ребенка и пару чемоданов детского имущества из-под спесивого аристократического носа. Самым реальным было просто тянуть время, пока не решится вопрос с усыновлением.

— И так? — Он едва сдерживал гнев, и Кэти ответила, со всем смирением, на какое была способна:

— Я не могу поставить себе жесткие временные рамки. Мне очень жаль. Но как только я приду к какому-нибудь решению, вы первым узнаете о нем.

Реакция Хавьера была такова, что Кэти испугалась, как бы его неистовая злость не снесла крышу с машины.

Понятно, что ему хотелось успокоить свою мать. Донья Луиса была бы счастливее, если бы все было уже улажено и ей можно было сказать, что ее внук скоро вполне законно будет носить уважаемую фамилию Кампусано. Кэти слышала, что испанцы боготворят не только своих детей, но также и своих матерей. Не стоило удивляться, что Хавьеру хотелось получить ответ немедленно. Черта с два!

На заднем сиденье что-то залепетал ребенок, и Роза тихонечко засмеялась, пытаясь выпутать его маленькие пальчики из своих черных кудрей. В этот момент Хавьер осторожно остановил машину на тенистой подъездной аллее перед черной дверью, обитой гвоздями с фигурными шляпками. Закрытая дверь. Она выглядела так, будто не открывалась веками. Несколько окон в высокой гладкой стене, все забраны железными решетками с искусным орнаментом. И никаких признаков того, что нас здесь ждут, подумала Кэти. Но я ведь на другое и не рассчитывала, разве не так? Я навлекла позор на знатное семейство, и только если соглашусь с планом Хавьера, как прикрыть всю эту неблаговидную историю, тогда меня, может, и согласятся терпеть. Так что о восторженном приеме не может быть и речи.

Когда-то она читала, что испанцы делят всех женщин на две категории: святые и шлюхи. Современное мышление в этой быстро развивающейся и уже далеко продвинувшейся вперед стране, конечно, отказалось от таких устарелых представлений, но только не тогда — она была уверена, — когда это касалось старинных, богатых родов. А пожилые люди, такие, как донья Луиса, конечно же, превыше всего ставят традиции.

Ах, Корди, Корди! — уже не в первый раз мысленно простонала она. В какие же неприятности ты меня втравила!

— Помогите Розе с ребенком, пока я позову слуг, — совсем не дружелюбно пробормотал Хавьер и ушел. Кэти осталась сидеть в автомобиле с таким ощущением, что она для него вроде неуплаченного налога.

Ничего не оставалось, как выполнять его распоряжения. Кэти высунула свои длинные ноги из кондиционированной роскоши ?мерседеса?, и — даже в тени высокого дома — полуденная жара опалила ее. В груди поднималась паника, хотелось поскорее подобрать юбку и броситься прочь отсюда. Но пока с ней был Джонни, она не могла себе этого позволить, она обязана была найти в себе силы, чтобы вести игру по собственному сценарию, держать Хавьера на расстоянии, несмотря на все его приступы гнева, и ждать разрешения на усыновление — или

по меньшей мере на проживание ребенка совместно с ней.

Забрав малыша у Розы, она прижала его теплое, крепенькое тельце к своей груди и прикинула губами к его покрытой мягкими волосиками головенке. Она любила его и заботилась о нем с самого рождения и ни за что не рассталась бы с ним.

Джонни фыркнул ей в шею и залился смехом. Проглотив комок в горле, Кэти подняла его повыше и прошептала:

— Пойдем поищем бабушку, радость моя. А ты хочешь тарелочку овсянки и бананового пюре?

Джонни еще раз фыркнул, и Кэти прижала его к себе, а потом прошла вслед за Розой, несущей детские вещи, в эту устрашающую дверь. И тут же остановилась как вкопанная, широко распахнув глаза. Кто-то проскользнул мимо нее на улицу и закрыл за собой дверь, оставив Кэти в темной арке, которая вела в сказочный мир.

Она сделала шаг и оказалась во внутреннем дворике, с трех сторон окруженном тенистыми аркадами. А в центре, посреди выложенного каменными плитами пола, в мраморном фонтане играли струйки воды. Вокруг в разнообразных горшках и терракотовых вазах красовалось множество цветов: роз, величественных лилий, белых гераней и сладко пахнущего жасмина.

Кэти так и осталась стоять, слегка приоткрыв губы в немом возгласе удивления. Это было так неожиданно! Она не могла и предположить, что за самым обычным фасадом прячется оазис прохлады и благоухающего спокойствия. Человек, вышедший было на улицу, вернулся назад, нагруженный их багажом, а впереди, в одной из арок, вдруг объявилась Роза, манящая ее пальцем. Кэти вся подобралась, чувствуя, что к горлу подкатывает тошнота. На один бесконечно долгий миг, пленившись всей этой изысканной красотой мавританского наследия, она вдруг забыла, какие испытания ждут ее впереди.

Роза провела ее в огромный, выложенный мрамором зал. Отсюда вела широкая галерея: по одну ее сторону были окна во внутренний дворик, а по другую — ряд огромных резных дверей. Слуга, нагруженный багажом, поднялся по широкой мраморной лестнице, перила которой являли собой чудо кузнечного ремесла, так изыскан и тонок был орнамент. А сверху спустилась маленькая, похожая на птичку женщина с изборожденным тысячей морщин лицом оливкового цвета. Донья Луиса? У Кэти затрепетало сердце.

Как ни странно, ей хотелось, чтобы Хавьер был рядом, она чувствовала бы себя увереннее. У нее перехватило дыхание, и она плотнее прижала к себе Джонни. Это только из-за того, что я в незнакомом месте, подбодрила она себя. Из-за того, что прием, оказанный мне здесь, не очень любезен, если не сказать хуже. Вот и все, ничего больше.

Но та встреча, которой она боялась тем больше, чем дольше она откладывалась, и теперь не состоялась; и когда Роза представила ей эту женщину, Кэти вздохнула с облегчением.

— Мария служит домоправительницей у доньи Луисы. Она почти совсем не говорит по-английски. Если вам нужно будет что-нибудь для вас или для малыша, обращайтесь ко мне, я все передам.

— Buenas tardes, Мария, — Кэти выдавила улыбку, встреченную сухим наклоном головы, и тут же с удивлением увидела, как в этих все еще красивых черных глазах зажегся огонек радости, когда женщина перевела взгляд на дрыгающего ножками, пускающего слюни младенца.

За этим последовал целый поток испанских слов, которые Роза переводила явно в укороченном

варианте, пока они поднимались вслед за Марией по роскошной пологой лестнице.

— Она говорит, что Хуан удивительно похож на своего отца, когда тот был маленький. Она нянчила в младенчестве и дона Хавьера, и дона Франсиско. Теперь она тоже с удовольствием занялась бы вашим малышом. Но я сказала ей, что это поручено мне.

И ты прекрасно справляешься, подумала Кэти. Хуан — с некоторых пор она все чаще ловила себя на том, что начинает называть своего ребенка испанским именем, — Джонни скоро вообще перестанет понимать, чей он сын, если будет переходить с одних любящих рук на другие. Он признал и полюбил Розу, и Кэти была рада, что девушке велели поехать с ними. Не только из-за ребенка, просто, когда Роза рядом, Кэти чувствовала себя не такой одинокой, не такой потерянной.

— Вот мы и пришли, — прошелестел голос Розы над ее ухом. Мария распахнула роскошную резную дверь, и Роза вошла внутрь. Чудесная комната! — признала Кэти, входя за ней следом, но не успела даже охватить всего взглядом, как Роза нырнула в одну из двух внутренних дверей и с какой-то особой значительностью провозгласила оттуда: — Это детская. Дон Хавьер говорил, что он обо всем заранее распорядился. Он запомнил, что вы тогда выразили желание жить рядом с сыном.

И в самом деле, примыкавшая к спальне комната была оборудована всем, что только могло потребоваться малышу, так же как и детская в усадьбе. Кампусано, мать и сын, явно подготовились к тому, что ребенок останется здесь навсегда!

Но, каким бы спорным ни был данный пункт, Кэти должна была признать, что здесь ей будет очень удобно. И пока Роза распаковывала багаж, раскладывая чистые пеленки, подгузники, распашонки, банки с детским питанием и пакетики с овсянкой, Кэти уложила ребенка в кроватку и включила электрический чайник, чтобы подогреть воду для приготовления молочной смеси.

— Я спущусь на кухню, — предложила Роза, — посмотрю, нет ли там у них спелых персиков или бананов, хорошо?

Почти каждый день они находили особую радость для себя, добавляя в меню малыша что-то новое. Кэти кивнула.

— Спасибо. Но если персик, то очень немного. Он никогда его не пробовал. А я пока что приготовлю овсянку.

Вообще-то в такого рода предупреждениях необходимости нет, отметила про себя Кэти. Роза более чем рассудительна для своего возраста, и мне очень повезло, что такая девушка всегда под рукой. Оставив бутылочку охлаждаться, она посадила Джонни и ловко и быстро начала переодевать его. Услышав, как у нее за спиной открылась и закрылась дверь, она сказала:

— Молодец, что так быстро. Его уже пора кормить. Что ты принесла? — И замерла, когда приятный женский голос почти без акцента произнес:

— Вы, наверное, Кэти.

Вся напрягшись, она заставила себя обернуться. Донья Луиса была облачена во все черное, но смотрелась очень элегантно, и красота ее фигуры просто поражала. Но еще сильнее поразила Кэти теплота, лучившаяся из ее прекрасных серых глаз, и быстрая улыбка, тронувшая ее губы, когда она наклонилась, чтобы прижаться мягкой, слегка надушенной щекой к лицу Кэти.

— Я прошу извинить меня за то, что не встретила вас сразу по прибытии. Но я твердо наказала себе не путаться под ногами, пока вы и малыш не устроитесь как следует. И тем не менее... — озорная улыбка сразу сделала ее лет на двадцать моложе, — не смогла удержаться. — Донья Луиса пододвинула себе кресло и уселась, а в глазах у нее появилось что-то непонятное, похожее на жгучую тоску. Она спросила: — Вы позволите? — и протянула руки к ребенку.

— Ну конечно же! — Кэти отдала его без всяких колебаний.

Когда пожилая женщина прижала к груди крепенького ребенка, глаза ее наполнились слезами, а у Кэти от сострадания сжалось горло.

— Не могу вам даже передать, как я счастлива, — сказала донья Луиса, и голос у нее дрогнул. — Я уже и не надеялась поддержать на руках внука. Хавьер поклялся, что никогда больше не женится, а Франсиско... Франсиско умер. Но теперь, — она отогнала мрачные мысли прочь, — у меня есть чудесный внук. — Она несколько раз быстрыми поцелуями коснулась его лучащегося весельем личика. — Скажите мне, дорогая, как вам больше нравится его звать: Хуан или Джонни?

В груди у Кэти теснились самые разные чувства: облегчение, признательность и Бог его знает что еще. Никогда, даже в самых радужных мечтах, не могла она представить себе, что будет принята в этом доме с такой радостью. Как выяснилось, все ее тревоги не стоили и выеденного яйца. И теперь она получала все то, чего так долго ждала.

И Кэти мягко, испытывая необъяснимое смирение, ответила:

— Хуан — пока он живет здесь, в Испании.

— Великолепно! — Не приходилось сомневаться в теплоте, струившейся из этих чудесных серых глаз, и следующие два часа прошли точно в каком-то приятном сне, ибо донья Луиса, не стесняясь, смеясь и болтая, провела с ними все оставшееся время: играла с ребенком, помогала купать его и кормить перед сном.

Она не сделала ни единого замечания, а все взгляды, обращенные на Кэти, были только дружелюбными. Как жаль, что Хавьер не может быть таким же ласковым и терпимым, как его мать! — подумала Кэти, удивляясь про себя, куда подевалось это чудовище. Раньше он никогда не пропускал вечерних игр со своим племянником.

— Хуан научится говорить сразу по-английски и по-испански, — прошептала донья Луиса, не сводя счастливых глаз с засыпающего ребенка, которого Кэти укладывала в кроватку. — Он будет свободно говорить на обоих этих языках еще до того, как пойдет в школу.

Кэти с трудом выдавила улыбку. Пройдут месяцы, прежде чем Хуан произнесет свое первое слово. А еще задолго до этого его здесь не будет. Но она не могла огорчать пожилую женщину. Та и так уже потеряла мужа и младшего сына. И если она считает, что внук станет неотъемлемой частью всей ее оставшейся жизни, то пусть расставание с иллюзиями наступит попозже.

Видимо, сочтя молчание Кэти за призыв к тишине, донья Луиса бросила на внука последний любящий взгляд и тихонечно вышла из детской. У Кэти не оставалось иного выбора, как последовать за ней, оставив дверь приоткрытой. Войдя в комнату Кэти, донья Луиса прошептала:

— Я сейчас покину вас, а вы начинайте потихонечку устраиваться. Если вам что-нибудь

понадобится — все равно что, — только скажите. Да, вот еще что: мы ужинаем в десять, позднее, чем в finca, но я жду вас в sala к девяти. Мы выпьем по аперитиву и поболтаем.

Донья Луиса оказалась вовсе не великаном-людоедом, как я ожидала, думала Кэти, в смущении глядя, как мать Хавьера уходит. Не понимаю, почему он так настаивал на том, чтобы отсрочить наше знакомство, держа свою мать вдали от внука, которого она, судя по всему, готова была обожать. Из-за этого и я думала самое худшее: что донья Луиса отказывается встречаться с какой-то там проституткой, проложившей себе дорогу в их почтенный дом через постель!

Я бы могла провести все шесть недель, отведенных на поездку в Испанию, здесь, рядом с обаятельной бабушкой Хуана. Мой первоначальный план был верным, теперь я в этом не сомневаюсь. Донья Луиса поймет, что ребенку будет гораздо лучше хоть и вдали отсюда, но с матерью... Ну, пусть с приемной матерью. Может, когда мы узнаем друг друга получше, я даже расскажу ей всю правду и объясню, что люблю малыша как своего собственного и даже мысль о том, чтобы разлучиться с ним, разбивает мне сердце.

Донья Луиса поймет, она вступится за меня...

Ободренная этой надеждой, Кэти взглянула на часы. Оставалось не так уж много до того времени, когда ей предстояло встретиться с доньей Луисой и, вероятно, Хавьером. Она вздрогнула, сама не зная, почему Хавьер оказывает на нее такое гнетущее воздействие. Это началось с самого начала, вспомнила она, и то, что я как дурочка поддаюсь на его тонко рассчитанные ласки, было ему на руку. А теперь это хладнокровное, циничное предложение о браке... Здесь и думать не о чем!

Но воспоминания о том, какие чувства он пробудил в ней, что она вела себя как настоящая распутница, возвращались к ней в самые неожиданные моменты. И тогда темнело в глазах, начинала кружиться голова. От стыда, естественно.

Живот у нее подвело, и, вспомнив об ужине, она открыла дверцу шкафа. Роза уже давно распаковала ее вещи, и несколько платьев казались жалкими и потерянными в его вместительной глубине. Сняв с плечиков свое маленькое черное платье, наиболее подходящее для данного случая, Кэти отобрала чистое белье и вошла в отделанную мрамором ванную комнату, чтобы принять душ.

Она была готова задолго до назначенного срока, и у нее появилось время как следует осмотреться в окружающей обстановке, что было, конечно же, гораздо легче, чем разобраться в том положении, в котором она оказалась, и уж на все сто процентов приятнее, чем с тревогой ждать новой встречи с Хавьером.

Ей отвели очень красивую комнату: четыре высоких окна выходили в широко раскинувшийся сад, а от парчовой обивки стен, выдержанной в серебристых и зеленоватых тонах, у нее просто перехватило дыхание. Мерцающие краски мягко отражались в полированном кедре резного потолка. Деревянная мебель явно была антикварной, белые розы в серебряных вазах наполняли комнату изысканным ароматом. Она вполне могла бы приятно провести здесь время, если бы не угрозы Хавьера, его ужасные требования.

Слава Богу, как раз в этот момент, точно для того, чтобы вернуть ей спокойствие духа, в дверь постучала Мария и повела ее в sala. Гостиная тоже была великолепна: гобелены на стенах и роспись на потолке. С легким замешательством, почему-то вовсе не чувствуя облегчения, Кэти поняла, что Хавьера за ужином не будет.

— Скажите мне, — донья Луиса улыбнулась, поднимая уже второй бокал ?Fino?, — как вам понравилась finca? Я редко бываю там в последние годы, но к вашему с Хуаном прибытию непременно приехала бы, если бы Хавьер не заявил мне, что вам нужно сначала привыкнуть к новой стране, к новому положению.

А мне он говорил совсем другое! — закипела от злости Кэти. Какой же он коварный! Да еще небось утверждал, что я приехала надолго. Ну что же, его матушке придется разочароваться. Но вот только сделать это надо осторожно. Нельзя, чтобы она продолжала думать, будто внук останется здесь навсегда. Пока Кэти подыскивала самые тактичные слова, донья Луиса сказала такое, что у нее перехватило дыхание:

— Так как Хавьер не сможет присоединиться к нам этим вечером — у него деловой ужин, от которого нельзя было отказаться, — мы с вами можем пооткровенничать, как женщина с женщиной. Мне трудно выразить, как я была рада, услышав от него эту новость. Он всегда говорил, что никогда не женится во второй раз, а у него слово не расходится с делом. Наверное, это предопределено судьбой. И самый лучший выход для нашего дорогого маленького Хуана.

Кэти с трудом верила своим ушам. Паук! Отвратительный, подлый паук, он и тут расставил свои сети! Неудивительно, что ему приспичило ужинать где-то на стороне! Должно быть, он сказал матери, что мы собираемся пожениться. Так вот почему она уже обращается со мной как с одним из членов своей семьи!

Очевидно, приняв краску гнева, залившую лицо Кэти, за смущение, донья Луиса отставила свой бокал и потрепала ее по руке.

— Не надо упрекать себя за то, как все вышло с Франсиско, дорогая. Он умел очаровывать, а я еще не настолько стара, чтобы забыть, как сильна бывает страсть. Со времен моей молодости все изменилось. Теперь не осуждают тех, кто совершил ошибку в любви. Общество стало гораздо терпимее. Нет, конечно, Хуана ни в коем случае нельзя считать ошибкой, — быстро добавила она, и в голосе ее звучала неподдельная искренность. — Он прелесть. Благословенье Божье. И судьба не могла придумать ничего лучше, чем свести вас с Хавьером вместе.

Кэти быстро допила вино. Кто-то должен развеять розовые мечты этой милой женщины. Но только не я! Пусть этим займется Хавьер. Сам. Это будет для него хорошим уроком, чтобы впредь не лгал!

Когда донья Луиса провела ее в столовую, где был накрыт ужин, и начала рассказывать о своей семье, Кэти попыталась изобразить на лице выражение заинтересованности.

— В роду Кампусано никогда не было много сыновей. Но, по счастью, это всегда компенсировалось везением. Сыновья удачно женились и оставляли своим сыновьям преумноженное состояние. Мы вкладываем деньги в самые различные сферы: это пшеница, оливки, иностранные инвестиции, а в последнее время обзавелись отелями во многих странах мира. Видите ли, моя дорогая, — она разгладила салфетку на коленях, — многие семьи, некогда составившие себе состояние на хересе, сейчас весьма небогаты. То, чего не сделали болезни виноградной лозы еще в начале века, довершила война. Сейчас большинством bodegas владеют крупные международные концерны. А традиционные производители хереса остались с высоко поднятой головой, но с пустыми карманами. Совсем не так обстоят дела у семейства Кампусано. Хавьер еще в большей степени, чем его предшественники, опирается на наши традиции диверсификации, но никогда не забывает и о наших виноградниках и bodegas.

Браво! — кисло подумала Кэти. Жаль только, что все эти прекрасные традиции не научили его моральной чистоплотности и скромности. Он лезет напролом. Не постеснялся даже предложить фиктивный брак. Как же, сейчас! Стоять там, где скажут, постепенно блекнуть, как выцветшие обои, отдать ребенка в чужие руки, чтобы его вырастили таким, как сочтет нужным уважаемый дон Хавьер, жить жизнью монашенки и благодарить Бога, что уже прошла эпоха инквизиции!

Лицо у Кэти было напряженным от необходимости улыбаться, в то время как ей хотелось плакать, а голова болела от необходимости усваивать массу интересных сведений. С большим удовольствием она занялась бы изобретением пыток для этого самодура!

Так прошел вечер. Она тепло попрощалась со своей будущей свекровью и легла в постель злая донельзя, а проснулась унылая и мрачная.

Рухнули все ее надежды рассказать донье Луисе правду и завоевать не только ее симпатию, но и поддержку в борьбе с неисполнимыми требованиями Хавьера и его угрозами. Испанская бабушка Хуана оказалась на седьмом небе от перспективы брака при наличии ?благословения Божьего? в лице внука, который станет ей постоянным напоминанием о так рано ушедшем любимом сыне... Ну как тут сохранить самообладание и доброе расположение духа?

— Может, вам пойти погулять перед завтраком? — спросила Роза, разгибаясь и тыльной стороной руки вытирая с лица капли воды. — У вас такой вид, будто вы плохо спали этой ночью.

Хуан сидел в большой ванне и наслаждался каждым мгновением нового приключения, осыпая их целыми каскадами брызг. Кэти вытащила его из воды, завернула извивающееся тельце в мохнатую простыню, а Роза продолжала настаивать:

— Я покормлю его сама, а потом вынесу во двор погулять, пока солнце не слишком жаркое.

В общем-то, неплохая мысль, подумала Кэти.

Ребенок останется в добрых, любящих руках, а мне надо хорошенько подумать, что я скажу Хавьеру в следующий раз, когда мы встретимся. Я хорошенько отругаю его за то, что он обманул свою мать. Это само собой. А дальше? Поблагодарить его за предложение о браке и отказать? Так я рискую, что он начнет собирать компромат на меня и отнимет ребенка законным путем. Значит, надо и дальше тянуть время под предлогом, что я все еще обдумываю его ненавистное предложение.

Она решила пойти во внутренний дворик, сесть там где-нибудь в уголке и хорошенько подумать, пока выйдет Роза с ребенком. Но неожиданно для себя она очутилась в саду, под окнами своей спальни, и ноги сами понесли ее по мощеной тропинке, обсаженной по краям сладко пахнущей гвоздикой. Впереди виднелась зеленая лужайка, простроченная, как пунктиром, рядом эвкалиптов, чьи белые стволы и серебристые листья призрачно светились в дымке раннего утра. Она никак не могла решить, что же ей делать. После бегства отца мать во всем полагалась на нее, вынуждая самостоятельно принимать решения. И когда, к ее величайшему изумлению, Корди решила рожать ребенка, ей пришлось устраивать всю их жизнь. Она решила, что так как сестре придется на неопределенное время оставить свою карьеру фотомодели, то им обеим надо отказаться от своих относительно дорогих апартаментов и, объединив средства, поселиться вместе в гораздо менее удобной, но более дешевой квартирке в Северном Лондоне.

Корди, конечно, была недовольна, но Кэти настояла на том, что это единственный выход из

положения, ибо, несмотря на уверенность сестры, сама она вовсе не была уверена, что испанский папочка будущего ребенка признает его или хотя бы обеспечит ему приличное содержание.

А самым смелым, хотя, как ни странно, и самым легким из всех решений, которые ей приходилось принимать, стало усыновление Джонни. Потеряв надежду на ответ Франсиско, Корди заявила, что ребенок ей теперь не нужен и она готова отдать его кому угодно, потому что получила приглашение на работу в Штаты — рекламировать на телевидении прохладительные напитки. И конечно же, она не упустит такую возможность в обмен на то, чтобы сидеть дома и стирать пеленки. Франсиско Кампусано нимало не заботит, что у него есть сын, почему же это должно заботить ее? Кроме того, она знает кое-кого, кто в свою очередь знает кое-кого в Голливуде, кто может устроить просмотр на студии.

Так что решение, коли уж так вышло, бросить работу и, став свободным художником, добиваться законного усыновления Джонни было действительно легким.

А вот какой тактики придерживаться в отношении Хавьера Кампусано — гораздо более сложная проблема.

Она вздрогнула, обхватив себя руками, и тут позади нее раздался этот волнующий, ни на чей другой не похожий голос человека, который буквально сводил ее с ума.

— Грезите наяву, Кэти? — Он положил руки ей на плечи, и она замерла. В прохладном, туманном утреннем воздухе она явственно ощутила жар его тела, так близко он стоял.

У нее судорогой свело горло — она все еще не решила, как вести себя с ним. Лучше было молчать, демонстрируя чувство собственного достоинства, чем разразиться потоком бессвязных слов. Она попыталась отодвинуться, но его руки крепче сжали ей плечи, и он повернул ее лицом к себе. Серьезные серые глаза под прямыми черными бровями обежали ее встревоженное лицо, и чувственные губы раздвинулись в легкой улыбке.

— Мы проведем этот день вместе, и я хоть немного познакомлю вас со своим городом. Когда-нибудь он станет и вашим. И я хочу сам представить вас ему.

— Нет! — Это слово вылетело из ее рта, как щелчок бича. Одетый в накрахмаленную белую рубашку, заправленную в чертовски ладно сидевшие на нем брюки, он даже у самой здравомыслящей женщины вызвал бы игривые мысли. Но эта конкретная здравомыслящая женщина уже получила урок, который никогда не забудет.

— Я настаиваю.

Голос его звучал как мурлыканье, но в красивых глазах проскакивали искорки стали, и она вдруг поймала себя на том, что сдается, хотя ледяной тон удалось сохранить.

— У меня есть ребенок, за которым надо ухаживать. Но вы, конечно, об этом напрочь забыли.

Кэти увидела, как он улыбнулся. Это была улыбка большой хищной кошки. Она никак не могла понять почему, пока он не сказал:

— Простите меня, если я не оказал вам должного внимания прошлым вечером. Тот деловой ужин я никак не мог пропустить. Но сегодня я твердо намерен восполнить пробел. Я только что был в детской: наказал Розе побыть с Хуаном до нашего возвращения — чему она была только рада — и помог ему освободиться от газов в животике. — Хавьер заговорщически

подмигнул, и ее глупое сердце замерло, пропустив несколько ударов. — Похоже, я становлюсь специалистом в этом вопросе. Заодно я научил его говорить ?папа?.

Последнее замечание быстро успокоило Кэти. Лживый пес! Он будет лгать кому угодно и о чем угодно, если это отвечает его корыстным целям.

Ну что же, хорошо, я пойду с ним, но только не надолго. Ровно настолько, чтобы успеть сказать ему, как низко я ставлю лжецов!

Отгоняя от себя абсолютно неуместную сейчас мысль о том, что она сама только и делала, что лгала ему, она глубоко вдохнула, не догадываясь, что это плотно прижало ее крепкие круглые груди к тонкой ткани блузки, и открыла было рот для ответа, но он прервал ее, скользнув взглядом с ее полуоткрытых губ на грудь, и голос его при этом был низким и задумчивым:

— Я настаиваю, дорогая. За тридцать пять лет своей жизни я еще ни разу не встретил женщину, которая смогла бы отказать мне. Ни за что не поверю, что в этом вы отличаетесь от других.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кэти знала, что давно уже пора было привыкнуть к его огромному самомнению, но от этого последнего замечания буквально поперхнулась. И, что еще хуже, вся покрылась краской, понимая, что он намекает на тот эпизод в сосновой роще, когда она позволила ему раздеть себя. Если бы его ласки зашли еще немного дальше, смогла бы я отказать ему? И отказать себе?.. Нет, конечно, нет.

От беспощадной честности ответа у нее даже подкосились ноги, и она пошатнулась, чуть не упав на Хавьера.

— Спокойно! — Он быстро подхватил ее за талию, и этого оказалось достаточно — сердце бешено забилося у нее в груди.

Глаза их встретились. В его глазах я могла бы утонуть, подумала Кэти. Если бы на его месте оказался кто-то другой, я решила бы, что и он тоже потрясен внезапным соприкосновением наших тел, так же сильно, как и я сама. Но я точно знаю, этого просто не может быть...

Кэти медленно, как во сне, перевела взгляд с его глаз на красиво очерченные, манящие к себе губы. Она почти уже ощущала, как эти губы прижимаются к ее губам, пробуют на вкус ее язык, ласкают ее, жадно, всепоглощающе... Кэти издала горлом какой-то странный звук. Господи, что со мной? Неужели я могу испытывать такое? Неужели я так сильно влюбилась? И в кого?! В человека, к которому нельзя было и близко подходить! — думала она, впадая в панику.

Раньше с ней никогда не было ничего подобного. Даже когда она думала, что влюблена в Дональда, она ни разу не смотрела на него такими глазами и не испытывала жгучего, непреодолимого желания чувствовать его тело рядом с собой, на себе, в себе...

— Подождите, не теряйте сознание прямо у меня на руках. Сейчас мы поедем завтракать в одно уютное местечко.

В голосе его появилась какая-то новая, горькая нотка, которой она никогда прежде не замечала. Или это было всего лишь плодом ее воображения? Кэти ничего не могла сказать по этому поводу. Она стояла, будто ее холодной водой окатили, ей казалось, что на лице у нее

остались одни глаза. Осознание своих подлинных чувств потрясло ее. Она облизнула пересохшие губы, и тут Хавьер быстро и настойчиво сказал:

— Пошли, — и, вцепившись ей в руку, потянул за собой по выложенной булыжником тропинке.

Из-за своего возбужденного состояния Кэти не успела заметить, как они очутились на узкой тенистой улице. Хавьер закрыл за ними массивные двустворчатые двери, и она осталась с ним наедине, вдали от успокаивающей близости Хуана и Розы.

Она поняла, что опять выдала себя, и боялась насмешек. Ей очень хотелось вырвать руку и убежать назад, в дом. Но раз уж это невозможно, надо обратить ситуацию в свою пользу, думала она. Окончательно решить с ним кое-какие вопросы: например, он сам должен сказать своей матери, что солгал ей относительно нашего брака.

Неестественно выпрямившись, Кэти шла рядом с ним, разглядывая город, чтобы хоть как-то отвлечься. По обеим сторонам улицы стояли довольно высокие дома, все с чугунными решетками на окнах первых этажей и ажурными балконами, покрашенными в глубокий желтовато-зеленый цвет, прекрасно гармонировавший с золотистым камнем, из которого были сложены стены.

Потом они вышли на залитую дрожащим от жары воздухом тихую площадь. В тени пальм прятались каменные скамьи, откуда-то доносился аромат цветущих апельсиновых деревьев.

Кэти глубоко вздохнула и замедлила шаг, вытянув пальцы из его руки. Она переставала что-либо соображать, когда он касался ее, каким бы безразличным ни было это прикосновение. А ей хотелось подумать, осмотреться.

— В чем дело? — Хавьер тоже остановился, в серых глазах читалось нетерпение, и подбородок у Кэти немедленно полез вверх. Может быть, все его помыслы в данный момент направлены исключительно на завтрак, но у меня тоже есть свои желания. И сейчас как раз удобный момент довести их до его сведения.

— В полях вокруг finca я делала наброски, — заявила она. — Для картин, которые буду писать по возвращении в Лондон. Я хочу сделать то же самое и здесь, в Хересе. — Она вытянула ставшую вдруг уверенной руку. — Что это за место? Какая архитектура!.. — И замолчала, не в силах найти слов, чтобы выразить свой восторг.

— Пласа-дель-Прогресо, — отрывисто ответил Хавьер. — А это, — он показал загорелой рукой, — старый Кабильдо Муниципал, ратуша, построенная, если мне не изменяет память, в конце шестнадцатого века. А вон, — еще один быстрый жест, говоривший о том, что его раздражение уже переросло в гнев, — собор Сан-Дионисио, названный так в честь святого, считающегося покровителем нашего города. Архитектура, если вас это и вправду интересует, испано-мавританская, весьма типичная для Хереса. — Нетерпеливо указывавшая в разные стороны рука схватила ее за запястье. — Хватит лекций. У вас будет еще время, чтобы все осмотреть и сделать зарисовки. Это я вам обещаю. — И он устремился вперед таким скорым шагом, что ей пришлось чуть ли не бежать за ним. Хорошо хоть, этим утром она надела легкую белую блузку, широкую хлопчатобумажную юбку в горошек и босоножки без каблуков. Хавьер заставил ее с такой скоростью обогнуть массивный собор — весь осыпающийся и все равно величественный, сложенный из желтого камня, со всякими растениями, росшими из трещин, с изъеденными временем водосточными трубами в виде каких-то фантастических фигур, — что она едва успевала перебирать ногами.

Когда они вылетели на другую площадь, позади Сан-Дионисио, Кэти уже задышалась. Изящный

мраморный фонтан в центре, богато украшенные уличные фонари и кованые железные скамьи странно контрастировали с мощным фасадом собора. И тут Кэти поняла, что очарована магией этого города, магией Андалузии. Все ее раздражение, недоверие к Хавьеру моментально забылись. Ее широко открытые, сверкающие глаза встретились с его глазами, и она выдохнула:

— Как же мне здесь нравится!

Тихие, обволакивающие голоса исполнителей народных песен, доносившиеся из ближнего кафе, наполнили ее душу неожиданным, радостным ощущением свободы, и казалось уже, что ни одна из ее тревог и забот не имеет больше никакого значения. Обрадовавшись происшедшей в ней перемене, Хавьер положил руку на ее талию. Теплые серые глаза улыбались, и они стояли, окруженные мерцающим солнечным светом, запахом цветущих апельсинов и тихой музыкой, забыв о прогуливающимся вокруг людях.

— Тогда оставайтесь, — предложил он, и голос его был мягок, как темный бархат. — И не надо больше говорить о каком-то там возвращении в Лондон, мы оба знаем, что этого никогда не будет, — добавил он.

И вся магия моментально исчезла, вытесненная грубой реальностью, в которой не было совершенно ничего магического.

Он хочет, чтобы я осталась, но запертая в клетке формального брака, и только потому, что его прежние попытки подкупить меня провалились, обиженно размышляла она. Только поэтому он предложил мне брак — да какой там брак, одно унижение — в качестве последнего средства для достижения своей цели. Неужели он надеется, что я приму такое предложение? Даже если бы я согласилась, это была бы страшная глупость, ведь тогда он наверняка узнает правду обо мне и с помощью своры опытных, специально подобранных, высокооплачиваемых юристов обязательно отнимет у меня ребенка.

Кэти почувствовала, как у нее каменеет лицо, и тотчас глаза у Хавьера сузились, теплые пальцы выпустили ее руку. В голосе его не было уже никакого оживления:

— Значит, вы не желаете дать мне согласие. Ну что же, пусть все идет пока своим чередом. — Его губы сжались в твердую линию. — Однако не советую слишком долго испытывать мое терпение, сеньорита. Пошли.

Настал подходящий момент, чтобы высказать ему все, упрекнуть в высокомерии, бессердечии, в том, что он солгал собственной матери... Но Кэти была слишком подавлена и совершенно безвольно позволила ему усадить себя за один из столиков возле какого-то оживленного кафе.

— Хотите есть?

Кэти неохотно подняла глаза и встретилась с ним взглядом. Он выбрал столик в тени деревьев, и зеленый фильтр листвы сделал его глаза почти черными. Что же такого в этом человеке, что позволяет ему оставаться безразличным к чувствам других людей, быть так высокомерно уверенным, что он получит все, чего пожелает, только потому, что ему этого хочется?

И почему меня так упорно тянет к нему? Неужели я была настолько несчастлива, что меня потянуло к человеку, чье стремление к превосходству над другими усугублено еще и жестокостью, которую при желании он успешно прячет за обаянием?

Да помогут мне Небеса! — уныло подумала она. И отрицательно покачала головой. Она была не в состоянии проглотить ни кусочка.

Чем заработала только тихий раздраженный присвист. Хавьер отвернулся и щелкнул пальцами одетому в белую куртку быстроглазому официанту. Тот немедленно кинулся к ним, кланяясь на ходу.

Похоже, его здесь хорошо знают, подумала Кэти. Она готова была залепить пощечину сладко улыбающемуся официанту, еще раз подчеркнувшему всемогущество Хавьера Кампусано. Однако официант тут же исчез и с рекордной скоростью принес заказ: апельсиновый сок, кофе и слегка поджаренные булочки.

Не сводя затуманенных глаз с его длинных сухощавых пальцев, поливавших булочки оливковым маслом, Кэти сделала глоток восхитительно холодного, только что выжатого сока и с неохотой сказала себе: все, нельзя больше прятать голову в песок, как какой-нибудь глупый страус, надеясь, что Хавьер сам исчезнет из моей жизни. Надо налаживать отношения.

Сейчас он в ярости из-за моего отказа дать положительный ответ, и надо найти какой-то способ доказать, что вся эта затея с браком просто ни к чему.

Нервно прихлебывая кофе, Кэти оглядывалась вокруг, подыскивая какую-нибудь невинную тему для начала разговора, потому что его серые глаза смотрели холодно и жестко, а черные брови были нахмурены.

Показав на золотистые шары, прятавшиеся в зеленой листве у них над головами, она начала:

— Как странно, что на апельсиновом дереве растут одновременно и цветы, и плоды. — И тут же пожалела, что вообще открыла рот, потому что Хавьер раздраженно ответил:

— Точно как женщина, которая населяет мечты любого юнца: обещание и исполнение одновременно. В отличие от дерева такая женщина — чистая фантазия, неисполнимая мечта. — Голос у него был резок, глаза — ледяные. Кэти никак не могла понять, почему столь невинное замечание вызвало такую неадекватную реакцию, и все ее надежды завязать непринужденную беседу развеялись как дым. Значит, с тем же успехом можно забыть и о достаточно трусливом желании привести его сначала в благодушное настроение, зародить желание считаться с нею. Теперь оставалось только броситься в бой с открытым забралом.

— Насчет вашего предложения... — Взгляд ее фиалковых глаз стал дерзким. — Оно неприемлемо. Я много думала об этом, — быстро добавила она, отказываясь идти на попятный даже под его яростным взглядом, быстро сменившим мелькнувшее было недоверие. — Это стало бы ужасной ошибкой для всех нас. Для вас, для меня и для Хуана.

Ну вот, я все и сказала. И теперь единственное, что остается сделать, — это каким-то образом усмирить его гордыню, заставить его согласиться с моими доводами и отказаться от угроз немедленно броситься в суд, размышляла она, ожидая его запаздывающей реакции.

Хавьер откинулся в кресле, сложил руки на коленях и абсолютно спокойным голосом спросил:

— Почему? Мне очень интересно услышать, как вы пришли к столь удивительному заключению.

Кэти почувствовала, что к горлу подступает тошнота. Он делает вид, что согласен выслушать все, что я хочу сказать, и даже обсудить это. Но ему не удастся меня одурачить, теперь-то я знаю, что он за птица! Он просто потакает мне, как потакал бы капризному ребенку, но при этом не имеет ни малейшего намерения отказаться от своего решения.

Ну что же, я не ребенок, и в том, что я ему сейчас скажу, есть смысл. И как еще много смысла! Твердо вознамерившись доказать, что так оно и есть, и надеясь, что голос ее звучит твердо, а речь — логично, Кэти заявила:

— Ваша уверенность в том, что наш брак наилучшим образом послужит интересам Хуана, не имеет под собой никакой почвы. Если он закончится разводом, для ребенка это будет тяжелейшим ударом. Его привязанности окажутся разделенными, вы должны понимать это. Для него гораздо лучше будет, если его вырастит один родитель. Я, — быстро добавила она, чтобы по этому поводу не было никаких сомнений. — Он всегда будет знать: что бы ни случилось, я буду с ним рядом, я стану в его юной жизни чем-то неизменным.

— Никакого развода не будет. — Голос у Хавьера стал чуть ли не скучающим. — Так что вопроса о разделении привязанностей просто не возникнет. — Он вытащил из кармана банкноту, чтобы оплатить счет, не сводя при этом глаз с ее лица. — Если у вас нет дополнительных аргументов, тогда я предложил бы уйти.

У нее было предостаточно аргументов. Она еще только начала аргументировать свою точку зрения и прямо заявила ему об этом, не желая подниматься со своего места. Однако Хавьер встал и угрожающе навис над ней, хмуря брови, а его крепко сжатые губы доказывали, что его терпению пришел конец.

— Меня ждут на bodega. Я опаздываю уже на полчаса, — зло сказал он, вновь возрождая в ней ненависть к себе. За этим последовали теперь уже знакомые щелчок пальцами и приказание: — Пошли! Поговорим позже.

Разгневанная, она вскочила на ноги. Блеск в его глазах не оставил ни малейшего сомнения в том, что он заметил ее бессильную ярость и это его забавляет.

Кэти так и подмывало отказаться идти с ним куда бы то ни было, вернуться домой и начать упаковывать вещи. Но это ни к чему хорошему не привело бы. И кроме того, вопреки здравому смыслу ей хотелось быть рядом с ним.

Хотя что тут такого странного? Ведь он обещал, что мы сможем поговорить после того, как он покажет мне bodega, успокоила она себя, когда узкие улочки старого квартала остались позади и они вышли на широкий проспект. Движение транспорта было здесь просто сумасшедшее, и машины с трудом продирались сквозь орды ревущих мотоциклов и мотороллеров, управляемых в основном зелеными юнцами, ни на одном из которых не было шлема.

Хавьер не оставлял ей времени для наблюдений или высказываний, он уверенно стремился вперед, не уступая дороги никому и ничему, все еще пребывая в отвратительном настроении. И привел его в такое состояние ее отказ от предложения о замужестве. А он-то, наверно, ждал слез благодарности, падения на колени и лобзания его сияющих, ручной работы туфель, раздраженно думала Кэти.

Пока она мечтала, как отомстить, Хавьер свернул на сравнительно спокойную улицу, застроенную складами.

Жара все усиливалась, так же как и чувство обиды. Кэти едва удостоила его взглядом, когда он провел ее в арку посреди длинной белой стены. Она еще не успела рассмотреть огромный двор, в котором они очутились, заметила только бросавшиеся в глаза алые цветы бугенвиллей, увивших еще одну внутреннюю стену, а Хавьер уже потянул ее за собой в новую арку, поменьше.

Кэти сразу почувствовала, что здесь намного прохладнее, а контраст между прямо-таки вибрирующим солнечным светом снаружи и полумраком внутри дезориентировал ее, и она чуть не врезалась сослепу в группу людей.

Судя по всему, они успели вовремя, чтобы присоединиться к очередной экскурсии по bodega, и Хавьер тотчас передал ее с рук на руки экскурсоводу, стремясь поскорее избавиться от обременительного груза. Понятно, почему он так ужасно торопился! — злилась Кэти. Если б он опоздал к началу экскурсии, ему пришлось бы водить меня здесь самому.

И это после всех его вкрадчивых обещаний показать мне здесь все и объяснить процесс изготовления хереса!

Ее глаза привыкли к полумраку как раз в тот момент, когда Хавьер отходил от группы туристов. Она долго смотрела ему вслед, отмечая его уверенные, крупные шаги, широкий размах плеч, и ее глаза горели негодованием. Он обещал провести с ней весь день, а когда она отказалась стать его женой, то при первой же возможности постарался избавиться от нее. Теперь она вполне отчетливо могла представить себе, на что была бы похожа семейная жизнь с ним: делай, что тебе говорят, не то хуже будет!

Но ведь я согласилась провести с ним этот день вовсе не из желания побыть в его очаровательной компании, напомнила она себе. Просто я увидела возможность высказать, что я думаю о его оскорбительном предложении и о том, как это подло — обманывать собственную мать.

Обиженная и на него, и на себя, она едва слышала, что говорит гид, хотя, судя по ее спутникам, это было что-то интересное. Если б у нее был выбор, она предпочла бы побродить здесь в одиночестве, наслаждаясь особой атмосферой, которую можно встретить еще разве только в кафедральном соборе, и пытаюсь привести в порядок свои смятенные чувства.

Прохладная, полутемная тишина, запахи дерева, вина и сырости были как бальзам для ее взвинченных нервов.

Вдоль стен возвышались огромные дубовые бочки, составленные ярусами чуть ли не до высокого сводчатого потолка, а толщина стен помогала поддерживать относительно низкую температуру. Она вдруг поймала себя на том, что представляет, будто рядом с ней идет Хавьер, они одни в этом прохладном, полном воздуха помещении и он сам ей все объясняет.

Это было бы ужасно! — резко одернула она себя. Он не стал бы объяснять ничего, только то, как именно он отберет у меня ребенка, если я не сделаю все, что он велит.

— Херес никогда не имеет какого-то определенного возраста, — говорил между тем экскурсовод. — Применение системы *solega* обеспечивает его неизменно высокое качество, основанное на том, что в старое вино добавляют молодое, которое в свою очередь приобретает все характеристики старого. Это наш традиционный прием смешения вин.

Усилием воли Кэти заставила себя выкинуть из головы все многочисленные проблемы, навязанные ей владельцем этой bodega, и предприняла попытку сосредоточиться, следуя за гидом из одного огромного прохладного винного погреба в другой и пытаюсь запомнить все, что он говорит. Наконец их ввели в огромный зал, полный разнообразных машин, и, перекрывая грохот, гид прокричал, что это разливочный цех.

Они взобрались по железным ступенькам на некое подобие смотровой площадки.

— А потом пойдем в дегустационный зал! — крикнул один из экскурсантов другому. Все голоса заглушались непрерывным шипением, лязгом и звоном бутылок на огромном ленточном конвейере. Кэти улыбнулась, решив, что не пойдет, она и так уже пьяна от винных паров. И тут ее сердце остановилось: в цеху, что лежал у ее ног, появился Хавьер и вступил в оживленный разговор с одним из рабочих.

Как ни трудно было в это поверить, но она поймала себя на том, что обрадовалась, ей нестерпимо захотелось броситься вниз по лестнице навстречу ему. Ей было одиноко без него, она скучала по теплу его тела, по излучаемой им силе и мужественности. И даже по его суровому взгляду.

Потрясенная неподконтрольными ей мыслями, Кэти закрыла глаза, запрещая себе смотреть на эти мускулистые, обтянутые белой рубашкой плечи, на эту прекрасно вылепленную черноволосую голову, чтобы не давать больше пищи своим глупым фантазиям.

Да что же это со мной такое? Почему меня тянет к такому ужасному человеку, как Хавьер Кампусано? Он же мой враг: он безжалостен, хитер и жесток. Надо быть сумасшедшей, чтобы влюбиться в такого. Особенно, напомнила она себе, если учесть, что брак, который он предлагает, будет чисто формальным. Авансы, которые он делал раньше, были всего лишь попыткой соблазнить меня, а потом с видом победителя утверждать, что такая развратная женщина никак не может быть достойной матерью для наследника семьи Кампусано. Это должно было стать весомым дополнением к оскорбительным лоскуткам информации, которую он собрал, копаясь в прошлом Корди...

— С вами все в порядке? — пожилая женщина осторожно коснулась ее плеча, и Кэти, вздрогнув, открыла глаза, чувствуя себя полной дурой.

— Да, да, все хорошо, благодарю вас, — поспешила она заверить. — Просто здесь ужасно шумно.

Посмотрев вниз, она увидела, что Хавьера нет. Она закрыла глаза, чтобы не видеть его, а сейчас, когда он исчез, чувствовала себя опустошенной, как будто у нее отобрали что-то важное и дорогое.

— Время обедать.

Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто к ней обращается. Она узнала бы этот голос где угодно, а легкое прикосновение к ее руке — по всей видимости, чтобы привлечь внимание — на несколько мгновений послало ее сердце вскачь, и от облегчения закружилась голова.

Значит, он не бросил меня здесь, предоставляя самой искать дорогу домой? Но он не должен даже догадываться о подобных мыслях, решила она, стыдясь своих эмоций. И потому, обернувшись, приятным, но холодным тоном возразила:

— Наша экскурсия не закончилась. Нам еще предстоит посетить дегустационный зал. И потом, тут есть какие-то особые бочки, посвященные различным знаменитостям, с их автографами, и...

— Я проведу с вами отдельную экскурсию по всем этапам приготовления вина как-нибудь в следующий раз, — прервал он ее. — У меня сейчас были долгие и утомительные переговоры с нашими поставщиками в Кадисе. Мне нужно подкрепиться.

Вокруг его глаз и рта залегли усталые морщинки, вдруг заметила Кэти. Да, ему и правда досталось. Спускаясь за Хавьером вниз по ступеням, она неожиданно спросила себя: откуда вдруг эта легкость, почему так приятно было увидеть предательские морщинки, выдававшие его внутреннее напряжение? Ведь со мной это никак не связано. Его, как жеребца после скачек, тянет к кормушке, вот и все. У него рабочий день, а я тут в роли бесплатного приложения.

Выйти на узкие улочки из прохлады bodega было все равно что броситься в раскаленное жерло печи. Но даже здесь запах живого, дышащего хереса был по-прежнему силен. Видимо, он вошел во все поры этого неповторимого и щедрого уголка Андалузии.

Яркий солнечный свет после полумрака ослепил ее, и Хавьер, должно быть, заметил это. Не успела Кэти сообразить, что происходит, он провел ее в узкую дверь какого-то магазинчика и, пока Кэти хлопала глазами, вновь привыкая к царившему и здесь полумраку, уже оглядел множество подставок с темными очками и нацепил ей на нос самую красивую модель.

— Примерьте.

Кэти задержала дыхание, изо всех сил стараясь унять предательскую дрожь, охватывавшую все ее тело каждый раз, когда он дотрагивался до нее.

— Вам идет. — Он отступил назад, склонив голову набок и окидывая ее оценивающим взглядом. Уголки его губ поднялись. — У вас очень привлекательное лицо. И все остальное тоже, — добавил он, опустив глаза ниже.

Последнее замечание возмутило и одновременно возбудило ее до такой степени, что она не разбирая дороги бросилась к двери.

— Вам не нравятся комплименты? — Хавьер догнал ее, когда она уже ступила на раскаленный тротуар. Голос его звучал насмешливо, значит, он прекрасно понял, что ее реакция на происшедшее была слишком неадекватной, какой-то чуть ли не детской.

Если бы она была матерью Хуана, если бы она была Корди, то просто купалась бы в таких комплиментах, считая, что они достаются ей по праву. Но она так и не смогла вжиться в образ утонченной красавицы фотомодели, поэтому ограничилась кратким ответом:

— Нет. Особенно если они неискренние.

— А почему вы думаете, что они неискренние? — спросил он с легкой улыбкой, и от этого голос его зазвучал еще обольстительнее, чем когда-либо прежде. Потом взял ее за руку, и почти с бега она перешла на обычный шаг. — Я считал, что при вашей профессии такие комплименты являются обычным делом. А что до искренности, то почему вы считаете, что моя реакция на красивое лицо и тело должна быть другой, чем у всех остальных мужчин?

Потому, что я не Корди, и потому, что я совсем не красива, ответила она про себя. И вы уже заявили мне, что, если бы мы были мужем и женой, вам не захотелось бы дотронуться до меня и пальцем.

Она почувствовала облегчение, когда он привел ее в ресторан, который выглядел почти так же, как bodega. Вдоль стен громоздились ряды бочек, среди посетителей не было ни одного туриста, а огромный выбор блюд выглядел настолько соблазнительно, что у Кэти тотчас разыгрался аппетит. Ведь утром она так нервничала, что практически не позавтракала.

— Позвольте мне выбрать для вас, — предложил Хавьер в обычной своей диктаторской манере, что делало его предложение вовсе не предложением, а приказом. На этот раз Кэти решила не заводиться и позволила ему усадить себя за один из немногих свободных столиков. — Это лучшая возможность попробовать наши вина и нашу кухню, — продолжал Хавьер, пока она рассматривала бесконечные тарелочки с разнообразными закусками и маленькие бутылочки с вином. — Отпивая по глотку вина и пробуя понемногу каждой закуски, вы сможете понять, какое разнообразие ощущений придает наш херес разным видам блюд. Херес, tapas и хорошая беседа — для истинного хересанца это лучший способ провести часок-другой. — Он налил бледного вина в два бокала и откинулся назад, улыбаясь ей. — Так что накладывайте, что вам нравится, а тем временем, чтобы поддержать разговор, расскажите немного о себе.

— Я считала, что вы и так все знаете, вы же провели целое расследование, — возразила Кэти, гордясь своей бесстрастностью. Подцепила на вилку прекрасно обжаренную креветку и запила ее глотком ?Fino?. Она не доверяла ни его какому-то новому, расслабленному настроению, ни его вдруг вспыхнувшему интересу к ней. С ним было легче управляться, когда он злился, потому что сейчас в ней очень сильно было желание плыть по течению, расслабиться и стать такой же, какой она была всегда, — простушкой с открытой душой. А это было опасно.

— Я ошибался, — признал Хавьер, и улыбка у него стала такой теплой, что у нее дрогнуло сердце. — Вы, Кэти, поставили меня в тупик. Много в вас не совпадает с моим прежним предвзятым мнением.

Для него это большой шаг вперед — признать, что он может быть хоть в чем-то не прав, подумала она саркастически, но проглотила эту мысль вместе с еще одним глотком тонкого на вкус вина. Впереди замаячила опасность. Если он начнет складывать все эти несовпадения вместе, то может выйти на дорожку, которая приведет его слишком близко к истине.

— Что это за блюдо? — спросила она высоким ломким голосом, и он тут же с готовностью пододвинул к ней тарелку кончиками своих длинных пальцев. Глаза его стали какими-то слишком уж пронизательными, как будто ее реакция подтверждала ту мысль, которая давно уже крутилась в его голове.

— Фаршированные артишоки. И не пренебрегайте нашими классическими блюдами. — Он подвинул к ней еще несколько тарелок. — Здесь ветчина, сыр и оливки.

Кэти принялась есть и задавать ему вопросы, ответы на которые знала заранее. Почему маленькие тарелочки с закусками называются tapas, то есть ?крышки?? Потому что испанцы никогда не пьют без закуски, во всяком случае очень редко.

Традиционные ломтики ветчины или сыра как бы закрывают вино. Едва слушая его терпеливые ответы, она изо всех сил старалась не поддаться панике, уверить себя, что он пока еще далек от истины, и с трудом подавила в себе крик ужаса, когда он медленно и таинственно улыбнулся ей и шелковым голосом прошептал:

— Если вы кончили есть и нести чепуху, мы, с вашего позволения, найдем тенистое местечко, где сможем спокойно поговорить. — Он поднялся и протянул ей руку, от которой нельзя было отказаться. — Я хочу услышать все о вашей жизни, вашем прошлом, вашей семье. Все и обо всем. Как ваш будущий супруг я настаиваю на этом. Пошли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Будущий супруг? Неужели он никогда не откажется от этой ужасной затеи? И почему он так уверен, что между ними невозможен настоящий брак, со всеми его атрибутами: любовью,

уважением и рождением детей?

Он что, так преданно любил свою первую жену, что не хочет и не может никем заменить ее? Скорее всего, потому он так спокойно и решил объявить своим наследником сына умершего брата и взять мать ребенка себе в жены. Я стала неприятной, но неизбежной частью сделки...

А что, если он начинает догадываться, что я вовсе не Корди? Об этом нельзя даже думать, иначе выдам себя, со страхом оборвала она собственные мысли.

— Вот здесь. — Хавьер остановился у свободной кованой скамьи под тенью огромной пальмы, и Кэти с признательностью села, так как силы ее, подточенные тревогой, были уже на исходе. Внезапно ей страстно захотелось поговорить с Корди, рассказать ей, в какой ад превратилась ее жизнь с того момента, как этот испанец появился на пороге ее лондонской квартиры. Это ужасно, когда не с кем поделиться своими тревогами. Правда, она тут же представила себе, что ответила бы Корди: ?Да отдай ты ему парня! Джонни гораздо лучше будет с ним. Ведь еще лет двадцать пройдет, пока он станет самостоятельным?.

Кэти нахмурила брови и слегка подвинулась, стараясь не смотреть на Хавьера, который присел на край скамьи и закинул руку на спинку. Он смотрел на Кэти с легкой улыбкой, а его серые глаза были внимательны и дружелюбны. Не потому ли она так внезапно подумала о реакции Корди, что знала: Хуан — Джонни — как наследник Хавьера, конечно же, получит гораздо лучшие условия жизни здесь, в Хересе. С богатством Кампусано у него всегда будет все только самое лучшее. И его будут любить, признала она наконец. Хавьер любит его до безумия, так же к нему относится и донья Луиса, а Роза — в этом она была уверена — останется его преданной рабой до последнего вздоха. Окруженный такой заботой и преданностью, ребенок не будет страдать без меня. Он не будет и тосковать — он слишком мал, чтобы меня запомнить.

Но я буду страдать без него! Я буду тосковать. Если я откажусь от него, в моем сердце навсегда останется боль, боль будет и в руках, которым никогда больше не доведется баюкать его... значит, я просто эгоистка?

В горле у нее стояли слезы, и она постаралась сосредоточить внимание на чудесной бронзовой конной скульптуре — центральной части огромного фонтана в центре площади. Так она пыталась отогнать от себя неприятные мысли, которые пронзали ее, точно удары шпаги, вызывая острую боль.

По всей площади стояли квадратные вазоны со сладко пахнущими флоксами, львиными зевами, розами и лилиями. Звон прохладных струй фонтана почти заглушал шум транспорта, доносившийся с соседних улиц, и Хавьер лениво заметил:

— Что-то вы очень молчаливы, *querida* .

В первый раз за все время он назвал ее ласковым словом. Все ее лицо пошло пятнами, хотя она и пыталась уверить себя, что это ровным счетом ничего не значит. Абсолютно ничего. И ответила ему быстрой, ни к чему не обязывающей улыбкой, надеясь, что ей удалось скрыть ту боль, которую в ней вызвала мысль о собственном эгоизме.

— Какая чудесная площадь! — ломким голосом воскликнула Кэти.

— Пласа-дель-Аренал самая красивая в Хересе, — признал он, всматриваясь в ее лицо так, будто видел ее в первый раз. — Здесь еще в семнадцатом веке проходили соревнования по дрессировке лошадей и...

— Это те же самые представления, что устраиваются и в наши дни здесь, в Хересе? — прервала она его, радуясь, что разговор перешел на нейтральные темы, потому что в том состоянии, в котором она сейчас находилась, она не смогла бы дать достойные ответы на те вопросы, которые он грозил задать.

— Вы имеете в виду Королевскую андалузскую школу верховой езды? Вы слышали о ней? — спросил Хавьер, склонив голову к плечу.

И она поспешила ответить:

— Конечно. Кто же не слышал? — Чем заработала такую теплую улыбку, что сердце у нее забилось как бешеное.

— Тогда я обязательно покажу вам танцы андалузских лошадей, — мягко пообещал он. — Херес, помимо того что славится своими винами и фламенко, является еще и лошадиной столицей Испании. Ваши родители живы? У Хуана есть бабушки и дедушки, о которых я не знаю и с которыми мне надо будет познакомиться?

Эта крутая перемена темы разговора в нежелательную сторону застала ее врасплох. Кэти молча смотрела на него, чувствуя, как от напряжения деревенеет все тело. Встретив его медленный, оценивающий взгляд, она поняла, что и он в свою очередь прекрасно понял, что ей по какой-то неизвестной ему причине не хочется обсуждать эту тему.

Кэти с бешеной скоростью перебирала в уме разные варианты ответа. Как сделать так, чтобы не врать, но и всей правды не выдать? Мне еще надо как следует покопаться в своей совести и решить, имею ли я моральное право упорствовать в том, чтобы ребенок, которого я люблю как своего собственного, жил со мной, но в бедности. А сейчас главное — чтобы Хавьер не догадался о существовании Корди.

— Моя мама умерла несколько лет назад, а отец ушел от нас задолго до этого, когда мне было всего пятнадцать, — наконец раздраженно ответила Кэти. — Все, что мы знаем о нем, — это что он уехал в Южную Америку с другой женщиной. По-видимому, их связь тянулась довольно долго, а мама ничего даже не подозревала. Жены на то они и жены, не так ли? С тех пор мы ничего о нем не слышали. — И, прежде чем он начал расспрашивать о братьях и сестрах, вынуждая ее тем самым лгать, она распалилась до состояния праведного гнева, что было не так уж и трудно, когда она вспоминала об отце, и выпалила: — Моя семья, или, вернее, отсутствие таковой, не так важна. Сейчас важнее вопрос нашего брака. Это абсолютно нелепая идея, вы сами прекрасно понимаете.

Краем глаза Кэти заметила, как он весь напрягся, и решила не смотреть на него, чтобышний раз не терпеть всю эту испанскую спесь и злость. Она остановила взгляд на фонтане, на танцующих, радужных струях воды, и твердо продолжила:

— Вы сказали, что вопрос о разводе не может даже и стоять. Но что будет, если кто-нибудь из нас полюбит?

Это признание было весьма неприятным, комок встал у нее в горле. И голос у нее слегка охрип, когда она попыталась объяснить:

— Меня не привлекает жизнь изнеженной монахини... Я могу захотеть ребенка... — Она осеклась, надеясь только, что не слишком выдала себя, и поспешила поправиться: — Еще детей. У меня материнская натура. — Это была правда. Глубина чувств, которые она испытывала к ребенку своей сестры, удивляла ее саму. — Кроме того, сейчас вы уверены, что

никакая другая женщина не сможет занять в вашем сердце место первой жены. Но вы можете влюбиться в кого-нибудь и захотеть своих собственных детей. В конце концов, это не так уж и невероятно. В каком положении мы оба окажемся в таком случае?

Доводы, только доводы и аргументы, и покороче, подумала она. Они должны быть обоснованными и логичными, чтобы он не мог просто отмести их в сторону. Не полный же он идиот, в конце концов! Почему я чувствую себя такой несчастной? — на мгновение пришла мысль, но Кэти тут же отогнала ее, потому что знала ответ. Она знала, что, если бы Хавьер полюбил ее, чего, конечно же, никогда не будет, она чувствовала бы себя счастливейшей женщиной на свете и вышла бы за него замуж хоть завтра, и пусть он думает о Корди все что угодно.

Она не могла даже представить, какой будет его реакция, поэтому сидела молча, не в состоянии пошевелиться. Вдруг он резко поднялся и пошел прочь, ни разу не оглянувшись, и его широкоплечая фигура растворилась в тени за весело играющими струями фонтана.

Прошло два дня. Кэти не видела Хавьера с тех пор, когда тот ушел с Пласа-дель-Аренал. Неожиданная важная деловая поездка, с легким замешательством объяснила донья Луиса. Ей явно не нравилась роль посредника, и, возможно, у нее уже начали возникать кое-какие сомнения. Если так, то это даже к лучшему, решила Кэти. Когда она узнает всю правду, это не будет для нее таким ударом.

Полчаса назад Кэти сделала то, что должна была сделать сразу же после появления Хавьера в ее лондонской квартире: она написала обо всем Корди.

И теперь, хоть немного сняв со своей совести груз, она смогла расслабиться, тихо сидя во внутреннем дворике, вдыхая ароматы вечера и прислушиваясь к сонному воркованию голубей, звонким всплескам воды, стекавшей из резной чаши фонтана и падавшей в каменный бассейн под ним.

Воспользовавшись уединением, Кэти в очередной раз принялась обдумывать ситуацию и взвешивать свои поступки.

Эх, жаль, что я не догадалась сменить квартиру, когда Корди окончательно перестала надеяться, что Франсиско ей ответит. Если бы я это сделала, Хавьер не нашел бы нас. Но я не могла даже и предположить, что кто-то попытается искать малыша. Откуда мне было знать, что еще у судьбы в запасе? Неужели мне на роду написано влюбиться в этого испанца и, по всей видимости, потерять ребенка, которого я обожаю?

Сама виновата, не надо было лгать. Надо было сразу сказать ему всю правду о Корди. Хоть это была ложь из самых лучших побуждений, теперь он добавит ее ко всему остальному и обратит против меня, считая, что я такая же испорченная, как и моя сестра, и что ни одной из нас нельзя доверить заботу о наследнике семьи Кампусано.

Он безжалостен и целеустремлен, но он не злой человек. Будь я честной с ним с самого начала, он оценил бы все те жертвы, которые я принесла ради ребенка, и понял бы, как я его люблю. Мы наверняка пришли бы к какому-нибудь компромиссу. Он никогда не разлучил бы меня с Хуаном, будь он уверен в моей честности, теперь я это понимаю. Но уже слишком поздно. Кэти вздохнула и вдруг почувствовала, что у нее по спине поползли мурашки. Позади нее Хавьер мягко спросил:

— Откуда такая печаль, Кэти? — и вышел вперед. Его фигура казалась тенью в полумраке

аркад, черты лица были неразличимы. — Если ответственность за этот глубокий вздох лежит на мне, примите мои извинения и даже нечто более существенное. — Он протянул ей бокал ?Manzanilla? и сел рядом.

Кэти не знала, что он вернулся, его присутствие здесь казалось чудом, как будто это ее мысли о нем, ее чувства, в которых она едва осмеливалась признаться самой себе, как по волшебству вызвали его откуда-то издалека, и он появился рядом с ней в мирной тишине благоуханного вечера. Кэти повела плечами, не зная, как справиться с целым ворохом страхов и страстей, каких она никогда прежде не испытывала.

— Вам не холодно? Может, лучше пойти в дом? — Он сел рядом с ней на скамью, отблески света из гостиной осветили его усталые и напряженные черты.

Кэти покачала головой, длинные белокурые пряди упали вперед, скрыв ее лицо, и она наконец-то смогла выдохнуть, только сейчас поняв, что все это время не дышала. Не в силах шевельнуться, она тоненьким голоском ответила:

— Такая приятная прохлада. Днем было просто нечем дышать.

— Хорошо. Мне нужно поговорить с вами.

Здесь нам никто не помешает до самого ужина. — Он замолчал, и молчание все тянулось и тянулось, а Кэти, напрягая слух, ждала, что же он скажет.

Наверное, он наконец-то прислушался к голосу разума и все, что я вынуждена была ему сказать при последнем разговоре, убедило его. Вот сейчас он мне об этом скажет, признается в том, что сама идея брака не выдерживает никакой критики... и это разобьет мне сердце.

Пусть она и знала, что никогда не выйдет за него замуж, во всяком случае — не на его условиях, его настойчивость доставляла какое-то странное, непонятное удовольствие, хотя она никогда и никому в этом не призналась бы.

Пока он считал их брак самым удобным вариантом разрешения проблемы опеки над Хуаном, он не спускал с нее глаз: иногда наблюдал за ней незаметно, иногда в открытую, но все время заставляя ее это чувствовать. И ей необходимо стало его присутствие, в любом качестве, как наркоману необходима ежедневная доза. Что теперь делать с этим, она не знала. Она просто привыкла к тому, что он рядом, привыкла к выражениям его лица, к огню в его глазах, к глубокому бархатному тембру его голоса...

— Я должен извиниться перед вами, — заговорил он наконец.

Кэти бросила на него осторожный взгляд: он извиняется за свое предложение, за то, что настаивал на нем? Ну нет, раскаяние — не его стихия. Свои редкие ошибки он просто отмечает пожатием плеч, делает из них выводы и навсегда забывает о них.

— Мне очень жаль, что я тогда ушел и бросил вас одну, — продолжил он, не подтвердив ее предположений. — Когда вы заговорили о моей жене, вы захватили меня врасплох, напомнив о вещах, о которых мне не хотелось вспоминать. Но это вовсе не оправдание, — мрачно сказал он, — конечно, нельзя вести себя подобным образом. Я должен был держать себя в руках.

Значит, я была права! — с отчаянием подумала Кэти. Он так сильно любил свою жену, что после ее смерти не выносит даже мысли, что какая-то другая женщина может занять ее место, даже одно упоминание о ней выбило его из колеи.

Хавьер допил вино и осторожно поставил бокал между ними на каменную скамью. Разграничительная черта? Уж не боится ли он, что я придвинусь ближе, полезу со своим никому не нужным сочувствием в святая святых его души?

Кэти выпрямилась и решила, что надо со всем этим кончать, пока у нее осталось хоть немного гордости. Поэтому она одним глотком допила вино и поставила свой бокал рядом с его, укрепив тем самым границу между ними. Стараясь, чтобы ее голос звучал невозмутимо, она сказала:

— Ничего страшного. Я с удовольствием побродила по старому городу и без труда нашла дорогу домой.

Теперь ей надо было уйти, оставив его горевать над потерянной любовью. Однако напряженный голос Хавьера остановил ее:

— Я хотел рассказать вам об Элен. Между нами не должно быть тайн. Это, кстати, одна из причин того, почему я расспрашивал о вашей семье. Все должно быть в открытую, если мы собираемся установить тот или иной род взаимоотношений.

Ничего мы не собираемся! — мысленно ответила Кэти. Как только ты узнаешь правду, ты не потерпишь меня рядом с собой ни в каком качестве. А узнаешь ты ее неизбежно, раньше или позже. Моя надежда на то, что, пока я сижу тут в Хересе, придет письмо от Молли с положительным решением, просто глупость. Молли ведь предупреждала, а я не захотела слушать. Пока опекунский совет не убедится на все сто процентов, что Корди в один прекрасный день не передумает, до тех пор законное усыновление невозможно.

Но Хавьер продолжал говорить, и у нее не оставалось иного выбора, как слушать; чем больше она вникала в смысл его слов, тем сильнее расширялись у нее глаза — сначала от неверия, а затем от сочувствия, потому что все было совсем не так, как она себе представляла.

— Если кто-то из членов семьи Кампусано вступает в брак, это происходит по ряду вполне определенных причин, — объяснял он спокойным голосом. — Чтобы добиться более высокого положения в обществе, увеличить состояние или землевладение, обзавестись наследником. Любовь и страсть с их ненадежной и изменчивой природой к этому списку причин никак не относятся. Но я, — в его голосе послышалось раскаяние, — по своему безрассудству поступил вопреки здравому смыслу. Будь мой отец жив, он, возможно, удержал бы меня, настоял бы на том, чтобы я лучше узнал свою невесту. А может быть, и нет. Кровь моя кипела, и я знал, чего хочу. Элен. — Это имя, точно призрак, промелькнуло между ними, и Кэти вздрогнула, надеясь, что он не заметил. Она чувствовала, что в его сердце все еще осталась страшная боль.

Снова заговорил он очень не скоро, когда вечер совсем уже погас, и на этот раз речь его текла гораздо свободнее:

— Она тоже была англичанкой. Хотя, в отличие от вас, оба ее родителя были живы и неусыпно опекали ее, даже слишком. Она была единственным и поздним ребенком, к тому же красавицей. Я могу понять, но никак не смириться с тем, до какой степени они ее избаловали. За два или три месяца до того, как мы познакомились, ее отец вышел на пенсию и купил дом на Плайя-де-Вальдеграно, приблизительно на полпути из Хереса в Кадис, и они обосновались там. Элен, конечно, приехала вместе с ними, ей было тогда восемнадцать. В первый раз я увидел ее на празднике в честь сбора винограда и тут же был очарован. Я ходил за ней по пятам, как будто она была единственной женщиной на земле. — Хавьер наклонился вперед, положил руки на колени и, резко повернувшись в ее сторону, спросил: — Вы можете понять, что такое

страсть?

Могу! — мысленно ответила Кэти. Еще как могу. Разве не это происходит со мной? Я знаю больше — что такое безнадежная страсть.

— Думаю, да, — тем не менее спокойно ответила она и слегка вздрогнула, когда он раздраженно воскликнул:

— А я не могу понять! Cristo! Я ведь был далеко не мальчик! Мне было под тридцать, я считался полной копией своего отца: таким же проницательным, благоразумным, даже, пожалуй, слишком. И чтобы всего этого лишиться и превратиться в моральную и физическую развалину, потребовалась всего лишь приятная мордашка, дразнящая улыбка, соблазнительные обещания и мучительные отказы. Ничто не могло удержать меня от женитьбы на ней. Свадьба была великолепной, самой роскошной из всех, которые когда-либо видел Херес. Празднования длились неделю. Но для меня они закончились сразу же, как только за нами закрылась дверь апартаментов для новобрачных. Не успев снять фату, Элен начала излагать мне основные правила, как она называла их. Я не должен предъявлять никаких необоснованных требований?. Ей нравилось флиртовать с мужчинами, и к тому времени у нее был уже опыт негативных последствий такого рода флирта. Она желала быть честной: в обмен на все преимущества, которые давал ей мой вес в обществе и мое богатство, она согласна была отплатить ничуть не меньшим — разрешала делить с ней ложе раз в неделю до тех пор, пока не будет зачат наследник. Однако потом этот срок стал еще длиннее. Она встречала меня холодно, без всякой страсти. Она была похожа на ребенка, который отрывает ноги у жука, не задумываясь о причиняемой боли.

— О Господи, как же она могла? — прошептала потрясенная Кэти, и голос ее был едва слышен сквозь журчание фонтана и плеск струй, падавших в бассейн.

Хавьер распрямился и повернулся к ней, ища ее глаза в бархате ночи.

— Очень просто. Что делает избалованный ребенок, когда ему чего-нибудь хочется? Он просто хватается за это. Элен хотела богатства и была уже достаточно взрослой, чтобы уметь насадить наживку на крючок, использовать свою красоту, заманить пустыми обещаниями. Но она оказалась недостаточно зрелой, чтобы рассчитать последствия. Очень скоро наш брак стал только видимостью. Она была со мной откровенна, и эта откровенность могла погасить любую страсть, как будто ее никогда и не было. Два долгих года мы встречались с ней только в обществе других людей, хотя и жили в одном доме. Она получила все игрушки, которых так страстно желала: платья, драгоценности, лошадей, курорты. Я никогда не спрашивал ее, счастлива ли она. Для меня она почти не существовала. Конечно, подобный брак можно было в судебном порядке признать недействительным, но я не видел в этом смысла. Во-первых, я был слишком горд для этого, а во-вторых, знал, что больше уже никогда не женюсь. Я не позволю делать из себя дурака дважды.

— Но не все женщины такие, — мягко напомнила ему Кэти, поняв теперь, почему столь резко он ответил, когда она восхитилась апельсиновым деревом: обещание и выполнение одновременно. Элен обещала многое, но не дала ничего.

— Наверное, вы правы, — ответил Хавьер. — Но как быть мне? Разве могу я позволить себе еще раз дать волю чувствам? Я был убежден, что люблю Элен больше собственной души. Но когда дошло до дела, оказалось, что это всего лишь страсть, яростное желание. Если бы я любил ее по-настоящему, я бы перешагнул через свою гордость. Я был бы терпеливым и научил ее — постепенно и нежно — понимать, сколько счастья приносят физические проявления любви. А

так как я не любил ее, то во мне возобладала гордыня, и я отверг эту глупую девчонку абсолютно равнодушно, безо всяких эмоций. Я даже получал какое-то злобное удовольствие, наблюдая, как она отбрасывает одну игрушку за другой, ища чего-то, чего не может найти. И погибла она за рулем последней своей игрушки, — сказал Хавьер мрачно. — Теперь вы понимаете, почему я никогда не позволю себе поверить, что могу кого-то полюбить?

От сострадания, смешанного с огромным желанием взять его за руку и убедить, что не все еще потеряно, сердце ее разрывалось на части.

— Ваша мать знала, сколь несчастливым был ваш брак? — дрожащим голосом спросила Кэти.

— Думаю, что моя матушка и целое полчище моих тетушек, которых ниспослал мне Господь, догадывались. — В темноте блеснули в улыбке его зубы. — Но они слишком хорошо меня знают, чтобы о чем-нибудь расспрашивать. Мать предупреждала меня о почти неприличной спешке со свадьбой, она считала Элен слишком молодой и незрелой для меня. А Франсиско тогда был чересчур занят собой. Как всякий молодой человек, он наслаждался жизнью и вовсе не задумывался над превратностями моего брака. Кроме того, — Хавьер слегка подвинулся, повернувшись к ней и стараясь прочесть выражение ее лица, — слово ?несчастливый? не совсем точно отражает то положение, в котором мы оказались. Элен получала все, чего хотела, — во всяком случае, в материальном плане. Ну а я, конечно, не стал заливать подушку слезами. Эта девчонка уязвила мою гордость, но не мое сердце. Я был в ярости, потому что позволил использовать себя, сделать из себя идиота.

— Мне очень жаль, — прошептала Кэти, страдая за него. У нее просто разрывалось сердце.

— Я не нуждаюсь в вашей жалости! — (Неожиданно грубый ответ потряс ее, и она перестала дышать, испугавшись этого возвращения ненависти.) — Я просто хотел, чтобы вы все знали и поняли, почему я предложил вам формальный брак.

Итак, он опять возвращается к этому вопросу. Кэти сделала единственное, что ей оставалось, — поднялась на ноги и, стараясь смягчить резкие нотки, помимо ее воли прорывавшиеся в голосе, сказала:

— Наверное, донья Луиса ждет нас к ужину. И, уж коли мы заговорили о вашей матери, должна вам сказать, что вы поступили отнюдь не благородно, солгав ей. Даже для блага Хуана я не соглашусь выйти за вас замуж. Я уже объясняла почему. Так что лучше, если вы скажете ей правду. Как вы считаете?

С пылающим от гнева лицом она подошла к входу в sala, и тут он догнал ее, положил руку на плечи. Наклонив голову, он прошептал ей в ухо, и голос его при этом был искусительно ласковым:

— За этот маленький грех мне нет нужды извиняться, querida. Рассказывая матушке о наших планах, я просто стремился продвинуть дело вперед, ведь вы казались тогда готовой принять неизбежное. Вы же знаете, как она боготворит Хуана, а я, приглядываясь к вам, понял, что у вас мягкое сердце. Вы не сможете разочаровать ее, я твердо знаю, что вы не сможете! Кроме того... *смех зазвучал в его голосе с еще большей силой*, — я вовсе не врал, говоря о нашем браке. Это святая и истинная правда.

Весь ужин Кэти была слишком зла, чтобы принимать участие в беседе, даже чтобы просто подцеплять вилкой еду и отправлять ее в рот. Да как он смеет?! Как он смеет даже надеяться на это? Он что, считает меня второй Элен, думает, что я тоже легко удовлетворюсь материальным благополучием? Даже если каким-нибудь чудом он не узнает, что я не

настоящая мать его племянника, разве я смогу примириться с теми стерильными отношениями между нами, которые он предлагает? Ведь я его так люблю!

Но он-то об этом не знает, напомнила она себе, глубоко и обреченно вздохнув. И никогда не должен узнать. Если это произойдет, я окажусь в западне. Надо отдать ему справедливость, он всегда, с самого начала, был честен со мной. Жесток, но честен. Это я врала раз за разом. Теперь только знай расхлебывай неизбежные последствия всего этого вранья...

— Кэти не слышала ни слова из того, что ты сказала.

При звуке своего имени она подняла взгляд и встретила с его глазами. Глаза были теплыми. Но теплота эта не могла скрыть вопроса, стоявшего в их чистой серой глубине. Видимо, прочтя в ее взгляде ответ на свой вопрос, он вдруг обрадовался, повеселел.

И Кэти поспешила опустить глаза на тарелку, больно прикусив нижнюю губу. Может, он догадался о ее истинных чувствах? Неужели у нее все это так явственно написано на лице?

— Бедная Кэти, вы устали, — сочувственно проговорила донья Луиса, и Кэти ухватилась за эту соломинку, постаравшись выдать улыбку.

— Да, немножко.

— Я думаю, что вы проводите слишком много времени на солнце, делая эскизы. Тебе следует быть потверже с ней, Хавьер, — поддразнила сына донья Луиса. — Однако на завтра я беру руководство в свои руки, никаких пыльных улиц и жаркого солнца. Мы отправляемся по магазинам за покупками.

— Мы? — Она впервые слышала об этом. Похоже, Хавьер был прав: она не прислушивалась к разговору за столом.

— Нужно подыскать нечто такое, что соответствовало бы вашему типу красоты. Это доставит мне искреннее удовольствие. Я хочу вывести вас в свет, как и Хавьер, конечно.

Донья Луиса радостно сжала руки в предвкушении предстоящего события, а Хавьер весело объяснил:

— Мама устраивает прием в вашу честь завтра вечером. Мы оба хотим, чтобы вы выглядели наилучшим образом.

— Конечно, будут только родственники, — поспешила заверить ее донья Луиса, неправильно истолковав появившееся на ее лице хмурое выражение. — Официально мы все еще в трауре. Со всеми нашими друзьями вы познакомитесь позже, обещаю вам.

— Просто будет целая армия престарелых тетушек, — добавил Хавьер, откидываясь в своем кресле и не переставая улыбаться. — Однако сие суровое испытание будет скрашено легкими закусками, вином и вашим первым знакомством с фламенко.

— Хавьер! — выразила свое неодобрение донья Луиса, но, встретившись с его благодушным взглядом, тоже улыбнулась и пояснила: — Сестры моего мужа — все шесть — старше его. Он был последним ребенком в семье и единственным сыном. Как я уже говорила вам, у Кампусано не бывает много детей мужского пола. А мой брат, Антонио, живет и работает в Мексике. Так что тетушки — это все наши родственники. И, несмотря на все насмешки моего сына, они вовсе не такие скучные.

— Я в этом уверена, — поспешила согласиться Кэти, понимая, что ей вряд ли удастся открутиться от приема, а маленькое черное платье, в которое она облачалась каждый вечер, уже успело всем надоесть. — Но я могу и сама купить себе платье, — заявила она, быстро прикидывая в уме, хватит ли отложенных на всякий непредвиденный случай денег.

Однако Хавьер тут же откликнулся самым надменным тоном:

— Не сомневаюсь. И тем не менее, — он бросил на мать предостерегающий взгляд, — мне доставит удовольствие подарить вам вечернее платье. И не только его, но и более прохладную повседневную одежду. — Обернувшись к матери, которая одобритительно кивала головой, он добавил: — Похоже, Кэти не думала, что наше андалузское солнце такое жаркое. Я должен был предупредить ее. Поэтому исправить положение вещей — моя прямая обязанность, которую я с радостью и исполню.

Кэти захотелось плюнуть ему в глаза! Меньше всего на свете ей нужна была его благотворительность, и меньше всего на свете ей хотелось, чтобы он заметил скудость ее гардероба.

Но донья Луиса чуть ли не подпрыгивала в своем кресле от радости, как ребенок в предвкушении интересной прогулки. И когда она хлопнула в ладоши и с озорным огоньком в глазах воскликнула: ?О1е?, Кэти поняла, что проиграла сражение еще до его начала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Ах, que guara! Как прелестно вы выглядите! — Роза пришла в восторг, когда Кэти открыла дверь на ее стук. — Судя по всему, посещение магазинов прошло очень успешно!

Отступая в сторону, чтобы дать Розе войти, Кэти согласилась с тем, что так оно и было. Даже слишком успешно! Помимо длинного, до пола, облегающего шелкового платья, прекрасно гармонизировавшего с ее глазами и делавшего ее женственную фигуру элегантно, Кэти стала обладательницей полного набора другой одежды, отчего чувствовала себя не в своей тарелке. Донья Луиса не ограничилась вечерним платьем и несколькими легкими блузками и юбками, она скупила целиком содержимое нескольких модных магазинов — так, во всяком случае, казалось Кэти.

Начав, она уже не могла остановиться, и через какое-то время Кэти устала бороться с ней и пустила все на самотек, забавляясь всеокрушимым энтузиазмом пожилой дамы.

Кэти решила, что, когда придет время возвращаться в Англию, она все это оставит здесь, чтобы подарки не напоминали ей о Хавьере. Это было бы слишком мучительно. Другое дело — наброски, записи и фотографии, на основе которых она собиралась впоследствии писать картины. Помимо того, что это способ заработать на жизнь, картины должны были стать еще и данью уважения этой земле, которую она с каждым днем любила все больше и больше.

— Как Хуан, спит? — спросила Роза, и Кэти кивнула в ответ, не в состоянии выдавить из себя ни слова.

Скоро ей предстояло сказать Хавьеру правду. Совесть не позволяла ей продолжать обманывать его. И она прекрасно знала, что тогда произойдет: он будет сражаться за право получить Хуана под свою опеку всеми видами оружия, которые только найдутся в его богатом арсенале.

— Я посижу с ним, если он вдруг проснется, — пообещала девушка. — У него сегодня что-то щечки были красные — наверное, опять режутся зубки. Дон Хавьер просил меня сказать вам,

что скоро начнут собираться гости. Он просил вас поторопиться.

Теперь еще и она будет мне указывать! Кэти посмотрела вслед Розе, на цыпочках с книжкой в руке удалившейся в детскую, и повернулась к зеркалу, опять почувствовав страшную тревогу: она должна была встретиться со всеми этими тетушками в чужом обличье! Не хватало еще, чтобы донья Луиса вдобавок ко всему сказала им, что Хавьер решил жениться на матери незаконнорожденного сына Франсиско. Если бы Хавьер не солгал! А если бы и я с самого начала говорила правду, ничего этого никогда вообще не случилось бы!

Нет смысла мучиться над тем, чего все равно уже не исправишь, заявила она своему отражению в зеркале, смотревшему на нее оттуда дикими глазами. Надо пройти через это испытание как можно достойнее, а если у меня блещут глаза и пылают щеки, они могут отнести это на счет легкого возбуждения и останутся довольны своей догадливостью.

Она задумалась, не придадут ли ей длинные волосы, если оставить их распущенными, вид перезрелой матроны, играющей под девочку. Коса, которую она обычно заплетала, не подходила к изысканному и невероятно дорогому платью. Кэти попыталась зачесать волосы наверх, но у нее не было нужного опыта и сноровки, и через пять секунд после того, как она решила, что прическа готова, волосы опять рассыпались по плечам.

Пришлось пойти на компромисс: она убрала с лица две боковые пряди и закрепила их сзади заколкой, а основная масса волос свободно падала на спину. Больше она ничего не могла придумать, так как времени на эксперименты с прической уже не оставалось.

подавив в себе желание еще разок заглянуть в детскую, чтобы проверить, как там Хуан, и оттянуть тем самым начало приема, который обещал стать для нее настоящим испытанием, Кэти распрямила плечи и вышла из своей комнаты. Оказалось, что все гости уже в сборе.

Ожидая увидеть в глазах Хавьера недовольство ее опозданием, она была поражена, когда вместо этого встретила взгляд, полный одобрения. Даже восхищения, вынуждена была она признать, чувствуя, как по коже побежали мурашки под его медленным взглядом, оценившим все подробности ее затянутой в тонкий шелк фигуры.

Это восхищение очень похоже на вожделение, промелькнуло у нее в голове, и она почувствовала, что кожа горит, а кровь закипает в жилах. Она уже хорошо, слишком хорошо знала его, знала и о том, какую власть он имеет над ней, и о том, что его сила не только в способности быть жестоким, но и в способности быть бесконечно нежным.

И чем Дольше они смотрели друг на друга, замкнутые в своем безмолвном мирке, тем больше она ощущала опасность: ей казалось, что сейчас она рассыплется на тысячи крохотных осколков, которые потом невозможно будет собрать воедино. Она с трудом отвела от него глаза и, изобразив на лице легкую улыбку, повернулась к гостям, так как донья Луиса уже начала представлять ее.

Познакомившись со всеми, Кэти тут же позабыла имена. Но Хавьер был рядом и помогал ей, поддерживая ее за локоть скорее по-хозяйски, чем просто из вежливости. Он ни на секунду не покидал ее, и она уже начала опасаться, как бы вечер не кончился для нее истерикой. Потому что он вел себя как влюбленный, каждая его улыбка, каждое шепотом произнесенное объяснение или замечание дышали лаской, а во взглядах читалось обожание.

Кэти уже начало казаться, что ведет он себя так вовсе не потому, что его мать поделилась с гостями ложью об их предстоящем браке. Ведь ни одна из древних тетушек и столь же древний единственный дядюшка ни разу не заикнулись об этом. Они болтали обо всем на свете, так ей,

во всяком случае, казалось, но только не о грядущей свадьбе. Значит, он явно не играл никакой заранее продуманной роли и у него не было цели придать видимость правдоподобия своей ужасной лжи.

И не потому, что он наконец-то увидел ее одетой элегантно и с шиком, а не в изрядно поношенные тряпки, которые составляли ее скудный гардероб. Нет, он видел гораздо больше.

Стол был накрыт в sala, и тетушки, чьи языки под влиянием изысканной еды и прекрасного вина постепенно развязались, забросали ее тысячью вопросов на своем забавном английском с очаровательным акцентом. Что она думает об Испании? А о Хересе? Она уже побывала в чудесном музее часов в Паласио-де-ла-Аталайя? Правда ли, что в Англии всегда идет дождь?

Только одна из них упомянула о ребенке, остальные были слишком тактичны для этого, поняла Кэти, когда крупная, дородная женщина пригласила ее к себе в гости.

— Обязательно возьмите с собой маленького, когда приедете ко мне. Хавьер все организует. Правда ли, что он похож на Франсиско, когда тот был в таком же возрасте?

— Абсолютно, тетя Карлота, даже ямочки на щечках, — вступил в разговор Хавьер со всей возможной предупредительностью, а когда грузная дама отвернулась, чтобы довольным полусшепотом передать этот интересный факт одной из своих сестер, он провел кончиком большого пальца по локтевой впадине на руке у Кэти.

Кэти вздрогнула. Скрытые от посторонних глаз, такие интимные прикосновения заставляли ее трепетать всем телом, она уже едва понимала, где находится и о чем говорят вокруг. Вспомнив тот день, когда он раздел ее и ласкал с такой опытностью, с таким расчетом, она дернулась, как от удара. На этот раз у него тоже должен быть какой-то тайный замысел. Вряд ли он искренен...

— Не волнуйтесь, у тетушки Карлоты поистине золотое сердце, — прошептал Хавьер, стискивая ее локоть. Он явно неправильно истолковал ее дрожь. — Только три из моих теток были замужем, и так как она единственная, у которой муж еще жив — дядюшка Эмилио, которого вы сейчас видите в окружении трех незамужних тетушек, — она считает себя среди остальных своеобразным лидером.

Наконец гости заколыхались и стали выплывать из sala, но Кэти не поняла, чем это вызвано. Хавьер, по-прежнему не отходивший от нее ни на шаг, весело сказал:

— Мы переходим в sala grande, где в вашу честь будет танцевать несравненная Ла Гитана. И не считайте нас чересчур старомодными, querida. Он пропустил ее вперед, держа ладонь на ее талии. Еще дюйм, и он коснется обнаженной спины, там, где кончается глубокий вырез, поняла Кэти. У нее стянуло кожу, все ее чувства до последнего сконцентрировались на тепле его руки, ощущаемом через шелк. Она стиснула зубы в предвкушении неизбежного — желаемого? — продвижения этой руки вверх, когда кожа прижмется к коже, плоть — к плоти. Она едва понимала, что он говорит.

— Прием сегодня небольшой, надо уважить старых тетушек. Когда-нибудь вы увидите, что такое настоящий прием: блестящий праздник, сливки общества, множество молодежи, а после представления — танцы, музыка. Когда-нибудь вы все это увидите, обещаю вам. Я дам такой бал в вашу честь, который превзойдет ваши самые смелые мечты.

Кэти могла бы ответить, что вряд ли задержится здесь на столь долгий срок или что он вряд ли захочет оказать ей такую честь, когда узнает правду о ней. Но у нее не было желания говорить

что-либо, потому что он добрался наконец до выреза ее платья, и теперь его пальцы касались чувствительной кожи ее спины. Она была просто неспособна к членораздельной речи. Ее затопляло желание, чтобы он коснулся ее, коснулся по-настоящему.

Но вот он провел ее через массивные двойные двери, и перед ней открылся sala grande во всем своем великолепии.

Собрав последние силы, Кэти отодвинулась от него, стараясь оказаться подальше от этой опасной ауры, от исходившей от него притягательной силы, заставлявшей ее забывать обо всем, кроме его прикосновений, его близости, теплого бархата его голоса.

За время своего пребывания здесь она еще не видела этого зала, и не нужно было обладать богатым воображением, чтобы представить его во время светского бала: толпу красивых, элегантных, остроумных и богатых людей, маленький оркестр, играющий на возвышении в дальнем конце, высокие окна, чередой вытянувшиеся вдоль одной из стен и выходящие на открытую веранду с колоннадой, ведущую в тихий, полный ночных тайн сад.

Гладкий мрамор под ногами — прекрасная площадка для танцев, но Кэти не осмеливалась даже представить себе, что танцует с Хавьером. Прижаться к нему, почувствовать его объятия, грезя наяву под ярким светом люстры на высоком, украшенном великолепными фресками потолке...

Она быстро прошла вперед, стуча каблуками по мрамору пола. Часть огромного зала была отделена роскошными, ручной работы китайскими шелковыми ширмами, и там полукругом стоял десяток золоченых стульев.

Все тетушки уже сидели на своих местах, и только дядя Эмилио вежливо продолжал стоять, дожидаясь, пока сядет Кэти. Донья Луиса похлопала пальцами по свободному стулу рядом с собой, и Кэти быстро села. А Хавьер встал позади нее, положив руки ей на плечи.

Господи, как же я вытерплю все это? — обезумев, спрашивала она себя. Ей было гораздо легче владеть собой, когда он был в дурном настроении. А это его мягкое, соблазнительное обаяние полностью обезоруживало ее. И нельзя было велеть ему отойти, убрать руки с ее плеч, нельзя было даже пошевелиться под перекрестными взглядами всех этих тетушек! Ведь донья Луиса потратила столько сил, чтобы этот вечер прошел удачно.

Напряженная, как гитарная струна, она хотела только одного — чтобы этот вечер поскорее закончился и она могла убежать в свою комнату и склониться над кроватью Хуана. Один только взгляд на него, спокойно спящего в своей святой невинности, вернет ее к здравому смыслу...

И тут безо всяких предварительных объявлений на середину зала вышел стройный молодой человек, неся с собой гитару и стул.

Он поставил обутую в изящный сапожок ногу на стул, извлек из гитары несколько медленных аккордов, и в зале сразу воцарилось напряженное ожидание. Кэти почувствовала, что Хавьер чуть сильнее сжал ее плечи.

А потом в молчаливом взрыве красок появилась Ла Гитана, во всем великолепии своего традиционного для фламенко черно-красного платья, с алой гвоздикой в блестящих черных волосах и удивительно белой кожей на выразительном лице.

Откинув голову, она подняла правую руку, согнула ее перед собой и короткими быстрыми

шагами, выгнув спину, обошла вокруг гитариста. Гитара запела.

И Кэти застыла, очарованная то страстной, то печальной, но всегда утонченной мелодией, неприкрытой чувственностью движений Л а Гитаны, стуком кастаньет, ритмичным притопыванием ее каблучков, ее восхитительной интерпретацией танца. Все вместе это создавало сильное впечатление и брало за душу.

Когда представление подошло к концу, Хавьер сжал ее плечи еще сильнее и, нагнувшись к ней, почти прижавшись губами к ее уху, прошептал взволнованно:

— Вот как надо это танцевать!

На короткий момент Кэти позволила себе роскошь откинуться назад, и ее голова поднялась так, что пылающий жаром лоб коснулся его прохладных чувственных губ. Он тоже был захвачен представлением, хотя для него фламенко, конечно же, был не в диковину.

Но для нее короткое время танца как бы растянулось, ощущение ритма не отпускало. Кэти казалось, что она поняла самую суть души этого плодородного, дикого, полного страсти края. И она бездумно, инстинктивно подчинилась рукам Хавьера, когда он легонько поднял ее и, проведя по гладкому холодному мрамору пола, вывел на веранду.

Стоило им оказаться за пределами sala grande, как их обнял мягкий ночной воздух, в котором иссушающая жара уступила место легкой дымке, предвестнице обильной утренней росы, необходимой для винограда.

Он провел ее по выложенной каменными плитами веранде, потом вниз, по пологим ступеням лестницы, стараясь идти шаг в шаг, чтобы бедро касалось бедра как бы в медленном, чувственном танце. Сильной рукой он обхватил ее тонкую талию, по-хозяйски положив ладонь на теплую округлость ее бедра.

— Вам понравилось?

В ночной тишине его голос звучал глухо, сильнее, чем обычно, слышался акцент, и оттого все казалось еще менее реальным, точно в сказке. Кэти честно ответила:

— Я почувствовала какое-то освобождение от всего.

— А-а-а... Значит, вы почувствовали прилив страсти? Так часто бывает, особенно когда танцуют лучшие исполнители фламенко.

Хавьер вел ее по заросшей травой тропинке, обсаженной по бокам чудесно пахнущими олеандрами, за которыми возвышались серебристые стволы эвкалиптов.

Их шаги замедлились, и наконец они совсем остановились, как будто угадали мысли друг друга. В мягкой, таинственной темноте он потянулся к ней, одна его рука гладила бледное серебро ее волос, другая легонько коснулась подбородка, поднимая ее лицо.

Как только Элен могла не любить его? — подумала она, и губы у нее задрожали. Как она могла хотеть от него только какие-то тряпки, машины, что там еще? Ее красота, молодость и очарование легко смогли бы перевести его чисто плотскую страсть к ней в настоящую любовь. А быть любимой таким человеком, как он...

В бездонных фиолетовых глазах засверкали слезы, в которых, как в зеркале, отразились

мерцающие звезды тихого ночного неба. Пальцы Хавьера погрузились в ее шелковистые волосы, обхватили голову. Его чувственные губы накрыли сначала одно веко, потом другое, легко, как летний ветерок, пробежались по ее лицу, замерев на один мучительный миг в уголке ее рта, потом переместились в другой, коснувшись по пути впадинки на чуть коротковатой верхней губе. А потом отодвинулись, оставив только воспоминание о его теплом, спокойном дыхании.

Она же дышала быстро и неровно, руки ее сами нашли путь под гладкую ткань его смокинга, прижались к рубашке, облегающей его великолепное тело.

Сегодня вечером оно было полно жизненных сил и тем не менее прекрасно контролировалось своим хозяином. Его обаяние, то внимание, которое он оказывал ей как искренне влюбленный человек, околдовали ее. А фламенко добавил к этой магии заключительный страстный штрих, и теперь она неспособна была думать ни о чем ином, кроме этих объятий, этого краткого отрезка времени, пока она вместе с человеком, которого любит.

— Кэти *mia!* — Голос у него стал какой-то странный. Ладонями она чувствовала, что он весь дрожит, через секунду его руки обвились вокруг нее, и она ощутила тепло его тела.

Кэти чуть не застонала от наслаждения, и звук этот замер у нее на губах, когда он приник к ним. Она ответила ему с такой страстью, какой даже и не подозревала в себе, а ее руки в это время гладили его голову, пальцы зарывались в блестящий черный шелк его волос.

Она чувствовала себя полностью раскованной, какой-то даже бесстрашной и ничуть не стыдилась этого, как прежде. Да и как она могла? Любовь не знает стыда, не знает никаких условностей. Сожаление иногда приходит потом, но в тот миг, под андалузскими звездами, под легкой дымкой тумана, окутавшей их, для Кэти не существовало ничего, кроме этого единственного человека и принадлежащего только им двоим порыва.

Сейчас, на это бесконечно длящееся мгновение, которое вечно будет жить в моей памяти, он принадлежит только мне! — с ликованием подумала она, когда его дыхание замерло в нежной, теплой ямочке между ее ключицами, а руки спустили с плеч шелковистую ткань ее платья, обнажив напрягшиеся груди, гордо приглашавшие и ждавшие ласки его губ.

— *Carino...* — хрипло простонал он, наклоня голову ниже, без слов принимая приглашение и жадно приникая к этим манящим полушариям, заставляя ее дугой выгибать спину и откидывать голову назад. Он что-то шептал на своем языке. Кэти не понимала ни слова, зато явственно ощущала его страсть, его желание, так совпадавшее с ее собственным. От такого желания можно умереть, если не утолишь его. Он поднял ее на руки и быстрыми шагами понес куда-то в темноту.

Кэти приникла к нему, ничуть не волнуясь, куда он ее несет. Она нашла губами твердую линию его подбородка, чувствуя уже успевшую отрасти колючую щетину, и дразняще прикусывала его, пока он не наклонил голову и не прижался ртом к ее губам, завладев ими, давая ей понять, что он сейчас чувствует.

Еще несколько шагов — и они оказались перед садовым домиком, окруженным кустами цветущих роз, источавших в ночь свой экзотический аромат. Медленно, как большая кошка, он перенес ее через порог и опустил на ноги, дав ее телу скользнуть по всей длине его собственного тела. Голос у него был напряженным, хотя он и старался это скрыть:

— Ты знаешь, что произойдет, когда я закрою эту дверь за нами. Если хочешь уйти, скажи об этом прямо сейчас. Я не могу обещать, что сдержусь, если мы зайдем еще хоть чуть-чуть

дальше, а потом ты вдруг решишь все прекратить.

Света звезд было вполне достаточно, чтобы разглядеть закаменевшие черты его лица, жесткую складку у рта, и она вспомнила всю ту боль, что причинила ему Элен. Но она никогда не любила его, она любила только богатство.

Да, Элен была большим избалованным ребенком. А я люблю его! И теперь я знаю, что могу быть не только нежной и преданной, я способна на самую пылкую страсть, я могу дать ему то, чего он хочет... Тихо, но твердо, чтобы у него не возникло никаких сомнений, она ответила:

— Закрой дверь.

Подняв руку, чтобы коснуться его лица, она почувствовала, как оно смягчилось, как с него сошло напряжение, и увидела озорной блеск в его глазах. Он осторожно прикрыл дверь и, проведя ее в темноте к широкому мягкому дивану, уложил. Ловкие, проворные пальцы быстро освободили ее от платья, и прикосновения к ее обнаженному телу были в одинаковой степени полны благоговения и желаний, он что-то говорил ей на своем языке, она ничего не понимала, но знала, что память об этой ночи останется с ней до конца жизни.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кэти не удалось вздремнуть и двух часов, как закричал Хуан, требуя есть. Выбравшись из смятой постели, она накинула халат прямо на голое тело и, волоча ноги, побрела в детскую.

Перед глазами у нее все еще стояли воспоминания о ночи, проведенной с Хавьером, и о том, как они уже на рассвете неохотно покидали садовый домик. Ей пришлось несколько раз моргнуть, чтобы сконцентрировать свое внимание на ребенке.

Полнощекое личико заулыбалась, стоило ему увидеть ее, о реве тут же было забыто. Он протянул ей навстречу свои ручки, и она вынула его из кровати, нежно прижала к груди и несколько раз легко поцеловала в покрытую легкими, как пух, волосиками головенку.

Интересно, сколько просидела с ним Роза, до того как ушла к себе? Специальная сигнальная система, оборудованная на случай, если ребенок неожиданно проснется среди ночи, была переключена на комнату девушки, Кэти заметила это сразу, как только вернулась.

А что, если он ночью просыпался — в два, в три или даже в четыре часа утра — и Роза вставала, спешила по коридору к нему, заметив, конечно, мое отсутствие?

Стыд и чувство вины тихо копошились где-то в уголке ее сознания, но она отогнала от себя эти мысли и, пока укладывала Хуана назад в кровать и кипятила воду для приготовления молочной смеси, беззаботно болтала с ним, отказываясь думать о чем-нибудь ином, кроме этих сиюминутных задач.

Однако, когда ребенок наелся и уютно устроился у нее на руках, она уже не смогла противостоять безжалостному самобичеванию.

Прошлой ночью она была как околдованная, превратилась в бездумную куклу в руках Хавьера, даже не задумываясь о том, как другие могут истолковать их отсутствие на заключительной части приема, устроенного доньей Луисой в ее честь.

А Хавьер? Не была ли эта ночь последней попыткой доказать, что я просто шлюха, готовая переспать с кем угодно, и посему явно не подхожу для того, чтобы вырастить из его

племянника достойного человека?

Я не могу думать такое о нем, просто не могу! Или не хочешь, напомнил ей отвратительно холодный внутренний голос. Ты просто боишься взглянуть правде в лицо: каким он был вчера — то нежным, то похожим на вулкан страсти, то заботливым, то нетерпеливым, — это всего лишь заранее рассчитанная ловушка. Ты лгала ему — и он никогда не простит тебе этого. Ты влюбилась в него — и сама никогда себе этого не простишь. Она все глубже и глубже погружалась в его же самой придуманную трясиину, выбраться из которой было не так-то просто. Даже невозможно. Она слишком во всем этом запуталась, чтобы обстоятельно все продумать, и безнадежно желала лишь одного: оказаться с ребенком за миллион световых лет отсюда.

Но когда он появился в дверях, Кэти моментально ощутила себя влюбленной школьницей, в смущении боящейся поднять на него глаза.

Если бы я только знала, что происходит у него в голове, что он обо мне думает! Считает меня просто шлюхой? Ну что же, я сделала немало, чтобы подтвердить репутацию Корди, разве не так?

— Мне надо поговорить с тобой. — Голос его звучал устало, и сам он выглядел не лучше. Но он улыбнулся Хуану, взял его из ее рук и поднял высоко над головой. А когда малыш заверещал от удовольствия, Хавьер широко улыбнулся. — К сожалению, мне надо уехать по делам. Это может занять неделю, а то и все десять дней, заранее сказать невозможно.

Кэти поднялась, поставив пустую бутылочку рядом со стерилизатором и не зная, что делать дальше. Я должна прыгать от радости, потому что какое-то время его не будет и я смогу спокойно вздохнуть, разобраться в своих мыслях и решить, что делать дальше. Признаться во всем и уйти навсегда, оставив ребенка здесь? Он никогда не будет испытывать недостатка ни в чем — ни в духовном, ни в материальном смысле. Но могу ли я пойти на такую жертву?

И надо ли что-нибудь сказать о прошлой ночи? Может, сделать вид, что ничего особенного не произошло, что такое случается время от времени, когда приходит соответствующее настроение и попадается стоящий мужчина? Дать ему понять, что я не придаю этому большого значения?..

— Ты, кажется, не особенно огорчилась. Резкий тон заставил ее взглянуть на него, и у нее оборвалось сердце. Лицо у него этим утром было каким-то особенно строгим, и он казался таким чужим в своем безукоризненном, сшитом на заказ светло-сером костюме и темно-синем галстуке. Хоть это, наверно, и глупо, но Кэти решила, что не позволит ему испортить воспоминания о прошлой ночи. Она выдавила некое подобие улыбки и сказала:

— А что от этого изменится? Если дела требуют, надо ехать. Я не могу предъявлять никаких претензий на твоё время,

Красивые черты его лица слегка смягчились. Кэти никак не могла понять, стал ли причиной этому ее сдержанный ответ, или это реакция на радостное гуканье Хуана, проверявшего на прочность воротник его накрахмаленной белой рубашки.

— Когда мы поженимся, все мое время будет принадлежать только тебе. Ты и Хуан будете для меня превыше всего.

Он отнес ребенка назад, в кроватку, и вложил в его растопыренные пальчики резиновое кольцо, которое тот сразу же принялся упоенно жевать. Кэти с трудом перевела дыхание.

Превыше всего? Разве такое может быть? И тут он опять повернулся к ней, положил руки ей на плечи и заставил посмотреть ему в лицо.

— На этот раз я прошу тебя стать моей женой в самом полном смысле этого слова. После того как мы последний раз беседовали на эту тему, я много размышлял. — Хавьер поднял руку, чтобы убраться с ее лба упавшую прядь, и ответил на ее вопросительный взгляд веселым. — Я открыл тебе свое сердце, объяснил, почему не мог поверить, что способен когда-нибудь снова полюбить. Никогда и никому я не признавался в этом. Только тебе. Однако... — и снова ослепил ее озорным блеском глаз, — теперь я вижу, что было бы нечестно и, пожалуй, даже небезопасно просить тебя жить жизнью монашенки. А если уж быть до конца откровенным, мне начинает нравиться идея обзавестись собственными детьми, ведь ты упомянула, что хочешь иметь их. Прошлая ночь доказала, что мы как нельзя лучше подходим для этого, да и друг для друга. И не надо так краснеть...

Он медленно и нежно поцеловал ее, а Кэти стояла как оглушенная, не в силах шевельнуться или вымолвить слово, и могла только смотреть на него широко открытыми глазами, чувствуя, что у нее подгибаются колени.

— Я надеюсь на положительный ответ, когда вернусь. Или, может быть, я получу его прямо сейчас?

Кэти опустила глаза под его испытующим взглядом, не в силах что-либо ответить, не в силах даже просто думать, вся объятая одним желанием — броситься ему на грудь. Но такой необдуманный поступок мог иметь далеко идущие последствия, и она от всей души обрадовалась, когда он, на прощанье склонив голову, медленно пошел к двери.

— Похоже, что нет. Твое упрямство одновременно и смешит, и злит меня. Но через десять дней, не больше, я намерен получить ответ. И я отказываюсь слышать что-либо иное, кроме ?да?! — Его прощальная улыбка была откровенной, полной ослепительной уверенности, от которой она содрогнулась до глубины души.

Он так уверен во мне, в моем согласии, особенно после того, как я откровенно ответила на его любовь, что не видит никаких препятствий в достижении своей цели: чтобы Хуан стал полноправным членом семьи под его неусыпной опекой, а я всегда ждала его в постели, как довесок, от которого нельзя отказаться.

Но он не знает, не может знать, что, когда я скажу ему правду, он вообще не захочет терпеть меня рядом с собой. Он никогда не простит, что его обманом заставили жениться. Его испанская гордость просто не допустит этого.

Женщина уже сделала один раз из него дурака. Он воспримет мое вранье как очередную попытку, и его гнев и отвращение будут ужасными. Он многое может простить. Но только не это.

— Не хотите пойти погулять? — спросила Роза, входя в залитую солнцем детскую. И, встретив отсутствующий взгляд Кэти, добавила: — Вот уже неделю вы шага не сделали из дому. И совсем забросили свои этюды, а ведь они у вас так хорошо получаются!

— Не ворчи, Роза, — вяло откликнулась Кэти, хотя девушка была права: последние семь дней она все время проводила у себя в комнате или в детской, выходя только к завтраку, обеду и ужину. И лишь иногда катала Хуана в коляске по аллеям, стараясь держаться как можно дальше от садового домика. Все это время она обдумывала ситуацию и пришла к

окончательному — отрицательному — решению относительно нового предложения Хавьера о браке. Слава Богу, что он не объявил о свадьбе никому, кроме своей матери.

Ее изоляции от всех помогало и то, что донья Луиса неожиданно простудилась и не хотела общаться с ней или заходить в детскую, пока не уверится, что никого не заразит.

— Кто-то же должен ворчать, — возразила Роза, глядя, как Кэти укладывает Хуана в кровать для утреннего сна. — Может быть, вы истосковались по дону Хавьеру, но ему наверняка не понравится, что вы стали такая бледная.

Эта фраза и недвусмысленный намек достигли своей цели. Роза была умна и вполне могла сделать собственные выводы из того факта, что мать ребенка Франсиско привезли в Испанию, где, судя по всему, ей предстояло задержаться надолго, а также из того, что они с Хавьером исчезли в вечер приема и вернулись в дом только в четыре часа утра.

Ах, Роза, если б только ты знала! — подумала Кэти, чувствуя себя несчастной.

— Пожалуй, мне и правда стоит куда-нибудь выбраться, — пробормотала она. — Донья Луиса оправилась от своей простуды. За завтраком она сказала мне, что хочет весь день провести с Хуаном.

Роза не торопясь прибирала в детской, но, увидев, что Кэти направляется к своей спальне, бросила работу и последовала за ней.

— Мы ждем возвращения дона Хавьера через пару дней. Мне так хочется, чтобы вы сделали прическу! Здесь, совсем рядом, есть очень хороший салон...

— Нет, я лучше поеду на эскизы, — быстро прервала ее Кэти, хотя рисовать совсем не хотелось, весь энтузиазм испарился в ожидании надвигающегося с каждым мгновением возвращения Хавьера. В то же время прихорашиваться, подтверждая тем самым догадки Розы, и вовсе было глупо. — Я, пожалуй, съезжу в Кадис, — заявила Кэти. Она читала, что это очень необычный, экзотический город, к тому же довольно далеко от Хереса. Если Хавьер вернется еще сегодня, подумала она, меня не окажется дома, и он поймет, что его ждет отказ. — Как я понимаю, туда можно добраться поездом? Надеюсь, вы не откажетесь присмотреть за Хуаном?

— Ну конечно же, вы прекрасно это знаете, — улыбнулась Роза. — А морем не хотите поехать? Так проще, — добавила она. — Я закажу вам такси, вас отвезут в Пуэрто-де-Санта-Мария, и там вы сядете на вагон до Кадиса. А если вам не понравится морское путешествие, оттуда легко вернуться в Херес поездом.

Часом позже Кэти, вооруженная мольбертом, фотоаппаратом, записной книжкой и всем необходимым для рисования, одетая в один из тех нарядов, что ей презентовала донья Луиса, уже подставила лицо легкому бризу, дувшему с Атлантики, а крепкое суденышко неторопливо пытело, двигаясь вниз по реке Гуаделате навстречу открытым водам Кадисского залива.

На несколько часов надо забыть все свои заботы, велела она себе. Если я этого не сделаю, то к приезду Хавьера стану просто истеричкой.

Вся неделя, потраченная на то, чтобы принять окончательное решение, вернула ее к началу — к полной неразберихе, к сознанию, что она хочет стать его женой больше всего на свете, но не может ответить ему согласием. Выдавать себя за другого человека трудно, а выйти замуж — просто невозможно. Стоит ему узнать правду, он преспокойно вымажет самозванку дегтем, предназначенным для ее сестры, и осуществит то, чего хотел с самого начала, — получит

законную опеку над сыном своего брата.

Вот почему Кэти заставила себя выбросить все мысли о Хавьере из головы и огляделась вокруг. Открытая верхняя палуба корабля была переполнена людьми, почти все места на деревянных скамьях были заняты оживленно переговаривающимися женщинами, стариками, погруженными в свои собственные мысли, и кучкой немецких туристов с распухшими рюкзаками за спиной.

Все были оживленные и довольные, Кэти тоже постаралась отбросить жалость к самой себе и подарила испанцу, подошедшему собрать сколько-то там песет за проезд, широкую улыбку.

Они с пыхтением обогнали трехмачтовую рыбацкую шхуну, затем миновали устье реки, где маячили останки какого-то изъеденного ржавчиной судна и полузатонувшие обломки еще непонятно чего, и вышли в залив, берега которого были заняты пляжами и еле видимыми в легкой дымке высокими белыми домами. Вдали, на перешейке, замыкавшем Кадисскую бухту, Кэти разглядела сам город и стала вытаскивать из сумки фотоаппарат. Подняв голову, она чуть не отпрянула: огромное грузовое судно стояло перед ней, как стена, неожиданно появившись из дымки, скрывающей причалы.

Теперь она с интересом разглядывала сверкающие круизные лайнеры, три маленьких буксира, выведившие из гавани какое-то торговое судно, рыбацкие лодки, борющиеся с волнами, и все это на фоне высоченных портовых кранов, белых, современной архитектуры офисов и раскидистых пальм. Сойдя с парома, Кэти пересекла какую-то оживленную улицу позади доков, уселась за столик маленького симпатичного бара и сказала официанту:

— Uno cafe solo, por favor.

Последний раз она так же сидела за столиком перед кафе в Хересе. С Хавьером. И он был вне себя от злости, потому что она отказалась принять его предложение о формальном браке. Тогда отказаться было просто, и она сделала это сразу, не задумываясь. Но его последнее предложение... Кэти допила кофе и бездумно побрела в город, потрясенная обилием солнца и царившим повсюду белым цветом. Иногда она выходила на каменную набережную и любовалась блеском волн, играющих в подернутой легкой дымкой дали, иногда оказывалась в лабиринте узких улочек, где балконы почти соприкасались у нее над головой. Она знала, что этот город считается одним из древнейших в Европе, и его атмосфера напоминает о богатых купцах, выдающихся ученых, роскошных куртизанках, путешествующих королях с огромными свитами, что, собственно, и сделало его одним из самых великолепных и космополитичных городов на этом побережье.

Ей было жарко, она устала и проголодалась. Пора было уже найти дорогу назад к пристани. За все это время она так и не прикоснулась карандашом к бумаге: ей не терпелось поскорее обежать старый город, посмотреть и то, и это, а главное — удержать свои мысли подальше от Хавьера.

И вот теперь жара доняла ее. Натруженные ноги гудели, цветастая хлопчатобумажная юбка и свободная, без рукавов черная кофта липли к разгоряченному телу, а длинные белокурые волосы были спутаны ветром, дувшим с моря.

Кэти нахмурилась, убирая с лица раздражавшую ее массу волос, и тут из здания банка напротив вышел Хавьер.

Время остановилось, когда она заметила неожиданно вспыхнувшую на его лице широкую улыбку, а в душе пронесся целый калейдоскоп чувств. Он был в легком сером костюме,

безукоризненный покррой которого выгодно подчеркивал его узкие бедра, широкие плечи и длинные ноги. Но помимо идеальных внешних данных в нем было и нечто специфическое, причем такое, что вся она таяла. Кэти засияла навстречу ему улыбкой, почувствовав, как всю ее охватила волна возбуждения, пока он быстрыми шагами уменьшал разделявшее их расстояние.

— Что ты здесь делаешь? — заговорили они одновременно.

Хавьер лукаво склонил голову набок, в уголках его глаз залегли веселые морщинки.

— Ответь сначала ты.

— Ах... Я тут на эскизах, — ответила Кэти, едва дыша и удивляясь про себя, почему тот момент, которого она так ужасно боялась всю неделю, оказался вдруг просто восхитительным. Только теперь она поняла, как отчаянно скучала без него. Он взял ее за руку.

— Я так ждал встречи с тобой!

— А что ты тут делаешь? — быстро спросила она, вцепившись в его руку так, будто от этого зависела ее жизнь.

— У меня здесь были кое-какие дела, я решил покончить с ними на обратном пути в Херес и к тебе, — сказал он, обводя взглядом ее лицо. — У тебя усталый вид. Ты уже обедала?

Кэти покачала головой, вся во власти его обаяния. Она окончательно потеряла почву под ногами, боясь даже подумать о том, что теперь будет.

Как я могу отказаться от него, даже не попытавшись побороться за свое счастье? — вдруг подумала она. Если бы я смогла убедить его выслушать мои объяснения, он понял бы, почему лгала. И, может, даже простил бы?

— Тогда поехали, — сказал Хавьер, подведя ее к припаркованному у тротуара ?мерседесу?.

Казалось, не прошло и минуты, как они уже сидели за столиком на terraza, окруженные вазами с цветами, защищенные от солнца переплетением виноградных лоз над головами, и любовались голубыми водами Атлантики.

— Ensalada ilustrada, за которой последуют lan-gostinos a la plancha, — решил Хавьер, считая ниже своего достоинства заглянуть в меню и предпочитая не сводить глаз с ее лица. Голос его походил на мурлыканье. — Было бы преступлением не попробовать даров моря, сидя на его берегу.

Замечание было достаточно прозаическим, но из-за невероятно сексуального тембра его голоса, дополненного ласковым взглядом, перечень блюд звучал как поэма о любви.

И Кэти откликнулась на его призыв; она любила его, она желала его и вся таяла, ощущая взаимность. Сделав медленный глоток охлажденной ?Manzanilla?, она разрешила себе насладиться хотя бы часом нежданного счастья и начать беспокоиться, только когда уклониться от проблем станет невозможно.

— Ты начинаешь потихонечку расслабляться. Это хорошо, — одобрил он, трудясь над хрустящим у него на зубах салатом. — Интересно, что причиной тому: мое присутствие или вино?

Его взгляд, улыбка на губах ясно говорили ей, что он уверен, вино здесь ни при чем, поэтому, сверкнув на него глазами, она сказала:

— Я всегда знала, что не смогу жить без ?Manzanilla?, — и, поднеся напиток к губам, отхлебнула чуть-чуть, поддразнивая его.

Он проворчал в ответ:

— Ах ты, хитрая кошка! Когда мы будем одни, я тебя за это проучу.

Сердце у нее чуть не выскочило из груди, по жилам прокатился огонь. Она испугалась: всего несколькими словами, особым выражением горящих глаз он может запросто довести ее до того, что она обогнет столик, удобно устроится на его обтянутых элегантными брюками коленях, обхватит его за шею и притянет его чувственный рот к своим губам...

Я выпустила на свободу тигра, сказала себе она. Флиртовать с ним подобным образом — значит играть с огнем и умереть от ожогов третьей степени. Но, черт возьми, игра стоит свеч! Затуманенным любовью взором она смотрела, как его длинные пальцы умело расправились с королевской криветкой. Потом он поднес угощение к ее рту, и губы ее мягко раздвинулись, а зубы откусили ровно половину.

Не обращая внимания на других посетителей, Хавьер нагнулся над столом, отправил вторую часть криветки в собственный рот и приник губами к губам Кэти.

От взрыва восторга и жгучего желания она вцепилась в его ладони, лежавшие на снежно-белой скатерти. А он по-хозяйски переплел свои пальцы с ее пальцами и спросил, не отрывая от нее губ:

— Ты выйдешь за меня?

— Да! — выдохнула она, ничуть не жалея о вырвавшемся слове. Тело жаждало его любви, а в голове не осталось ни единой мысли. В ней больше не было ни сожалений, ни предчувствий, ни угрызений совести — ничего, кроме горячей любви.

— Хорошо. Это очень хорошо. — Он опять легко прикоснулся к ее губам и отодвинулся, откинулся на спинку кресла. В глазах его плясали чертики. — После той ночи, что мы провели вместе, я был уверен, что мы смотрим на все одними глазами. К сожалению... — его плечи поднялись в полном фатализма жесте, — пришлось дать тебе время хорошенько соскучиться, чтобы из тебя вышло все твое упрямство. — Он внезапно улыбнулся ей и сразу стал похож на большого пушистого кота. — Последние семь дней я провел в страданиях, и, как выяснилось, из-за ничего!

Страдал ли он так, как страдала я? — с горечью подумала Кэти. Нет, это невозможно. Просто невозможно. Я только что согласилась стать его женой, и, естественно, он считает себя обязанным сделать парочку комплиментов. Если бы я твердо отказалась, он просто списал бы всю идею в убитки и вернулся к первоначальному плану, приведя все свои угрозы в действие. За его спиной все богатство семьи Кампусано, а деньги всегда притягивают власть. Особенно когда их более чем достаточно... Перестань! — одернула она себя, не позволяя черным мыслям омрачить единственный светлый час.

Ей хотелось наслаждаться моментом, наслаждаться прекрасной едой, вином, ароматом цветов, ласковым шепотом сверкающего моря и легким ветерком, пробивающимся сквозь листья винограда. Хотелось купаться в отданном ей одной внимании, целиком отдаться своей любви к

нему. Она была как ребенок, который держит на ладони снежинку, любясь ее превосходной симметрией, хотя знает, что через секунду вся эта красота превратится просто в капельку воды.

Когда подали кофе, Хавьер, извинившись, встал и проговорил:

— Я всего на минуточку, enamorada . Потом я отвезу тебя домой.

И, глядя, как он уходит, лавируя между столиками, Кэти почувствовала, что у нее напряглось все тело, а глаза расширились от мгновенно вспыхнувшего ужаса. Что я наделала? О Господи, что же я наделала?

Всю прошлую неделю она мучилась над проблемой, как ей быть, и наконец решила: я должна все ему рассказать, объяснить, почему лгала, и потом, только потом, спросить, хочет ли он по-прежнему взять меня в жены. И если — каким-нибудь чудом — он все-таки этого захочет, нас ждет впереди чудесное будущее. Он не любит меня, я знаю. Он считает, что не способен больше полюбить никого. Но я разбудила в нем страсть, и к тому же он хочет усыновить сына Франсиско. Может быть, благодаря всему этому он когда-нибудь полюбит меня?

Хавьер вернулся очень довольный собой. Кэти допила кофе, стараясь спрятаться за чашкой. Осталась последняя возможность открыть ему всю правду — во время возвращения в Херес. Это последняя возможность, сказала она себе. Нельзя позволить ему сделать объявление о свадьбе без этого. Если я буду и дальше скрывать, кто я такая, он почувствует себя загнанным в ловушку. И будет абсолютно прав.

Она никак не могла набраться храбрости, чтобы начать разговор, найти подходящий момент и прервать беззаботную болтовню, которой он ублажал ее всю дорогу назад, в Херес.

— Ты какая-то притихшая, querida. — В быстром взгляде, брошенном на нее, читалось беспокойство, и Кэти поспешила отвести глаза, разглядывая пробежавший мимо пейзаж.

— Это все из-за жары, — попыталась она найти отговорку. — Не говоря уже о выпитом хересе. — Машина была оборудована кондиционером, и за весь обед она выпила лишь бокал вина. А для того, чтобы опьянеть, ей было достаточно его общества. Она быстро переменяла тему разговора: — Как же мне нравятся ваши дикие цветы! — Ей были знакомы всего лишь фиолетовый ирис, барвинок, метелки дикого ячменя и пурпурные колокольчики, названия которых она не знала. Голос у нее стал высоким и тонким: — В Англии ни за что не найти столько диких цветов. Все поливают гербицидами, а фермеры...

— Ты нервничаешь, — оборвал он ее. — Вот это уж совсем ни к чему. Как моя жена ты будешь принята абсолютно всеми, в обществе тебя будут уважать и любить. — Голос его звучал со всей возможной надменностью и высокомерием, как будто тот несчастный, что осмелится поставить под вопрос его выбор жены, горько пожалеет об этом.

Кэти сморгнула непрошеную слезу. Я его так люблю. И вот теперь наверняка потеряю. Пора во всем признаться. Прямо сейчас.

И вдруг он предоставил ей спасительную отсрочку:

— Из ресторана я позвонил матери и сообщил, что встретил тебя здесь и что мы пару дней проведем в finca. Нам нужно побыть хоть немного вдвоем, прежде чем мы окунемся в весь этот счастливый хаос приготовлений к свадьбе. Тогда у нас вряд ли будет время, чтобы перекинуться хоть парой слов, не говоря уже о чем-нибудь ином.

Она повернула голову, встретила на мгновение его теплый взгляд, прежде чем он опять перевел его на дорогу, и поняла, что он заметил, как порозовело ее лицо при упоминании о ?чем-нибудь ином?.

Мучившее Кэти напряжение неожиданно отпустило ее. В фипса, где мы будем вдвоем, мне хватит времени, чтобы попытаться объяснить ему все. Он ведь простит меня!

Она плохо представляла, что с ней будет, если он этого не сделает, и как она переживет угрозу навсегда потерять Хуана.

Позже, сидя за овальным столом в просторной столовой загородной усадьбы за роскошным ужином, Кэти могла только благодарить судьбу, приведшую Хавьера к решению побыть с ней здесь. Он был удивительно нежен и предупредителен, проводил ее в ту же комнату, где она жила раньше, попросил отдохнуть, принять душ и никуда не торопиться, потому что у них целый вечер впереди, а потом еще два дня.

Через несколько секунд он вернулся, неся в руках шелковый халат.

— Это мой. У тебя же здесь ничего нет, не во что даже переодеться. Оставь свою одежду Паките, чтобы она ее постирала, и надевай это.

Кэти взяла халат, который он протянул ей. Скольжение, шелест прекрасного шелка. Она почувствовала, как вся покраснела, когда Хавьер, уходя, озорно подмигнул и добавил:

— Не думаю, что он тебе успеет надоест, *querida*. Я велел Паките приготовить ужин и идти домой. Так что вся ночь будет наша.

Сердце Кэти забило как сумасшедшее, потому что его взгляд яснее ясного говорил, что он уже считает ее своей женой. Надо было сказать ему все, и сказать как можно скорее.

И он предоставил ей такую возможность после ужина. Вместо того чтобы заключить ее в свои объятия, он вдруг тихо сказал:

— Когда мужчина и женщина связывают себя брачным обетом, между ними не должно оставаться тайн, *querida*. Я открыл тебе свое прошлое, рассказал во всех подробностях о своей неудачной женитьбе на Элен. А ты не хочешь поделиться со мной? Все должно быть по-честному, как ты считаешь? — Хавьер откинулся на спинку кресла и затенил глаза густыми ресницами.

Все складывается как нельзя удачнее, подумала Кэти на волне мучительной любви к нему. Это идеальная возможность расставить все точки над ?i?.

Она повертела в руках бокал, собираясь с духом. Да, он был со мной честен, рассказал всю правду о своем первом браке, не скрывал, что никогда не сможет больше полюбить ни одну женщину, что считает любовь всего лишь фантазией, камуфляжем для обычного животного желания. Значит, имея за плечами отравивший все его существование печальный опыт, он специально решил соблазнить меня в день того достопамятного приема, чтобы убедиться, что я не еще одна Элен — обещание без исполнения.

Ну что же, мне придется рассказать ему о Дональде, даже если после этого он поймет, что я испытываю к нему. Так я проторю дорожку и к остальному, к более сложным признаниям.

Кэти глубоко вздохнула, подняла голову и встретила его испытующий взгляд, смягченный

ободряющей улыбкой на чувственных губах.

— Когда-то я была уверена, что влюбилась, — начала она тихо, стараясь понять, как он воспримет это. Из того, что она знала о его надменной гордости, она вполне допускала, что он относится к тому типу мужчин, которые желают, чтобы их невеста была невинна, и отказываются от бывших в употреблении. Но он сам подчеркнул, что между нами все должно быть по-честному. — Мы вместе учились, еще много лет назад, — продолжала она, — и думали, что полюбили друг друга. Но когда стали любовниками, я оказалась фригидной, близость с ним ничего мне не давала. — Она вспомнила поспешные, неумелые объятия в темноте и ощущение стыда оттого, что тобою просто попользовались. Похоже, у Дональда были точно такие же чувства, если судить по тому, что он избегал ее взгляда следующим утром. — Вскоре мы поняли, что наши отношения не приведут ни к чему хорошему, но оставались друзьями до тех пор, пока он не уехал работать куда-то на север. Вот и все.

Чтобы примириться со своим провалом, ей потребовалось несколько лет. Она стала осторожной с мужчинами и даже привередливой, боясь повторить свою ошибку. А тут еще умерла мать, и пришлось взять руководство семьей в свои руки. Так постепенно Кэти привыкла к тому, что одинока.

Она прикусила пухлую нижнюю губу. Догадался ли он, что я не та, за кого себя выдаю, или еще нет? Я почти в открытую сказала, что Дональд был единственным мужчиной в моей жизни, и приоткрыла ему дверь к правде. Если он считает, что я мать сына Франсиско, и исходя из этого, решил взять меня в жены для блага ребенка — это одно. Если же он знает, что у меня не больше прав на Хуана, чем у него самого, и все-таки хочет жениться на давно утратившей невинность женщине — это совсем другое.

— Со мной ты выяснила, что совсем не фригидна. Мы оба были... как бы это сказать... взрывоопасными. — Его глаза сверкнули, как будто ожили воспоминания о той ночи, и она вздрогнула, тоже все вспомнив. И тут одна его бровь поползла вверх. — Но разве это все твои секреты?

Нет, не все. Теперь она почему-то была уверена, что он терпеливо выслушает ее и приговор не будет таким уж суровым. Она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, и открыла было рот, но тут зазвенел входной звонок.

Нахмурившись и недовольно пожав плечами, Хавьер вышел из комнаты, всем своим видом показывая, что тому, кому пришло в голову побеспокоить их в столь неподходящий момент, явно не поздоровится.

У Кэти было такое чувство, что все пропало. Она нутром чувствовала, что лучшего момента для исповеди уже не найти. Но Хавьер настоял, чтобы Пакита и Томас взяли на этот вечер выходной, и они уже давно ушли к себе домой, так что ему самому пришлось встречать незваного гостя.

Кэти усмехнулась своему невезению, встала из-за стола и принялась собирать грязные тарелки. Посетитель, кем бы он ни оказался, будет долго удивляться той скорости, с какой вылетит отсюда.

Но она ошиблась. А насколько — поняла только тогда, когда увидела стоящую в дверях Корди с легкой улыбкой на умело накрашенном красивом лице. Голос ее был сладок, как патока:

— Дорогая! Я приехала сразу, как только получила твое письмо. Бросила все и примчалась. Я понадобилась тебе и моему ребенку, и вот я здесь!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Он весьма импозантен! — Корди плюхнулась на кровать и запустила пальцы в роскошную гриву белокурых волос. — Почему ты не написала мне раньше? — спросила она, наклонив голову и строго посмотрев на Кэти своими голубыми глазами. — Я и не подозревала, что с Франсиско что-то случилось. Ты должна была сообщить мне сразу же, как только узнала.

— Я не думала, что тебе это будет интересно, — мрачно ответила Кэти. — Ты была увлечена своей новой голливудской карьерой. Что там, кстати, с ней? — На самом деле Кэти просто хотела держать свою сестру подальше от всего этого, чтобы не сорвать процедуру усыновления, на которую Корди уже давно дала свое безоговорочное согласие.

Корди беспечно махнула рукой. Романтический ореол кинозвезды явно отступил на второй план перед теми преимуществами, которые дало бы ей вхождение в семью Кампусано. Она мечтала об этом еще с тех пор, когда узнала, что беременна, с горечью вспомнила Кэти, метнув на свою сестру раздраженный взгляд. И почему ей надо было появиться в самый ответственный момент?

Еще немного, и она рассказала бы Хавьеру правду, и между ними все так или иначе решилось бы. Из-за того, что Корди решила не дожидаться их дома в Хересе и, обескуражив своим появлением бедную донью Луису, выпытала, где они находятся, все пропало. Хавьер презирал ее. Она видела это по его глазам.

— Тем не менее, как говорится, все хорошо, что хорошо кончается, — безмятежно улыбнулась Корди, расстегивая пуговицы на своем прекрасно сшитом ядовито-желтом жакете с короткими рукавами и небрежно бросая его на ковер. Она осталась в плотной белой юбке и тонкой, как паутинка, блузке с глубоким вырезом, представлявшей ее в самом соблазнительном виде. — Я все бросила, как только прочла твое письмо и узнала, что он намерен жениться на матери своего племянника ради умершего брата. Хотя я так и не могу понять, почему ты сказала, что мать Джонни — это ты. Разве что, — ее глаза сузились, — ты собиралась держать это при себе до свадьбы, а потом добиться выгодного развода. — Она встала, расправив юбку. — А он наверняка развелся бы с тобой, едва только узнал, что ты солгала. Он был очень зол, когда я сказала ему, кто я такая.

Она могла бы и не говорить этого. Кэти и так понимала, что стоило ему бросить один взгляд на очаровательное создание, появившееся на пороге его дома, и он сразу понял, что перед ним настоящая фотомодель Корделия Соме, которую он видел вместе со своим братом в Севилье. Его лицо застыло в маске презрения, когда он ввел Корди в столовую и кратко приказал:

— Кэти, вызовите Пакиту и попросите ее приготовить комнату для вашей сестры. — И заметив, что она хочет что-то сказать, добавил с нажимом: — Прямо сейчас, будьте так добры.

Гордо выпрямившись, Кэти вышла из комнаты. Выражение его лица обожгло ее, как крапивой. Я никому не позволю увидеть, как мне больно и тяжело. Я сама постелю для Корди эту чертову постель, решила она. Незачем отрывать Па-киту от телевизора и пихать ее головой вперед в это осиное гнездо...

Отдохнув пять минут, Корди опять вдела ноги в свои ядовито-желтые туфли на высоченных каблуках и проверила, нет ли морщинок на колготках, а Кэти в очередной раз почувствовала себя старомодной и нескладной рядом со своей красивой, элегантной сестрой, особенно когда та пробежала холодным взглядом по халату, который ей одолжил Хавьер.

— Ну что же, все готово ко сну, как я вижу.

Ты ложись, а я пойду разыщу этого великолепного Кампусано, которого ты пыталась утаить от меня. Попрошу его рассказать мне, как тут поживало мое дорогое дитя, пока я вынужденно отсутствовала. Кому-то ведь надо было зарабатывать деньги для нас троих, а тебе эта задача явно не по плечу.

Так, значит, вот как она хочет все представить! — подумала Кэти, впервые в жизни готовая возненавидеть свою сестру. Ей хотелось сорвать с Корди все эти красивые тряпки и напомнить о том, что она никогда не пожертвовала и минутой своего драгоценного времени для крошечного человечка, которого произвела на свет. Верх цинизма — родить ребенка, чтобы заполнить себе место в богатой семье!

Но Кэти знала, что сейчас она слишком возбуждена и если что-нибудь скажет Корди, то глубоко пожалеет об этом потом, когда возьмет себя в руки. Как старшая она должна была предупредить младшую сестру, и потому она проговорила, с трудом ворочая языком:

— Он предложил мне выйти за него замуж только потому, что я не позволила подкупить себя и не дала ему возможности усыновить ребенка. Он хочет, чтобы Джонни — или Хуан, как он зовет его, — стал его наследником, настоящим Кампусано и настоящим испанцем. Он и тебя попытается подкупить.

— Подкупить? — Корди приподняла изящно выщипанную бровь. — Вот уж не думаю. Если тебе потребовалось несколько недель, чтобы довести его до решения жениться — конечно, только ради ребенка, — то мне хватит и нескольких дней. — Она медленно подошла к высокому зеркалу и, глядя на свое отражение, с кошачьей грацией провела руками по своему стройному, гибкому телу и ослепительной улыбкой встретила измученный взгляд Кэти. — Нет, не думаю, что мысль о подкупе придет в его красивую голову. А ты как считаешь?

Еще долго после того, как ушла Корда, Кэти стояла посреди комнаты с закрытыми глазами, стараясь сдержать слезы. Она чувствовала себя марионеткой, безжизненной деревянной куклой. И тот, кто дергал за веревочки, не испытывал к ней никакой любви, никакого сострадания. За несколько коротких мгновений она потеряла все. Хавьер не зря смотрел на меня с презрением, горестно размышляла она. Теперь он уверен, что я нагло дурачила его, когда принимала предложение о замужестве, а сама в это время посмеивалась в рукав. Если бы я успела рассказать ему всю правду, тогда он, может быть, и простил бы меня. Мы бы поженились, я родила бы ему детей, и постепенно он полюбил бы меня... А теперь все пропало! Мне не видать больше ни Хавьера, ни моего дорогого малыша. Теперь Корди не выпустит их из своих когтей.

Маленький Хуан опять стал пешкой в чужой игре. Корди вцепится в него мертвой хваткой, прекрасно понимая, что он служит для нее пропуском в богатую и родовитую семью Кампусано. Но малыш заслуживает гораздо лучшей участи!

И тут у нее из глаз все-таки хлынули слезы, безостановочно покатались по щекам. Она вышла из комнаты, которую приготовила для сестры, и перебралась в свою собственную, отчетливо представляя, как Корди щебечет сейчас с Хавьером, рассказывает, что она, мать этого несчастного ребенка, пусть и с разбитым сердцем, но храбро вернулась к своей прежней карьере: надо было зарабатывать деньги на содержание малыша, которого она оставила в надежных руках своей старшей сестры; во всяком случае, тогда она считала, что в надежных... Корди умеет быть очень убедительной, мрачно думала Кэти, засыпая.

— Просыпайся, хватит прятаться за чужой спиной. Мы проговорили с ним до поздней ночи, и

мне почти удалось убедить его, что ты лгала не из подлости, а просто по глупости, из-за того, что мог расстроиться твой план усыновить Джонни.

Этот хвастливый и преувеличенно веселый тон трудно было переносить, и Кэти уткнулась лицом в подушку. В голове у нее стучало, а глаза по-прежнему были на мокром месте. Ей совсем не хотелось вставать. И лучше всего — никогда.

Она могла себе представить, что Корди наговорила Хавьеру, каким отвращением засверкали его глаза, и лишь воспитанность помогла ему сдержать свой острый как бритва язык, а андалузская гордость — свести вопрос о ее вероломстве просто к шутке.

Кэти почувствовала, как прогнулся матрас, когда Корди села на ее постель.

— Я встала еще засветло, — продолжала Корди. — В данных обстоятельствах я посчитала это необходимым, немного пошныряла по усадьбе и нашла нашего непредсказуемого хозяина. Представь себе, он муштровал лошадь. Господи, он просто великолепен! Сплошное изящество и воплощенное мужское начало. Если ты еще не знаешь этого, его конюшня находится под патронажем Королевской школы верховой езды, а это, судя по всему, дает ему право заниматься разведением чистокровных испанских лошадей. Я почти уверена, что мне удалось уговорить его взять меня с собой на очередное представление — сегодня, по счастью, как раз такое состоится, — а после этого, конечно, на обед. Он сказал, что ему надо отлучиться в город по делам, но заверил меня, что это не надолго. Вот почему я заскочила к тебе поболтать. Потом у меня не будет на это времени, если мы уедем.

— Какое насыщенное у тебя утро! — Резкость в голосе Кэти смягчила подушка, и боковым зрением она увидела, как сестра пожала плечами, стрельнув в нее строгим взглядом.

— Любой интерес к человеку хорошо оплачивается.

Оплачивается... Теперь речь всегда будет идти только об этом. Сколько я помню Корди, та всегда все просчитывала наперед; все, что она делала или говорила, диктовалось материальными интересами. А ее собственные интересы были превыше всего.

Так что сейчас было не время давать выход своим чувствам. Кэти вздрогнула и, все еще уткнувшись в подушку, напряженным голосом проговорила:

— Я думала, что ты захочешь взглянуть на Джонни, а не на лошадей, какое бы чудесное представление они там ни устроили. Ты не видела ребенка уже несколько месяцев.

— Сначала то, что важнее. Тут я никогда не ошибалась, ты это знаешь или уже должна была бы знать. Если Хавьер готов жениться на матери своего племянника, мне не пристало сидеть сложа руки и ждать, когда он по ошибке женится не на той женщине. Кроме того, за ребенком хорошо ухаживают, да и ты, насколько я понимаю, не все время проводишь у его кровати. Так что не будь такой занудой!

За все шесть месяцев Кэти первую ночь спала вдали от малыша, но у нее не было никакой возможности объяснить Корди, почему они с Хавьером оказались здесь, что это была его идея провести пару дней вдвоем, пока их не окружит хоровод счастливых приготовлений к свадьбе.

Она охотно согласилась на это предложение, потому что оно давало ей время рассказать ему всю правду, а ему давало возможность — если таковая потребуется — отказаться от своего предложения, благо никто о нем не знал, кроме доньи Луисы, а та достаточно умна и неболтлива.

— Вы вообще с Хавьером говорили о ребенке? — спросила Кэти и только скрипнула зубами, услышав ответное мурлыканье Корди:

— Нет, а зачем? Твое письмо яснее ясного сказало мне, чего он хочет: получить ребенка своего умершего брата во имя фамильной чести и всего такого прочего. У нас были другие темы для разговора. Я не собиралась сразу брать его за горло, просто рассказала, как я предана своему сыну, как скучала без него, как у меня болело сердце, когда мне пришлось оставить его с тобой, пока я зарабатывала на жизнь.

— Я сейчас тебя ударю! — прохрипела Кэти. — Не притворяйся, что забыла, как бросила его на меня и уехала. Ты же сама предложила мне усыновить его, потому что он тебе не нужен! И не стесняйся, скажи, уж не специально ли ты забеременела, узнав, что Франсиско из богатой и знатной семьи, у которой слишком много чести, чтобы отказываться от незаконнорожденных детей?

Корди перестала разглядывать свои ухоженные руки, ее глаза сузились, пробежав по вспыхнувшему лицу Кэти, и она насмешливо проговорила: — Смотри, как ты изменилась! Еще совсем недавно ты спотыкалась на каждом шагу, и мне приходилось разбираться с твоими проблемами, пока ты смотрела на всех сквозь розовые очки. Помнишь Дональда, твою первую настоящую любовь? Ты и в нем не видела ничего дурного, разве не так? Жалкое было зрелище. — Корди поднялась на ноги, в глазах у нее было презрение. — Ты была нужна ему для постели, а когда он тебя получил, то понял, что овчинка выделки не стоит. Он сам говорил мне это. А еще он не мог поверить, что мы сестры, говорил, что, наверное, мне досталась и твоя доля того, что должно ублажать мужчин. Раз ты уж так хочешь знать, я забеременела не специально. — Она подошла к зеркалу у туалетного столика и, взяв щетку Кэти, начала расчесывать свои белокурые волосы. — Я забыла таблетки дома, когда ехала на ту вечеринку. И если бы не набралась там, ничего бы не случилось. Сначала я хотела сделать аборт, а потом начала прикидывать, как обратить ситуацию себе на пользу. Остальное ты знаешь.

Ничего-то я не знаю! — с горечью подумала Кэти. Я восхищалась своей сестрой, отказавшейся от блестящей карьеры, принявшей трудное решение родить ребенка и воспитывать его одной, даже если его отец не захочет ничего знать о нем. Я предпочитала видеть лучшее, а не худшее. И как столь очаровательное создание может быть таким эгоистичным, нацеленным только на собственную выгоду?!

Неужели Хавьер сразу влюбился в эту искаженную, хотя и более красивую версию меня? Даже осознание того, что Дональд, которого она продолжала считать своим другом и после окончания их короткого романа, так оскорбительно отзывался о ней в разговорах с сестрой, бледнело и уже не имело никакого значения в сравнении с тем, что Хавьер легко вычеркнул ее из своей жизни, переключившись, судя по всему, на Корди.

Правда, он никогда и не говорил, что любит меня, он утверждал, что теперь уже никогда никого не полюбит, что женщина пробуждает в нем только желание и страсть, а сердце остается холодным.

Но неужели все, что между нами было, не затронуло в нем ни одной струны? Он даже не попытался поговорить со мной, узнать, почему я обманывала его. Теперь, когда он знает, что не зависит от меня, я ему не нужна. А Корди станет гораздо более эффектной женой.

Когда Кэтти спустила ноги с постели, чтобы уйти из этой комнаты как можно скорее, Корди подтвердила ее самые мрачные мысли, перестав любоваться своим отражением в зеркале и заявив:

— Господи, как ты ужасно выглядишь! — Голова ее склонилась набок. — Похоже, ты плакала. Только не говори мне, что ты и правда влюбилась в этого роскошного испанца. Неужели ты и в самом деле думала, что сможешь стать его женой и выйти сухой из моря своего вранья?

— Ты все шутишь! — сказала Кэти. Гордость не позволяла ей подтвердить, что она рассчитывала на такое чудо. — Стала бы я писать тебе, если бы у меня был такой план!

— Это хорошо. — На какое-то мгновение глаза Корди потеплели. — Мне было бы неприятно, если бы ты страдала из-за этого. Можешь не верить, но это так. Я многим тебе обязана, и не думай, что я этого не понимаю. Когда мы с Хавьером поженимся, ты всегда будешь желанным гостем в нашем доме. Я же знаю, как много значит для тебя малыш. Так что не расстраивайся, ты сможешь видеть его всегда, когда пожелаешь. Я знаю, ты будешь лучшей тетушкой, о какой может только мечтать любой ребенок.

Несмотря ни на что, глаза Кэти увлажнились, потому что они опять стали сестрами, связанными узами родства и общих забот. Но сразу же, как и следовало ожидать, Корди вернула все на круги своя.

— Ты чувствуешь? У тебя теперь камень с души свалился, если не сказать больше. Подумай над этим, — проговорила она, предостерегающе покачав пальчиком и выходя из комнаты с кошачьей улыбкой на красивом лице.

Приняв душ и надев выстиранную Пакитой одежду, Кэти уже знала, что будет делать дальше. Она была достаточно благоразумна, чтобы выполнить задуманное.

Она всегда была благоразумной, это не раз подчеркивала еще ее мать. Уравновешенной, способной справиться с любой неожиданностью — в общем, человеком, на которого можно опереться. Но сейчас Кэти не находила в себе никаких этих качеств и сама мечтала на кого-нибудь опереться.

В данных обстоятельствах это было абсолютно нереально. Поэтому Кэти расправила плечи и отправилась на поиски сестры.

Та сидела во внутреннем дворике в тени померанцевого дерева, алые цветы которого играли в ярких лучах солнца. Она уже переделалась и выглядела холодно-красивой в сшитом на заказ белом хлопчатобумажном костюме.

— Я нормально выгляжу для участия в этом лошадином мероприятии? Может, стоило надеть что-нибудь более спортивное?

— Ты выглядишь великолепно, и сама это прекрасно знаешь, — мрачно ответила Кэти, присаживаясь рядом с ней, только чтобы попрощаться. — Он уже подтвердил, что возьмет тебя с собой?

Ей было ужасно обидно. Как-то он мимоходом обещал взять ее на представление всемирно известной школы дрессировки лошадей, чтобы посмотреть, ?как танцуют андалузские лошади?. Это одна из тех достопримечательностей, которую ни в коем случае нельзя пропустить, когда приезжаешь в Херес.

— Ну, во всяком случае, он не отверг эту идею, когда я ее предложила, — ответила Корди. — И я уверена, что произвела на него впечатление. Он сказал только, что ему надо съездить в город по делам, но он скоро вернется.

От этих слов Кэти захотелось немедленно вскочить, убежать и где-нибудь спрятаться. Но она должна была увидеть его в последний раз и принять на себя весь этот презрительный гнев, который был на его лице прошлым вечером.

Она беспокойно поерзала на скамейке. Он не захочет даже смотреть на меня! Иначе уже нашел бы время, чтобы отчитать меня. У него для этого было достаточно возможностей. Однако он холодно игнорировал мое существование, проговорив весь вечер с Корди, приняв на веру ее версию событий и планируя провести с ней весь сегодняшний день.

Так что, конечно, ему не нужны мои извинения. Но я просто обязана принести их. Я не смогу жить в мире с самой собой, если не скажу ему, насколько искренне я сожалею о том, что пришлось лгать. Сожалею так, что он не может себе и представить.

Она закрыла глаза. Пряный аромат цветущих гераней смешивался с более сладким, тяжелым благоуханием роз и лилий и почти неуловимыми запахами белой земли, коей обязана была своим ростом виноградная лоза. Горло у нее сжалось: она уже понимала душу этого края, который успела полюбить. Полюбить почти так же сильно, как и человека, ставшего для нее воплощением андалузской гордости и страсти.

На несколько коротких часов она позволила себе поверить в возможность своей жизни здесь — с Хавьером и Хуаном. Она поверила в мечту, а та обернулась кошмаром: гордость и железная воля на одной стороне и ее глупая ложь — на другой. Такая смесь никогда не станет единым целым, поняла она, и ей вдруг стало тревожно за Корди.

Она открыла глаза и глянула на лицо сестры, полное холодного спокойствия, которому противоречил только мысок черной кожаной туфли на высоком каблуке, нетерпеливо постукивавший по земле. И она быстро сказала:

— Не возлагай особых надежд на то, что Хавьер предложит тебе выйти за него замуж. Он весьма невысокого мнения об английских женщинах. А после того, как я обманула его, возможно, он совсем отказался от мысли жениться, хотя бы и ради благополучия Хуана.

— Может быть, — согласилась Корди. — Но я своего не упущу. Я потому и примчалась сюда в такой спешке, когда узнала, что семейство Кампусано не намерено отказываться от ребенка Франсиско и его матери. Здесь пахнет деньгами, и большими деньгами, и я обязательно прослежу за тем, чтобы малыш получил свою долю. Ну, и я тоже, естественно. Должна признаться, когда я прочитала, что он предложил тебе выйти за него замуж, полагая, что ты — это я, то была заинтригована. Но кинопробы прошли успешно, и мой агент по секрету сообщил мне, что я получу контракт, так что я не особенно стремилась к замужеству, иначе пришлось бы распрощаться с актерской карьерой. А когда я увидела его... Теперь-то я с удовольствием отложу подписание контракта на годик или около того, и стану добросовестной матерью и женой, если он будет по ночам согревать мою постель. Ты знаешь, я считала Франсиско очень интересным, но он и в подметки не годится Хавьеру. — Корди взглянула на свои часы, и на лицо ее набежало облачко. — Почему он задерживается? Мы опоздаем на представление, если он не появится в ближайшие десять минут.

— Когда он уезжает на деловую встречу, то может отсутствовать и несколько дней, — поделилась Кэти своим опытом, и Корди презрительно глянула на нее.

— Вот-вот, давай, ободряй меня и дальше! — Ее глаза сузились под слепящими лучами солнца. — А что ты собираешься делать? Тебе нельзя оставаться здесь. Хавьер, возможно, окажется достаточно вежливым и не предложит тебе уехать, но ему вряд ли будет приятно

твое присутствие.

— Ты думаешь, я этого не знаю? Как только я извинюсь перед ним, сразу уеду.

— Не думаю, что это так уж обязательно! Если бы ему были нужны твои извинения, он бы уже давно потребовал их от тебя. Судя по его поведению вчера и сегодня утром, я бы сказала, что он вобьет эти извинения в твою глотку. Кроме того... — В ее голосе появились льстивые нотки, которые Кэти помнила еще по прошлым годам. Это означало, что ее сестра совсем не так уверена в себе, как старается показать. — ...это может еще больше все осложнить. Благодаря тебе его мнение о женщинах сейчас и так хуже некуда. И если ты еще больше испортишь ему настроение, в каком положении окажусь я?

В этом есть смысл, неохотно признала Кэти. У меня долг перед Хавьером, да и перед собой — принести эти извинения. Но я не должна ставить под угрозу переговоры о будущем Хуана. Хавьер и Корди сами придут к какому-то соглашению — независимо от того, будет оно включать брак или нет. Я поступлю эгоистично, если задержусь здесь, чтобы увидеть его в последний раз. Я и так принесла много вреда, заключила она и с трудом поднялась на ноги. Напишу ему потом, когда страсти улягутся, и попытаюсь объяснить мотивы своих поступков.

— Ты права. Пойду поищу Томаса и попрошу отвезти меня в город. Мне надо собрать вещи и попрощаться с Хуаном и доньей Луисой.

— Это вполне могу сделать и я — сложить твои вещи и отослать их тебе. И к чему беспокоиться о прощании? Мне кажется, матери Хавьера не доставят удовольствия лишние объяснения. Она была как оглушенная, когда я вчера вечером появилась там и сказала, кто я такая. Она, наверное, подумала, что ты сумасшедшая! — Корди тоже встала со скамьи. — Прощание с ребенком только расстроит тебя, а для него оно все равно ничего не будет значить, он для этого слишком мал. Кроме того, ты сможешь видаться с ним, когда захочешь, это я тебе обещаю. Так почему бы не поехать прямо в аэропорт? У тебя хватит денег?

Денег у нее было мало, но она могла воспользоваться своей кредитной карточкой, оставленной на крайний случай. Сейчас был как раз такой случай.

На языке у нее крутился вопрос, к чему такая спешка, но она не успела его задать, потому что в этот момент через широкие ворота во двор въехал большой ?мерседес? и из него вышел Хавьер, с ненужной силой хлопнув дверцей. Его мрачное лицо кипело гневом.

— Вот смотри, что ты наделала! — прошептала ей на ухо Корди. — Только он увидел, что ты все еще болтаешься здесь, сразу пришел в скверное настроение. Почему бы тебе не сделать единственно правильный поступок и не обратиться с глаз долой?

Но Кэти едва слышала. Все ее внимание было целиком поглощено человеком, широкими шагами подходившим к ним. Земля закачалась у нее под ногами, и она призвала на помощь все свои моральные и физические силы, чтобы держаться прямо. Сердце молотом стучало у нее в груди, и одного взгляда на его сумрачное лицо оказалось достаточно, чтобы она поняла: он не станет слушать ни единого слова, которое она может сказать в свое оправдание.

— Мы прощаемся, — объяснила Корди с лучезарной улыбкой. — Кэти уже почти в пути. Она как раз собиралась пойти попросить вашего человека отвезти ее в аэропорт.

— Подождите меня в машине, Корделия, я не задержу вас надолго. Мне надо кое-что сказать вашей сестре. — Голос Хавьера был резок, обычно присущая ему бархатистость исчезла, остался лишь наждак глубочайшего презрения. И хотя он обращался к Корди, его глаза ни на

секунду не отрывались от измученного болью лица Кэти. Того очаровательного, дьявольски притягательного человека, которому она готова была пообещать все на свете, больше не существовало.

Краем глаза она видела, что Корди обошла машину кругом и с торжествующей улыбкой скользнула на пассажирское место. Кэти облизнула губы. В горле у нее пересохло. Она не смогла бы выдать из себя так необходимого извинения, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Она вся дрожала от осознания своей ужасной вины и едва выносила его стальной взгляд.

— Значит, бежишь? — с угрозой в голосе спросил Хавьер. — Предупреждаю тебя: попробуй только сделать шаг за ворота finca без моего разрешения, и я подам на тебя в суд за нарушение обещания. — Он щелкнул пальцами, все еще сверля ее глазами, и тут же рядом с ним возник Томас. Хавьер быстро сказал ему по-испански несколько слов. Томас кивнул, бросив на нее печальный взгляд, и ушел. — Ты останешься здесь до моего возвращения. Мне придется сказать тебе много неприятных вещей, — пообещал он. — И ты выслушаешь их все, от начала до конца. — Он повернулся на каблуках и бросил, уходя: — Тогда, и только тогда, ты будешь вольна делать все, что пожелаешь.

Наступил вечер, а Хавьера и Корди все еще не было. Даже самый поздний, необычайно долгий обед не мог задержать их на столько времени, обреченно думала Кэти, поглядывая на пыльную белую дорогу. Если он хочет таким образом наказать меня, то ему это удалось в полной мере. А может быть, спросила она себя в отчаянии, Корди его так очаровала, что он напрочь забыл о моем существовании?

Ну и ладно, решила она, я больше не буду ждать ни минуты. Он не имеет права командовать мною! Кто он мне такой? Сколько можно чувствовать себя виноватой и примерно наказанной? Он подаст на меня в суд за нарушение обещания? Пусть только попробует!

Сейчас попрошу Томаса отвезти меня в Херес, попрощаюсь с доньей Луисой, Розой и Хуаном, а потом сниму на ночь номер в каком-нибудь дешевом отеле. Стыдно, конечно, там появляться, но я не могу просто так сбежать, мне надо в последний раз подержать на руках своего ребенка.

Мысль о том, что она никогда больше не увидит малыша, потому что Хавьер добьется его усыновления, независимо от того, захочет жениться на Корди или нет, была просто непереносимой.

Кэти глубоко вздохнула и побрела в дом, стараясь не расплакаться и повторяя про себя то, что она уже давно признала: семья Кампусано сможет обеспечить ее ребенку гораздо более светлое будущее, чем она сама.

Забрав из комнаты сумку, она отправилась на поиски Томаса и нашла его на кухне. Но на ее простую просьбу последовал раздраженный отказ:

— Lo siento senorita, дон Хавьер говорит оставаться здесь.

А Пакита, оторвавшись от раковины, где она усердно мыла овощи, сказала целую фразу по-испански, которую Кэти не поняла, но по тону ее голоса было件нятно: ?Не волнуйтесь и не беспокойтесь, все будет хорошо?. Этот покровительственный тон она взяла еще днем, когда подавала для Кэти обильный обед, к которому та не смогла даже притронуться.

Пробормотав с достоинством ?gracias? , Кэти вышла из кухни. Значит, этот смуглый дьявол

решил, что может держать меня в заключении, а я, съезжившись от страха, должна дожидаться, когда он соизволит вернуться и наказать меня? Он уверен, что если меня не удержат здесь угрозы отдать под суд, то остановит отсутствие транспорта. Ничуть не сомневаюсь, что Томас передал его инструкции и всем остальным работникам усадьбы. Ну что же, дона Хавьера ждет крупный сюрприз. Пойду по шоссе и, если не удастся остановить попутную машину, доберусь до города пешком. Даже если это займет всю ночь!

Крепко зажав сумку под мышкой, Кэти направилась к выходу из дома, чувствуя, что нервы ее на пределе, но понимая: только ненавидя его, только дав ему понять, что он не смеет так с ней обращаться, она удержится от превращения в раздавленную чувством вины истеричку.

Она шагала по дороге, и ее мысли все время возвращались к тому, что сейчас делают Хавьер и Корди, почему они так долго отсутствуют. Строят планы насчет будущего Хуана? Почти наверняка. Хавьеру не составит особого труда убедить Корди, что для всех будет лучше, если он усыновит ребенка и вырастит из него своего наследника и преемника. А если Корди начнет упрячиться, интересно, добавит ли он к этому приманку в виде предложения о браке?

А почему бы и нет? Он уверен в том, что уже не способен полюбить, и даже согласен был оформить брак с самой заурядной женщиной, не умеющей даже доставить удовольствие мужчине! Интересно, а доставила ли я ему удовольствие в ту ночь?

А что, если он был разочарован? Что, если он сейчас говорит Корди обо мне такие же вещи, какие в свое время говорил Дональд? Думать об этом было невыносимо. Кэти брела по проселку и неожиданно спугнула маленькую совку, сидевшую на столбе. Та унеслась куда-то в сгущавшиеся сумерки, и ее резкий крик лишь усилил ощущение одиночества. Кэти задумалась: наверно, никто здесь больше сегодня не проедет. Скоро совсем стемнеет, а я еще даже до шоссе не добралась. Неужели придется признать свое поражение и вернуться домой? И вдруг услышала рев мотора и, увидев свет приближающихся фар, поспешно отступила на обочину.

— *Pog Dios!* — Это восклицание и последовавший за ним поток энергичной брани на испанском кого угодно заставили бы зажать уши руками. Но она не сделала ничего подобного. Она стояла там, где остановилась, хотя колени у нее предательски дрожали, когда Хавьер выскочил из ?мерседеса? и через мгновение очутился перед ней. Казалось, он пролетел все это расстояние, вообще не касаясь земли. Тело его было напряжено, губы сжаты.

— Куда это, черт побери, ты направляешься? — прорычал он.

У него был такой вид, будто он хочет убить ее. Перемена, происшедшая в этом человеке, который еще совсем недавно очаровал и обаял ее, человеку, который навсегда украл у нее сердце, была просто поразительной. Кэти душили боль и гнев: ему неизвестно, что такое терпимость, сострадание и понимание, в нем есть только эта чертова испанская гордость! Наплевать, что Корди наверняка наблюдает из машины за всем происходящим со своей кошачьей улыбкой, пусть слушает.

— В Херес, собрать свои вещи. Куда же еще? — закричала Кэти прямо ему в лицо.

— И как ты собираешься это сделать? — рявкнул он в ответ. — Где твое помело, ведьма?

— Ты же запретил своим людям везти меня, вот я и ищу попутную машину. — Голос у нее дрожал от ярости. — Если бы я была ведьмой, то еще несколько недель назад превратила бы тебя в жабу!

В любой момент она могла влечь ему пощечину, она знала, что вполне на это способна. Все ее чувства были на точке кипения: и любовь к нему, и обида, — и потому ей одновременно хотелось и отвесить ему оплеуху, и поцеловать его. Глаза Хавьера сузились, как от острой боли, и он сильно втянул в себя воздух, так что даже ноздри затрепетали, а грудь поднялась под белой сорочкой.

Где-то, пока они с Корди были вместе, он снял пиджак и галстук. Корди сможет точно указать, где именно он освободился от этих деталей одежды. И зачем. Кэти накрыла волна отчаяния, и, чтобы не захлебнуться, она вызывающе вскинула подбородок.

— Значит, ты рискнула подвергнуться неизвестно каким опасностям, я уж не говорю о стертых ногах, только для того, чтобы бросить мне вызов? — мрачно, но уже тоном ниже спросил Хавьер. И повторил еще раз, как будто в это невозможно было поверить: — Ты хотела бросить мне вызов?

О Господи, какой в этом смысл? — сердито подумала Кэти. Поскреби любого испанца, и под слоем лака обнаружится обыкновенный деспот. Мужчины приказывают, женщины повинуются.

Было абсолютно бесполезно продолжать эту унижительную словесную перепалку, поэтому, тщательно контролируя свои интонации, она предложила:

— Ладно, коли уж ты наконец решил объявиться, можешь подвезти меня. Просто чтобы я не стерла ноги.

С таким же успехом она могла обращаться к каменной стене, если судить по выражению его лица. При совсем уже слабом свете, что лился на них с небес, было трудно понять, как он отнесся к ее предложению. Он стоял неподвижно, напрягшись всем телом, и вдруг схватил ее за руку и потащил к машине.

— Садись.

Когда он бесцеремонно затолкал ее на пассажирское место, Кэти сначала подумала было, что выиграла: он отвезет ее в Херес и не станет говорить всех этих неприятных вещей, как грозил. Тогда почему же опять хочется заплакать?

Второй ее мыслью было, куда исчезла Корди. Он, наверное, оставил ее в городе, чтобы она увидела Хуана и поближе познакомилась с будущей свекровью. Бедная донья Луиса, наверное, будет смущена донельзя!

Кэти смотрела прямо перед собой. Молчание все-таки было лучше этой унижительной словесной перепалки. Они ехали по проселку, по которому только что прошла Кэти, и она решила, что Хавьер ищет место, где было бы удобнее развернуть большую машину. Но когда он повернул к конюшне и выключил мотор, она вопросительно вскинула на него глаза. Его каменный профиль не выражал абсолютно ничего.

— Вылезай! — приказал он, и она испугалась, что он хочет запереть ее здесь, держа на положении пленницы, пока не решит, что она достаточно наказана. Или до тех пор, пока она не поседет и не станет беззубой старухой.

Она только испуганно охнула, когда дверца с ее стороны распахнулась и Хавьер грубо вытащил ее наружу.

— Сегодня между нами будет откровенный разговор, — заявил он, широко расставив ноги и положив руки на бедра. — Но сегодняшним вечером я не ограничусь. Подожди, пока я оседлаю Ла Льяму.

Кэти поплелась за ним к конюшне, плотно сжав губы. Этот человек сошел с ума! И когда он появился из кладовки, неся седло и упряжь, она твердо заявила:

— Накричи на меня, если тебе так хочется. Но сделай это прямо сейчас. Я не намерена сидеть в конюшне и ждать, пока ты накатаешься.

— Ты поедешь со мной. — Тон его был таков, что она не осмелилась спорить. — Ла Льяма вполне выдержит нас двоих. А чтобы как следует накричать на тебя, чего ты так страстно желаешь, то мне для этого не хватит и года!

Куда-то ехать с ним, сидеть так близко от него — об этом не может быть и речи. Сейчас я принесу ему свои глубочайшие извинения, и, может, он оставит меня в покое, решила Кэти.

— Мне очень жаль, что я выдала себя за Корди, что претендовала на роль матери Хуана. Мне очень хотелось бы, чтобы ты попытался понять, почему я так поступила и как мне трудно было потом...

— Perdicion! — грубо оборвал он ее извинения.

Свинья! Может, голос у меня звучал недостаточно униженно? Может, его гордость требовала, чтобы я ползала у его ног? Подавляя желание высказать ему все, что о нем думает, Кэти закрыла рот, и тут же он сам у нее открылся, потому что Хавьер прорычал:

— Я знал, что ты мне лжешь. Я давно это подозревал, а потом уже знал точно. Я не идиот и легко догадался почему. Не за это я тебя наказываю, а за то, что ты попыталась сбежать от меня. Вот так-то вот!

Он щелкнул пальцами, как бы подводя итог дискуссии, но Кэти не сдавалась:

— Ни к чему злиться и проявлять свой испанский гонор. Я не сбегала, а предприняла тактическое отступление. Приехала моя сестра, пожелав забрать ребенка назад, на что она имеет полное право. Теперь ты можешь вести переговоры с ней, и я уверена, что ты это уже сделал. Во мне у тебя больше нет никакой нужды.

— Откуда ты знаешь мои нужды? — спросил он, и голос его был так тих и угрожающ, что по спине у Кэти побежали мурашки и она возразила дрожащим голосом:

— С того момента, как здесь появилась Корди, это было совершенно очевидно. Ты был взбешен и не захотел даже слово мне сказать. У меня не было больше причин оставаться здесь, а у тебя не было больше причин жениться на мне, вот я и подумала, что лучше всего спокойно уехать.

— Я разве говорил, что свадьба отменяется? — укоризненно сказал он в своей высокомерной манере, которая обычно вызывала у нее желание поцеловать его, взъерошить ему волосы, но сейчас она только стояла с широко открытыми глазами. Зачем же ему теперь жениться?

Но Хавьер не дал ей времени задать этот вопрос, он прошел мимо нее, неся всю сбрую в конюшню, а когда она вновь обрела способность говорить, он уже возвращался, ведя в поводу оседланного коня, одного из тех знаменитых cartujanos, что являются чистокровными представителями арабо-испанской породы. Одним прыжком он взлетел в седло, усадил ее

перед собой и пустил жеребца какой-то особой рысью через мощный булыжником двор.

Кэти стиснула зубы, подавляя в себе желание потребовать, чтобы он немедленно спустил ее на землю. Все равно он сделает так, как ему хочется. Он так делал и раньше и будет делать впредь. Спорить с ним — только сотрясать воздух. Так что она попыталась обратить все свои умственные способности на разрешение загадки, почему же он, зная о том, что она лгала ему, так рассердился, когда приехала Корди. Почему, коли уж подозревал правду, он не постарался узнать местонахождение настоящей матери Хуана, чтобы заручиться ее согласием на усыновление, а самозванку не отправил назад? Разгадать эту загадку она была не в состоянии. Но тут всякие мысли вообще выскочили из ее головы, когда, выехав в поля, Хавьер дал волю великолепному скакуну. Кэти замерла в восторге.

Стук копыт по земле был единственным звуком в огромной, бархатной, освещенной только звездами ночи, все ее тело превратилось в пылающее пламя, под стать имени этого чудесного коня, и искры разгорающегося пожара высекались от близости Хавьера. Его бедра были плотно прижаты к ее бедрам, одной рукой он прижимал ее к себе, а другой поддерживал поводья.

Если бы так было навеки! — мечтательно подумала она. Я и Хавьер, мы слились в единое целое, а гладкий, сильный конь мчит нас сквозь волшебную, бархатную вечность.

Только это было невозможно. Вскоре Хавьер, натянув поводья, остановил лошадь и легко соскочил с седла. Вот здесь и начинается дорога испытаний, поняла она, вся напрягшись, когда он протянул руки, чтобы помочь ей спуститься на землю. Здесь, в темноте, в безлюдных полях, он может дать волю своему гневу. И я совсем не уверена, что вынесу все это, особенно теперь, когда нервы у меня на пределе, а в голове полный сумбур.

Хотя он не сказал ни слова, обнимая ее за талию и снимая с седла, Кэти почувствовала, что в нем произошла какая-то перемена. Его суровые черты стали печальными, хотя при тусклом свете звезд можно и обмануться.

— Ты обещала выйти за меня замуж, а вместо этого попыталась сбежать. Значит, с появлением твоей сестры, проявившей вдруг запоздалый интерес к Хуану и его будущему, ты сочла, что больше нет причин оставаться здесь?

Весьма краткое резюме. Многое он упустил, но в целом именно такова и была правда. Кэти видела его в разных настроениях, и порой он был невыносим, но таким он предстал перед ней впервые. Грустным — вот, пожалуй, единственное слово, которое точно описывало его состояние. Ей легче было бы вынести яростную вспышку его гнева, чем видеть его таким. У нее стоял комок в горле, но она прошептала:

— Да.

— Понятно. — Крохотная, напряженная пауза. — Единственной причиной, по которой ты согласилась выйти за меня замуж, было стремление обеспечить будущее Хуана. Если это так, я вынужден согласиться с твоим решением уехать и освобождаю тебя от твоего обещания. — Он отвернулся. — Сейчас мы крикнем Ла Льяму, он пасется где-то рядом, и вернемся в дом, сеньорита.

Формальность его тона и прозвучавшая в нем решимость чуть не разбили ей сердце. Нельзя допустить, чтобы это кончилось так вот просто. И она быстро проговорила дрожащим от слез голосом:

— Это была не единственная причина. — И увидела, как его плечи слегка приподнялись,

выражая безразличие, которое чуть не лишило ее остатков храбрости. Но груз всей ее предыдущей лжи был так тяжел и она так долго несла его, что теперь решила на абсолютную правду: — Я согласилась потому, что люблю тебя. Потому, что не мечтаю о большем счастье, чем провести всю оставшуюся жизнь с тобой. И, конечно, с Хуаном. Я люблю и его тоже, и для нас троих...

— Que?

Глубокий тембр его голоса даже больше, чем то, что он прервал ее, поразил Кэти. Помолчав, вся дрожа, она спросила:

— Мне повторить?

— Повторить, и повторять до бесконечности, если это правда! Это в самом деле правда?

Одним широким шагом он преодолел разделявшее их расстояние и заглянул в ее фиалковые глаза, где, ясно видимая ему, стояла вся ее душа. И тогда он обнял ее своими сильными руками, притянул к себе. Его губы с силой прижались к ее губам, а когда он наконец отпустил ее, по ее щекам бежали слезы.

— Никаких слез, — приказал он охрипшим голосом, нежно стирая их кончиками пальцев, а потом приподнял ей подбородок. — И никаких разговоров об отъезде! — Он сел на траву, потянув ее за собой. — Давай побудем здесь и поговорим обо всем: о нашем будущем и о свадьбе. Но сначала, *carino*, мы займемся любовью. Здесь, под звездами, мы займемся с тобой любовью.

Кто может устоять против такого предложения, особенно когда произнесено оно этим богатым оттенками, ласковым голосом? Кэти еще полностью не осознала, что он по-прежнему хочет сделать ее своей женой, несмотря ни на что; она даже и не пыталась понять это, полностью отдавшись наслаждению. И нежные, томительные ласки вскоре переросли в неудержимую страсть.

Но, когда все было кончено и она плыла на волнах блаженства, чувствуя крепкое объятие его рук и губы, покрывающие ее лицо долгими благодарными поцелуями, она вдруг вспомнила обо всем. Боясь прерывать этот сладостный миг, она все-таки не удержалась и спросила невнятным голосом:

— А где Корди?

— Кто? — Движения его губ были томительно-греховны, и, когда его язык проник между ее полуоткрытых губ, она забыла о своем вопросе. Он ответил лишь через несколько минут, и то скороговоркой: — Наверно, уже в Мадриде. Завтра она улетает назад, в Штаты.

Это невозможно было сразу переварить, да и Кэти никак не могла сосредоточиться, потому что он приподнялся на локте и его рука медленно заскользила по ее обнаженному телу. Ей пришлось напрячься, чтобы понять следующие его слова:

— Сегодня рано утром я два часа провел у своих адвокатов, последующие три мы провели с твоей сестрой, обговаривая условия соглашения, которое было потом надлежащим образом и без принуждения подписано ею. По этому соглашению ей полагается весьма приличный пожизненный годовой доход и право видеть своего сына, когда только она пожелает, хотя мне почему-то кажется, что подобное желание будет возникать у нее не особенно часто. За это она дает согласие на окончательное усыновление его тобою... и мною. Потом я отвез ее в аэропорт

и дождался, пока она села на рейс до Мадрида.

Так вот, значит, где он был! Корди продала своего сына за горшок золота. Но все это не важно. Мы с Хавьером дадим ему всю любовь и нежность, которая ему нужна. И даже сверх того.

Кэти была на седьмом небе от счастья, а его рука медленно скользила по атласной коже на внутренней стороне ее ног. Она жадно потянулась к Хавьеру, но тот улыбнулся в темноте.

— Ах, какая же ты нетерпеливая, amor mio ! Но есть еще один вопрос, который я хотел бы уяснить для себя, прежде чем с удовольствием удовлетворю твой чудесный пыл. — Он притянул ее к себе, и свидетельство его желания выполнить обещанное было так очевидно, что она чуть не зарыдала, но он закрыл ее рот крепким, быстрым поцелуем. — Почему ты не сказала мне, кто ты есть на самом деле, когда я впервые пришел к тебе? Неужели ты думала, что я не способен тебя выслушать, отбросить все второстепенное ради общего блага? Ты считала меня злым? Но даже если и так, неужели ты не могла довериться мне потом, когда узнала меня получше? — В голосе у него сквозила обида, и Кэти успокаивающе погладила его гладкое плечо. — Я уже давно убедился, что мои подозрения верны и что у тебя должна быть сестра — Корделия. Теперь ты можешь понять, какую боль мне причиняло и как сердило меня твое неверие в мои добрые намерения?

— О, Хавьер!

Так вот откуда были те взрывы гнева, которые она приписывала своему отказу от брака с ним. Свернувшись калачиком и уютно устроившись у него на руках, она рассказала ему все: как она боялась, что он узнает правду и заберет у нее ребенка, которого она так любила; как, в первый раз не сказав всей правды, она вскоре запуталась в паутине лжи, а потом оказалась в еще более сложном положении, когда поняла, что полюбила его.

— Я как раз собиралась все рассказать и предоставить тебе самому решать, как нам быть, и тут появилась Корди. А ты так рассердился...

— Но я рассердился совсем не на тебя, querida. — Он тихо баюкал ее, прижав к себе. — А на нее. Я тебе уже сказал, что давно догадывался о твоей тайне. Было сразу ясно, что ты вовсе не та ветреная фотомодель, которую я видел с Франсиско. Но между вами была какая-то связь, что-то у вас было общее, и сначала я просто попал в тупик. Ты оказалась гораздо красивее, чем мне запомнилось, и гораздо выше по своим человеческим качествам, чем показали мои предварительные расследования образа жизни и характера возлюбленной Франсиско. Я приготовился встретиться со своим племянником и его матерью, полный самых дурных предчувствий, поверив тому, что о ней слышал. Может быть, поэтому я был излишне резок или слишком откровенно проверял, заботятся ли о Хуане надлежащим образом, и это толкнуло тебя на ложь. Ну что же, вполне понятно. — Он погладил ее по спине. — Тебе не холодно?

Кэти покачала головой. Ночной воздух был как теплый шелк. Он сказал, что я красивее, чем моя сестра! Неужели он так считает?

— И я тоже лгал тебе, Кэти mia, — продолжал Хавьер. — Когда я впервые привез тебя сюда, то сказал, что мать еще не совсем оправилась после смерти Франсиско, чтобы видеть тебя и ребенка. На самом деле, конечно, ей не терпелось познакомиться с вами обоими. Мне пришлось проявить известную твердость, чтобы удержать ее от этого. Но я должен был поближе узнать тебя. Ты и твое поведение не совпадали с тем, что я ожидал увидеть. Ты была всей душой предана ребенку и оказалась мягкой, щедро любящей женщиной. А совсем не тем существом с двойной моралью, полным жадного эгоизма, каким должна была быть по моим

представлениям. То, что ты стала более красивой, твои соблазнительные округлые формы я отнес на счет недавнего материнства. Но остальное...

— И поэтому ты решил подвергнуть меня испытанию, — ласково вставила Кэти, совсем теперь не возмущаясь этим, понимая, почему он пошел на этот шаг. — Когда мы встретились в тот день где-то здесь, возле рощи, ты попытался соблазнить меня, чтобы доказать мою аморальность.

— Dios! — Он коротко рассмеялся. — Ошибаешься. Просто я ничего не мог поделать с собой. Ты была такой соблазнительной, что мои руки сами потянулись к тебе. А потом мне пришла в голову мысль жениться на тебе. Я и сам удивился. И чтобы примирить себя с собой, я сказал тебе, да и себе тоже, что этот брак будет формальным, только ради Хуана. Тогда-то я и выяснил всю правду о тебе и твоей сестре. Эта история меня поразила, и я от всей души захотел, чтобы ты стала моей женой, моей любовницей, матерью моих детей. А когда ты согласилась, я привез тебя сюда. Я знал, что, если дать тебе время и возможность, ты сама откроешь мне свою душу. И ты начала делать это, рассказав о своей первой любви. Корди Соме вряд ли смогла бы сделать такое признание, поскольку весьма любвеобильна. А ты сказала, или, во всяком случае, это предполагалось, что он у тебя был один. Здесь совсем не оставалось места для моего брата. — Хавьер подвинулся и осторожно лег на нее, и она тут же соблазнительно раздвинула и подняла ноги. Прижавшись губами к ее шее, он пробормотал: — Корделия вошла никем не званная и никому не нужная как раз в тот момент, когда ты была готова во всем признаться. Я так разозлился, что хотел убить ее на месте, потому что тоже готов был кое в чем признаться.

— В чем же? — задыхаясь, спросила она, пока быстрыми, легкими поцелуями, как бы танцевавшими по ее шее, Хавьер все ближе и ближе подбирался к ноющим от сладкой пытки полушариям ее полных грудей.

— Te quiero muchísimo, querida. Я влюбился в тебя еще тогда, в сосновой роще. И привез тебя сюда вовсе не чтобы отругать, а чтобы получить окончательное согласие там, где все это впервые началось.

— Только это еще не конец, правда? — спросила она, наслаждаясь его любовью, силой его чувства к ней.

— Никогда не будет конца нашей любви и нашей нежности, — ответил он низким от душившейся его страсти голосом.

Когда рассвет разбросал по небу розовые облачка, они рука об руку пошли назад в finca, а Ла Льяма следовал за ними, изредка толкаясь носом в спину то Кэти, то Хавьеру, как бы напоминая, что он терпеливо ждал, а сейчас хочет наконец добраться до своего стойла и хорошего завтрака.

— Скажи, почему ты отказывался перемолвиться со мной хоть словом после того, как приехала Корди? — спросила Кэти. Она уже не огорчилась бы, даже если б он ответил, что готов был убить не только Корди, но и ее тоже. Она была так уверена в его любви, чувствовала такое счастье, какого раньше даже и вообразить не могла.

Хавьер обнял ее за талию, и в голосе его зазвучали веселые нотки:

— У меня просто не было времени сказать тебе все, что надо. Поэтому я решил сначала заняться выдворением твоей сестры, для чего вместе с адвокатами подготовил такие предложения, от которых она просто не могла отказаться. Но когда я приехал, чтобы отвезти

ничего не подозревающую Корди в город, ты уже собралась уезжать. У меня не было ни секунды, и пришлось пригрозить тебе чуть ли не адским пламенем, если ты не дождешься моего возвращения. Я не хотел, чтобы Корди догадалась о наших отношениях и из зависти отказалась подписать нужные бумаги. Но ты этого не поняла и попыталась сбежать. И тогда я засомневался в том, как ты ко мне относишься, и чуть не впал в отчаяние...

Его рука крепче притянула ее к себе, голос становился все тише — видно, сердце его было слишком переполнено, чтобы говорить. И Кэти в ответ тоже прижалась к нему и сказала:

— *Te quiero, amado.*

Быстро наклонив голову, чтобы коснуться ее губ своими, Хавьер улыбнулся.

— Твой акцент сводит меня с ума! Но у нас теперь будет время, чтобы поправить это. Я научу тебя своему языку, который скоро станет и твоим. А чтобы вознаградить тебя за труды, мы время от времени будем навещать Англию. Ты не будешь чувствовать ностальгии, — заверил он ее самым уверенным тоном, на какой был способен, передавая коня молодому груму, выбежавшему им навстречу из конюшни.

Глаза парня с достойной похвалы скромностью были опущены долу в полном несоответствии с изогнувшимися в ухмылке губами. Он явно заметил, в каком беспорядке находится их одежда и какая она мятая.

— Живя здесь, в Андалузии, особенно в Хересе, нельзя испытывать ностальгии ни по какой другой стране в мире, — заключил Хавьер, и в глазах у него плясали чертики. Взяв Кэти за руку, он провел ее под аркой, ведущей в патио. — Однако я пойду навстречу твоему возможному желанию посетить родину, как и всем остальным твоим желаниям.

И, стоя с ним в этом волшебном испанском дворике, окруженном резными аркадами, любуясь росой на розах и нежных лилиях, утренней дымкой, набросившей прозрачную вуаль на встающее солнце, она и правда не могла себе представить лучшего места на свете.

Но тут заглянула в его спокойные серые глаза и вдруг посерьезнела.

— А Хуан?.. Я рожу тебе детей, но останется ли у тебя в сердце место для него, когда появятся собственные сыновья?

— Всегда! — Он сильно прижал ее к своей груди, прямо к сердцу. — Сколько бы детей ты мне ни родила, как бы глубоко я ни любил их, Хуану всегда будет отведено особое место в моих привязанностях. Не будь его, мы никогда бы не встретились и я никогда так и не узнал бы, что значит любить женщину больше всего на свете, не узнал, что способен на всепоглощающую страсть, которая гораздо глубже, чем просто влечение, примерно настолько же, насколько океан глубже дождевой лужи. А сейчас, — он чуть-чуть отстранил ее от себя, приподнял рукой подбородок, — время завтрака. Пакита принесет его нам сюда. А потом ванна и сиеста раньше, чем обычно. Ты согласна?

Она склонила голову набок, ее глаза наслаждались чувственной линией его губ, и в горле у нее зажурчал едва сдерживаемый смех.

— Да разве покорная испанская жена позволит себе в чем-нибудь не согласиться с мужем? — Ее глаза лукаво поблескивали. — Ты видишь, с какой радостью я во всем подчиняюсь тебе? Но ты, конечно, имел в виду, что и ванна, и сиеста — все это вместе, не так ли?

— Вместе. Навсегда.

В словах Хавьера было то обещание и та страсть, о которых она когда-то мечтала и которые наконец получила.

mir-knigi.org